ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

4 .1999

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 1999, № 4

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор)
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора)
В.Е. Владыкин
Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь)
А. Г. Иванов
М. Г. Иванова
А. Д. Каксин
В. К. Кельмаков
Г. М. Керт
Н. Д. Конаков
В. Г. Кудрявцев
Т. Л. Молотова
В. В. Напольских
Т.Б. Никитина
А. Н. Ракин
В. В. Седов
В. С. Соловьев
Д. В. Цыганкин

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

©НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Чураков В. О значении этнонима *ар*..... 5
Шпиницкая Ю. «Lapponia» Эрика Бергмана в контексте культуры саамов..... 15
Тираспольский Г. К вопросу о типологическом вкладе финно-угорских языков в русскую субстантивную деклинацию..... 22
Яковлева В. К проблеме мещеры..... 34

СООБЩЕНИЯ

Гаврилова В. Об одном из способов выражения множественности предметов в марийском языке..... 46
Лебедева Э. Грамматические особенности марийских пословиц и поговорок..... 54
Плосков И. О некоторых архаических элементах коми волшебной сказки..... 59
Онина С. Декоративно-прикладное искусство обско-угорских народов..... 62
Соловьёв В. Стадиальные характеристики круговой поруки коми как основополагающего общинного атрибута..... 67
Абдулаев В. Проблемы создания электронного архива археологических материалов..... 74
Логинов В., Пермяков А. Социально-экономическое обоснование природного парка «Ляпинский»..... 84
Бутылов Н. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов..... 91
Патрушев А. Культура земледелия марийцев в конце XIX - начале XX века..... 94

ПЕРСОНАЛИИ

Иванов И. К юбилею Пауля Кокла..... 98
Исупшев Е. Юбилей А. Н. Ракина..... 103
Автайкин И. Ивану Андреевичу Ефимову 70 лет..... 107
Сепеев Г. К юбилею Т. А. Крюковой..... 111
Кузьминых С. Памяти Владислава Евгеньевича Стоянова..... 115

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Галкин И. Рец.:Beke Ödön. Mari nyelvjarasi szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) t. 1-3. Savariae, 1997-1998..... 119
Андуганов Ю., Глухова Н. Рец.: Jorma Luutonen. The Variation of Morpheme Order in Mari Declension. Suomalais – ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. 226. Suomalais–ugrilainen Seura, Helsinki, 1997. 201 p..... 122
Кудрявцева Р. Рец.: Софья Чеснокова. Марийская поэма. Тарту, 1998. 162 с..... 126
Кельмаков В. Рец.: Т.Г. Владыкина. Удмуртский фольклор: Синкретизм и функциональная специфика жанров: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. М., 1999. 44 с..... 129
Павлов Н. Рец.: Г.А. Никитина. Удмуртская община в советский период. Ижевск, 1998. 222 с..... 133
Ромбандеева Е. Рец.: Земляной братец. Екатеринбург, 1997. 136 с..... 136
Уткин А. Рец.: Никитина Т. Б. История населения Марийского края в I тысячелетии н.э.: по материалам могильников // Труды МарАЭ. Т. V. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.: илл..... 141

Миннияхметова Т. Рец.: Л.С. Христолюбова. Учёные-удмурты: Биобиблиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1997. 860 с..... 144
Кулалаева Н. Рец.: Марийское краеведение в школе..... 146

ХРОНИКА

Иванова М. Международный симпозиум, посвящённый 100-летию А.П. Смирнова и 25-летию исследований древнеудмуртского городища Иднакар (Глазов 15-18 июня 1999 года) 149
Сануков К. Второй международный конгресс по истории финно-угорских народов..... 154
Садовин И. Научная и культурная жизнь финно-угорского мира в 1999 году..... 157
Содержание журнала «Финно-угроведение за 1999 год»..... 162
Сведения об авторах..... 168

CONTENTS

ARTICLES

Churakov V. The meaning of the ethnonym *ar*..... 5
Shpinitskaya Y. "Lapponia" by Eric Bergman in the context of Saam culture..... 15
Tiraspolsky G. To the question of typological contribution of the Finno – Ugric languages to the Russian substantive declination..... 22
Yakovleva V. To the problem of "meshchera"..... 34

REPORTS

Gavrilova V. About one of the means of expressing objects' plurality in Mari..... 46
Lebedeva E. Grammatical peculiarities of Mari proverbs and sayings..... 54
Ploskov I. About some archaic elements of Komi fairy tale..... 59
Onina S. Applied decorative art of Ob–Ugric people..... 62
Solovyov V. Stage characteristics of "krugovaya poruka" of the Komi as basic communal attribute..... 67
Abdulaev V. Problems of forming digital archives of archaeological materials..... 74
Loginov V., Permyakov A. Social–economic substantiation of the ethno - natural park "Lapinsky"..... 84
Butylov N. To the problem of the Mordvinian–Turkic language Contacts..... 91
Patrushev A. Mari agriculture at the end of XIX - the beginning of XX centuries..... 94

PERSONS

Ivanov I. To Paul Kokla's anniversary..... 98
Igushev E. Anniversary of A.N. Rakin..... 103
Avtaykin I. Ivan Andreevich Efimov is 70..... 107
Sepeev G. To T.A. Kryukova's anniversary..... 111
Kuzminykh S. In memory of Vladislav Evgenyevich Stoyanov..... 115

SURVEYS AND REVIEWS

Galkin I. Rev.: Beke Ödön. Mari nyelvjarasi szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) t.1-3, Savariae, 1997-1998..... 119
Anduganov Y., Glukhova N. Rev.: Jorma Luutonen. The variation of Morpheme Order in Mari Declension. Suomalais–ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. 226. Suomalais–ugrilainen Sura, Helsinki, 1997. 201 p..... 122
Kudryavtseva R. Rev.: Sofya Chesnokova. Mari poetry. Tartu, 1998. 162 p..... 126
Kelmakov V. Rev.: Vladykina T. G. Udmurt folk – lore: Syncretism and functional specificity of genre: Abstract of thesis for Doctoral Degree in Philology. M. 1999. 44 p..... 129
Pavlov N. Rev.: Nikitina G. A. "Udmurt community in the Soviet period." Izhevsk, 1998. 222 p..... 133
Rombandeeva E. Rev.: Earthen brother. Ekaterinburg, 1997, 136 p..... 136
Utkin A. Rev.: Nikitina T. B. History of the population of the Mari territory in I millennium A. D.: on the material of sepulcher// Works of MarAE. V. 5. Yoshkar – Ola, 1999, 160 p.: il..... 141
Minniyakhmetova T. Rev.: Khristolyubova L. S. Udmurt scientists: Bibliographic reference book. Izhevsk. Udmurtia, 1997, 860 p..... 144
Kulalaeva N. Rev.: Study of Mari local lore in school..... 146

CHRONICLE

Ivanova M. International symposium devoted to 100 anniversary of A.P. Smirnov and 25 anniversary of the old Udmurt settlement Idnakar (Glazov, June 15-18, 1999)..... 149
Sanukov X. The second international congress on history of Finno –Ugric people..... 154
Sadovin I. Scientific and cultural life of Finno–Ugric world in 1999..... 157
Contents of the journal "Finno–Ugric Study for 1999"..... 162
Information about authors..... 168

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

СТАТЬИ

Владимир Чураков
Ижевск

О ЗНАЧЕНИИ ЭТНОНИМА *АР*

В языках тюркских народов Волго-Уральского региона - чувашей, татар, башкир - существует этнический термин *ар*, который они используют для обозначения удмуртского населения.

От тюркских народов этот этноним в средние века попал на страницы русских летописей, в которых удмуртов называют *арскими людьми* или *арянами*, а их страну *Арской землей*. В качестве центра Арской земли упоминается город Арск (1, с.294-309).

Впервые в письменных источниках, данные которых с большой степенью достоверности можно отнести к удмуртам, этноним *ар* в форме *ару* встречается в 1136 году у арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати при описании подвластных Волжской Булгарии земель (2, с. 31). Существуют и более ранние сообщения арабских и персидских авторов о стране *аль-Арсанийа* (X-XII вв.), которую ряд исследователей связывают с территорией арских (южных) удмуртов (2, с. 102 - 103; 3, с. 6 - 8).

Происхождение этнонима *ар* интересовало ученых давно. Еще в начале XVIII века исследователи Ф.И. Страленберг и В.Н. Татищев отмечали: «Вотяки сами зовутся ари (у Страленберга - *ар*), а предел, что мы именуем Вятский, они зовут Арима» (4, с. 31; 5, с. 405). Но уже в том же веке Г.Ф. Миллер писал: «Вотяки, в которых местах я был, не называют себя *ар*, но именем удмурт» (4, с.32). Ему вторил другой исследователь XVIII века Н.П. Рычков: «Писатели, кои думают, что имя ари есть собственное вотяков, без сомнения приняли это от татар, этим именем их называющих: ибо вотяки называют себя общим именем удморд» (6, с. 156). Таким образом, с самого начала изучения этнонима *ар* были высказаны два из трех основных направлений в его трактовке.

Суть всех нижеприведенных толкований сводится к следующему: 1) *ар* - самоназвание удмуртов; 2) данный этноним тюркского происхождения; 3) предполагались его индоиранские корни.

В.Н. Татищев и Ф.И. Страленберг, считая этноним *ар* самоназванием удмуртов, пытались объяснить его происхождение связью с легендарными народами *аримаспиями*, которых упоминал «отец истории» древнегреческий писатель Геродот (V в. до н. э.), и *арамеями*, о которых писал древнеримский ученый Плиний (I в н. э.).

В.Н. Татищев предположил, что название северного народа «*аримаспи*» происходит от названия удмуртов-аров и их земли Арима, название которой он переводил с сарматского языка (Татищев и другие ученые его времени считали, что удмурты и другие финские народы происходят от сарматов), как «крайняя земля», отмечая, что «оный предел был в Европе или Болгарском владении последний к горам Рифейским (т.е. Уральским)» (5, с. 146). Надуманность данной версии очевидна.

Тем не менее, версию об удмуртском происхождении этнонима *ар* разделяли некоторые ученые как XIX, так и XX веков. М.Г. Худяков на основе анализа структуры удмуртского этноса высказал мнение о вероятности существования кроме племен *ватка* и *калмез* еще и третьего объединения удмуртов в районе Нижней Камы, которое носило название *ар* (7, с.346-347).

Последние попытки обоснования удмуртского происхождения этнонима относятся к концу 50-х - середине 60-х гг. XX века. В связи с празднованием 400-летия присоединения Удмуртии к России В.И. Алатыревым была написана статья, в которой он заявлял о существовании у удмуртов двух племен - *уд* и *ар* (8). В топонимическом словаре В.А. Никонова встречаем – «*ар* - самоназвание удмуртов, исходное значение «люди» (?) (9, с.32).

Кроме В.Н. Татищева сторонники «удмуртской» версии не пытались дать этимологию этнонима. Отсутствие каких-либо веских доказательств не позволяет признать данные версии верными.

Другим тупиковым направлением являлась попытка связать этноним *ар* с индоиранскими корнями. Если гипотезы об арийском происхождении удмуртов (10, с. 61; 11, с. 9 – 10) или о том, что ряд купцов-арийцев осело в среде удмуртов и дало им свое самоназвание (12, с. 226) явно некорректны, то новая версия В.И. Алатырева заслуживает того, чтобы о ней упомянули.

В новой версии В.И. Алатырев отошел от предположения об удмуртском происхождении этнонима *ар* и связал его с индоиранским **ari*, **arja* в значении «чужой» (13, с. 100 – 101). По его мнению, дотюркские южные соседи удмуртов - иранцы - могли так назвать предков удмуртов. От иранцев данный этноним «механически» перешел к булгарам. Маловероятность данной этимологии раскрыл С.К. Белых, отмечая, что «данная гипотеза

предусматривает целый ряд трудноприемлемых допущений. Все эти допущения делают настоящую этимологию В.И. Алатырева довольно шаткой» (14, с. 91). (Гипотетичность присутствия иранцев в Среднем Поволжье во второй половине I тыс. н. э; переход звука -r- в -l- в аланском языке еще в скифскую эпоху; никем не объясненное отпадение конечного гласного в слове **ari*.).

Наиболее продуктивным оказалось направление, сторонники которого связывали термин *ар* с тюркскими языками. Ранние версии этого направления выводили этноним *ар* непосредственно из языка ближайших тюркских соседей удмуртов - татар.

К XVIII веку принадлежит версия И.Г. Георги: «Вотяки прозваны от татар арами, т.е. украинцами» (?) (15, с. 48).

Г.Ф. Миллер, считавший, что сибирский народ аринцев является остатками удмуртов (что маловероятно), записал со слов якобы последнего живого старика-аринца: «Имя ари дано вотякам близ живущими татарами и значит пчела» (16, с. 25). Несмотря на то, что исследователи XIX века весьма скептически относились к сообщению Г.Ф. Миллера о сибирских удмуртах, предложенная им этимология получила свое распространение. Д.Н. Островский объяснял этимологию *ар* «пчела» «установившимся взглядом татар на воть, как на племя, отличающееся необыкновенным трудолюбием» (17, с. 4). С.К. Кузнецов писал: «Ари - «шершень» так зовут татары вотяков, некогда оказавших упорное сопротивление их поступательному движению» (18, с. 26). В.М. Бехтерев объяснял данный этноним тем, что удмурты были хорошими пчеловодами (19, с. 626). В свое время критикуя данную версию В.И. Алатырев указал на невозможность образования этнонима *ар* от татарского *ärä* «трутень» (13, с. 105).

Наибольшее распространение получило предположение венгерского ученого М. Жираи, высказанное в 1937 году, о соответствии этнонима *ар* тюркским словам *eri*, *er*, *ir* «человек» (12, с. 226). Следует сказать, что данная версия долгое время оставалась неизвестной советским ученым. Так, еще в 1968 году А.И. Попов считал чувашское *ar* «человек» и этноним *ar* «удмурт» омонимами (20, с. 45).

В этом же году удмуртским языковедом В.К. Кельмаковым была опубликована статья «Кытысь кылдэм удмуртъёслэн «*ар*» нимзьы», где приводилась версия М. Жираи и которую поддержал автор статьи. Открытая к этому времени рукопись арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, где упоминалась подвластная булгарам область *Ару*, сопоставленная чешским ориенталистом И. Хрбеком с Арской землей русских летописей (т. е. с территорией южных удмуртов) (21, с. 172),позволила В.К. Кельмакову конкретизировать версию венгерского исследователя и отнести происхождение этнонима к конкретному этносу - булгарам (22, с. 58). Справедливости ради следует сказать, что этноним *ар* связывали с булга-

рами и другие исследователи, но их заключения были интуитивными и не содержали каких-либо доказательств (см. напр. 23, с.474). В 1970 году русский вариант данной статьи был опубликован в сборнике «Этнонимы» [24, с. 189 - 193]. С тех пор практически в каждом исследовании отражалась версия М. Жираи - В.К. Кельмакова.

В 1967 году М.В. Сысоева (Гришкина), анализируя письменные источники по истории удмуртов, высказалась в пользу трактовки этнонима *арису*, упомянутого в письме хазарского кагана Иосифа (ок. 960 г.), в качестве обозначения удмуртов (25). В 1987 году М.Г. Атаманов, считая термин *арису* «непроизвольным слитным написанием этнонимов *ар* «удмурт» и *ису* «весь», сделал вывод о хазарских корнях названия *ар*, от которых оно попало в язык близкородственных булгар (26, с. 87).

Комментируя данную версию, следует отметить, что слово «человек» чаще всего выступает как самоназвание, но почти никогда как название другого народа: «Никто не назвал бы людьми иноплеменников в противоположность своим соплеменникам» (27, с. 16). Фактически сразу данная этимология подверглась критике известного этнографа С.А. Арутюнова: «Ошибочно мнение, высказываемое в статье В.К. Кельмакова, что название удмуртов *ар* восходит к тюркскому корню *эр* «человек» (28, с. 132). Тем не менее это не помешало стать ей среди ученых «общепризнанной».

Вновь вопрос о достоверности данной гипотезы был поставлен в 90-е гг. С.К. Белых, которому принадлежит последняя версия (14, с. 86 – 94). Он связал этноним *ар* с тюркским *ar/ary* «напротив, на той стороне; та, другая сторона, находящийся на другой стороне; туда, дальше». (Предположение, рассматривавшее в качестве основы этнонима *ар* татарское слово *ар/ары*, уже высказывалось. В книге М. Жираи мы встретим такое объяснение: «Ранее многие (этноним *ар* - *В.Ч.*) отождествляли с татарским словом *ар* «далекий; далеко», ссылаясь на то учение, что финно-угры и, таким образом, вотяки тоже, мигрировали на местожительство на р. Вятку из Азии» (12, с. 226)). Предложенная этимология С.К. Белых отличается от данного «обоснования». По его мнению, этноним *ар* значит «житель другого берега реки» (14, с. 92). Однако возникает ряд вопросов. Во-первых: какой реки - Волги или Камы; во-вторых: почему именно удмурты, а не мордва и марийцы «жители другого берега»; в-третьих: если, как пишет автор, первоначально этим термином могли обозначаться вообще все жители «другого берега», независимо от этнической принадлежности и только позднее он стал осознаваться как название удмуртов, то как же раньше тюрки называли их и куда исчез этот термин? Кроме того, согласно археологическим материалам и топонимике, удмурты жили не только на правом, но и на левом берегу Камы еще в булгарскую эпоху (см. напр. 29, с. 24). И последнее, касаясь параллели, которую проводит автор с удмуртским микроэтнонимом *тупальёс* «жители заречья», следует отметить, что он вместе с *тапальёс*

«жители этого берега» функционировал внутри одного этноса и не требовал дополнительной идентификации.(В качестве примера можно привести кумыкский микроэтноним «*ариакъ* (30, с. 142). Удмуртское «*тупаньёс*» - точный эквивалент кумыкского «*ариакъ*». Обрати внимание на конструкцию терминов *ар/му* «та» и *якъ/пал* «сторона». Данная конструктивная особенность почему-то ускользнула от внимания автора. Оба термина используются внутри одного этноса, разделенного рекой). В условиях же, когда "жителями другого берега" могли быть удмурты, марийцы, мордва или булгары, данное слово *ar/ary* не могло стать основой для формирования этнонима.

В то же время следует отметить справедливость замечания С.К. Белых по поводу трактовки термина «*айрактанцы*» из «Чур батыр дастане», как восходящему к татарскому *арьяктан* - буквально «с той, противоположной стороны; с того берега» (14, с. 89). При этом основа «*аръяк*» гораздо более подходит для образования этнонима (смотри вышеотмеченную конструктивную особенность кумыкского и удмуртского микроэтнонимов) нежели слово *ары*, основное значение которого «дальше, далее». Однако, как пишет автор, название *айрактанцы*: «Не дает ни малейшего намека на этническую принадлежность вообще и к удмуртам в частности». Это еще раз подтверждает невозможность образования этнонима *ар* не только от предложенного *ары*, но и от вполне приемлемого *аръяк*.

К этой же группе версий можно отнести выдвинутое в конце 60-х годов предположение В.Ф. Генинга: он считал, что во второй четверти I тыс. н. э. из Зауралья в Приуралье переселяется большая группа иноэтничного населения, оставившая памятники Мазунинской археологической культуры (31, с. 82). В этническом отношении данное население В.Ф. Генинг определял как самодийцев или тюрок и именно с ним связывал этноним *ар*: «Едва ли аров можно считать прямыми предками удмуртов» (32, с. 271 – 278). В статье «Южное Приуралье в III-VII вв.» он отказывается от прежней точки зрения о пришлом характере населения Мазунинской АК, присоединяясь к мнению об ее автохтонном происхождении (33, с. 221 – 295). Следовательно, предположение о том, что этноним *ар* передали удмуртам «пришельцы» из Западной Сибири, становится безосновательным.

Мне хотелось бы предложить свой вариант происхождения этнонима *ар*. Обратимся к чувашскому языку - наследнику языка волжских булгар. Первые письменные источники, зафиксировавшие этноним *ар*, относятся ко времени появления булгар на Волге, что вполне логично определяет направление нашего поиска.

В чувашском языке существует этноним, обозначающий удмуртов, *ар*; *ар çынни*, где *çын* - «человек» (34, с. 39, 432). Если в словосочетании *ар çынни* второй компонент значит «человек», то, следовательно, первый компонент - *ар* переводить как «человек» нельзя. Возможна следующая интер-

претация чувашского *ар çынни* как «человек из народа *ар*; арский человек» (ср. рус. арские люди). При этом вполне объяснимо существование краткой формы данного этнонима - *ар*, когда слово «человек» опускается (ср. рус. арские люди – аряне; марийское название удмуртов *одо марий* «человек из народа одо» и просто *одо*; *удмурт – уд*: «Если спросишь одного вотяка какой ты природы? Он будет ответствовать: я Уд морд. Но когда сделаешь вопрос: как называется ваш народ? То ответствует: мы Уды» (6, с. 156).

В древнетюркском языке (некоторые древнетюркские племена могли появиться в Среднем Поволжье задолго до булгар в результате Великого переселения народов) и, возможно, в языке самих булгар существовало слово *ар* «рыжий; красный; бурый» (35, с. 50). Может быть удмуртов из-за антропологического типа соседи тюрки могли назвать «рыжими». Как известно, удмурты - один из самых златовласых этносов в мире. Кроме того, для многих этносов характерны «цветные» названия, в том числе и для тюрок: *кызылбаш* «красноголовый»; *каракалпак* «носящий черную шапку»; *сарык* «желтый, светло-рыжий» - согласно письменным источникам этот народ был рыжеволосым (36, с. 135 – 136). Следует отметить и то, что до революции среди русского населения было известно прозвище удмуртов «рыжая мышь» (тулыс ке вуэ «миленькой вотяк», сӥзьыл ке вуэ «саврасый мышь») (37, с. 59). Таким образом, этноним *ар*, *ар çынни* можно перевести как «рыжий, рыжий человек». Впоследствии этноним, распространившись среди других народов, утратил свое первоначальное значение.

По-видимому, широкое распространение этноним *ар çынни* и его краткая форма *ар* получил уже в булгарскую эпоху, после подчинения южных удмуртов Волжской Булгарии, причем данный этноним распространился и среди самих удмуртов. Так, бесермяне, которые, по мнению В.Е. Владыкина и др., являются потомками южноудмуртского населения, принявшего ислам, называют удмуртов «*урморт*», где «*морт*» человек, а «ур» - восходит к *ар* (38, с. 61 – 63).

Землю южных удмуртов разные народы называли по-разному. Арабы и персы - *аль-Арсанийа*; *область Ару*, булгары – *Арский иль*, татары – *Арская даруга*, русские – *Арская земля*. Несомненно существовало и удмуртское название данной территории.

На наш взгляд, сообщение Ф.И. Страленберга и В.Н. Татищева о том, что удмурты называют свой «предел» *Арима* и есть фиксация этого названия, которое в XVIII веке уже выходило из употребления. Удмурты,находившиеся под властью булгар и входившие в особую *Арскую область (Арский иль)*, которая, возможно, была сформирована на основе объединения *аль-Арсанийа*, под влиянием булгар или ранее усвоили этноним *ар* (он использовался в качестве политонима), но при этом сохранили и этноним *удмурт*.

Восприняв название *ар*, южные удмурты и свою землю стали называть *Арима*, где *ар/ари* «житель этой области» + *ма* (совр. удмуртское *му*) «земля; страна» (ср. рус. название области южных удмуртов). Интересно в связи с этим одно известие булгарских летописей, где упоминается удмуртское название Булгарии – *Бермэ* (39, с. 90). Вероятно, это слово звучало «Берма» и значило «земля, находящаяся за удмуртами» (*бер* «позади» + *ма* «земля»). Действительно, для путешественников с Севера Булгария располагалась за удмуртскими землями. Параллели мы находим и у других финских народов: *Коми му* «земля коми», *Eestimaa* - Эстония, *Suomi* или *Suomen maa* - Финляндия, древнее *Perämaa* - Пермь - имеет ту же семантику, что и *Берма*. Кроме того, Эстония в средние века распадалась на княжества или земли «мааконды» - *Virumaa*, *Läänemaa*, *Saaremaa* и т.д. (40, с. 103). Само название *Арима* могло возникнуть после появления в середине I тыс н.э. тюрок в Среднем Поволжье и до перехода в удмуртском языке общепермского звука «*а*» в «*у*»: по мнению лингвистов, слово, обозначавшее «земля», в древности на языках пермских народов звучало как «*ма*» (41, с. 221).

Говоря о территории Арской земли, нельзя обойти стороной и ее центр город Арск (удм., тат. *Арча*. Интересно также удмуртское устаревшее слово *тубкар* «столица» [42, с.425], его буквальный перевод может значить «возвысившийся город»). Большинство исследователей связывают его название с удмуртами-арами и относят дату его возникновения к IX веку (43, с. 121). В.И. Алатырев и С.К. Белых объясняют это название с помощью тюркского слова - *Арт* «зад, тыл, север» + *ча* - общетюркский именной аффикс, т.е. «задний, северный, тыловой город» (по отношению к Казани) [13, с. 116; 14, с. 87] и относят дату его возникновения к началу XIII века. Аналогично они переводят и название Арского поля - «*Арча кыры*», как «северное поле». В своей статье С.К. Белых утверждает, что «М.Г. Худяков, кажется, первым попытался увязать этноним *ар* с названием населенного пункта Арск». Данное заявление легко опровергнуть, сославшись на сообщения авторов XVIII и XIX веков, - «имя его (*Арска* - В.Ч.) происходит от древних его обитателей, татарами ари называемых» (6, с. 5); «название Арский (*город* - В.Ч.), которое без погрешности от имени ари, коим татары вотяцкий народ называют» (44, с. 29); «город сей (*Арск* - В.Ч.) получил свое название от поколения вотяков, называвшихся ари или арины» (45, с. 214 – 215).

В конце прошлого века И.Н. Смирнов писал: «Не от реки ли Ар или Ара» могло произойти название города Арска» (46, с. 53). Такого же мнения придерживается в своей статье Г.В. Юсупов (47, с. 225). Опубликованный в 1993 году сборник булгарских летописей подтвердил эту гипотезу. В сборнике «Джагфар тарихы» река Казанка названа *Арсу* «река аров» (39, с. 118). На территории Прикамья есть и другие «реки аров»: *Ар йылгасы*, *Ар йылга*, *Ар* (48, с. 13 – 14). О существовании реки *Ар* свидетельствует и рус-

ское название города Арска. Следует отметить, что русский урбоним не воспроизводит удмуртского и татарского названия в форме *Арча*, а имеет самостоятельное происхождение с суффиксом *–ск*, что в большинстве случаев указывает на его «речные» корни. В свою очередь гидроним вполне мог образоваться от этнонима (49,с. 188 - 189; 50, с. 133). На наш взгляд, и название реки, и название города возникли как отражение проживавшего в этом районе удмуртского населения. (Хотя, конечно, само название города - *Арча* - могло возникнуть не от этнонима, а от гидронима *Ар* с прибавлением аффикса *-ча*, но в народном сознании, в связи с идентичностью обоих наименований, предпочтение отдавалось мнению о происхождении имени города от названия народа. Распространению данной версии способствовало и то, что после строительства в 70-е гг. XIV века князем Хасаном нового города (51, с. 104) в нижнем течении реки *Ар (су)*, последняя, не позднее конца того же века, сменила название на *Казан(ка).)*

Что касается Арского поля, то еще «Казанский летописец» в XVI веке писал: «Прилежит бо (к *Казани* – В.Ч.) с востока поле, зовомо Арское» (52, с. 134). Татарское *Арча кыры*, где *кыр* «поле», имеет аффикс принадлежности 3 лица ед. числа «*-ы*», таким образом *Арча кыры* – это «поле по направлению в Арск» – «Арское поле». Если бы *Арча* восходило к словам «задний, северный», то никакого аффикса принадлежности не было бы. Уместно вспомнить и то, что по территории Арского поля шла дорога в Арск – тат. *Арча юлы* (юл – дорога), удм. *Арчасюрес* (сюрес – дорога) (53, с. 62 – 64; 54, с. 202).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сысоева М.Г.* Первые письменные сведения об удмуртах // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4.

2. Путешествие Абу Хамида ал-Гаранти в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153 гг.). М., 1971.

3. *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* К вопросу о письменных источниках по истории удмуртов IX – XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

4. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов… СПб., 1791.

5. *Татищев В.Н.* История Российская. М. – Л., 1962. Т. I.

6. *Рычков Н.П.* Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770. Часть 2.

7. *Худяков М.Г.* Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1920. Том XXX. Вып. 3.

8. *Алатырев В.И.* Кызьы кылдӥз «удмурт» кыл // Советской Удмуртия. 1958,18 апрель.

9. *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М.,1966.

10. *Верещагин Г.Е.* Остатки язычества у вотяков. Вятка, 1895.

11. *Верещагин Г.Е.* К вопросу о происхождении вотяков и их верований: Записки этнографа // Труды Научного Общества по изучению Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2.

12. *Zsirai M.* Finnugor rokonságunk. Budapest, 1937.

13. *Алатырев В.И.* Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б. Ижевск. 1988.

14. *Белых С.К.* Еще раз об этнониме *ар* // Финно-угроведение, 1996. № 3.

15. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Часть 2.

16. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.-Л., 1937. Том I.

17. *Островский Д.Н.* Вотяки Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань. 1873. Том IV. №1.

18. *Кузнецов С.К.* Общинные порядки вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение, 1904. № 4.

19. *Бехтерев В.М.* Вотяки Их история и современное состояние: Бытовые и этнографические очерки // Вестник Европы, 1880. № 8.

20. *Попов А.И.* Арск // Русская речь, 1968. № 4.

21. *Монгайт А.Л.* Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли в 1150-1153 гг. // История СССР, 1959, №1.

22. *Кельмаков В.К.* Кытысь кылдэм удмуртъёслэн «ар» нимзы // Кенеш. 1968, № 4.

23. *Белицер В.Н.* Удмурты // Народы Европейской части СССР, М., 1964. Том II.

24. *Кельмаков В.К.* Происхождение и первые упоминания этнонима «ар» // Этнонимы М., 1970.

25. *Сысоева М.В.* Удмуртъёслэн вашкала улонысьтызы // Советской Удмуртия, 1967, 18 май.

26. *Атаманов М.Г.* Расселение удмуртов по данным этнотопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов. 1987.

27. *Никонов В.А.* Этнонимия // Этнонимы. М., 1970.

28. *Арутюнов С.А.* Рецензия на книгу «Этнонимы» // Вопросы языкознания 1971. № 4.

29. *Ютина Т.К.* Археологические памятники VI - XIV вв. Южной Удмуртии. Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1994.

30. *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973.

31. *Генинг В.Ф., Стоянов В.Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // Вопросы археологии Урала. Свердловск. 1961. Вып. 1.

32. *Генинг В.Ф.* Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. 4.

33. *Генинг В.Ф.* Южное Приуралье III-VII вв. н.э. (Проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

34. Чувашско-русский словарь. М.,1983.

35. Древнетюркский словарь. Л., 1969.

36. *Еремеев Д.Е.* К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. М., 1970.

37. *Геро К.Б.* Пословицы и поговорки вотяков // Вотяки. М., 1926. Вып. 1.

38. *Владыкин В.Е.* Киньёс со бесерманъёс // Молот, 1971, № 4.

39. *Бахши Иман.* Джагфар тарихы. Оренбург, 1993.

40. История Эстонской ССР. Таллин, 1961. Том I.

41. *Кривощекова-Гантман А.С.* Об одной топонимической загадке // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2.

42. Удмуртско-русский словарь. М.,1983.

43. *Шутова Н.И.* К вопросу о расселении аров в конце I - первой половине II тыс. н.э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.

44. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Часть 3.

45. *Второв.* Памятники древности в Казанской губернии // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1840. № 8.

46. *Смирнов И.Н.* Вотяки: Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань. 1890. Том VIII, Вып. 2.

47. *Юсупов Г.В.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань. 1971. Вып. 1.

48. *Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск. 1988.

49. *Хабургаев Г.А.* Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

50. *Жучкевич В.А.* К вопросу о возможностях и приемах применения топонимики в исторических исследованиях // История СССР. 1971. № 1.

51. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII - XIV вв. М., 1985.

52. Сказание о царстве Казанском. М., 1958.

53. *Тумашев Д.Г., Усманов М.А., Хисамова Ф.М.* Об особенностях развития старотатарского делового письма // Советская тюркология. 1977. Том III.

54. *Атаманов М.Г.* История Удмуртии в географических названиях. Ижевск. 1997.

Сокращение названий языков:

Рус. – русский; *тат.* – татарский; *удм.* – удмуртский.

Vladimir Churakov

THE MEANING OF THE ETHNONYM *AR*

The history of studying of the ethnonym *ar* is covered in the article. In the author's opinion none of the existing etymologies is convincing. It is proposed to consider the ethnonym *ar* as the derivative from the Old Turkic *ar* - "red". The given name could originate as the reflection of anthropological peculiarities of the Udmurt people characterized by the high percentage of red – haired. The name of the river Ar and the country Arima originated from the ethnonym *ar*. The name of the town Archa could originate from the ethnonym as well as from the hydronym Ar.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Юлия Шпиницкая
Петрозаводск

"LAPPONIA" ЭРИКА БЕРГМАНА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ САМОВ

Композитор Эрик Вальдемар Бергман - представительная фигура постмодернизма в культуре Финляндии. Он заложил основы современной финской музыки.

Найти свою творческую индивидуальность Бергману в большой степени помог интерес к "чужим", внеевропейским культурам, в особенности к архаическим. Пристальным вниманием композитора завладели не только древние южные цивилизации, в равной степени оно затронуло и так называемую "арктическую" цивилизацию. Существо последней он воспринял через саамский этнос. Мир саамов нашёл свое отражение в четырёхчастном хоровом сочинении "Lapponia" ("Лапландия") ор. 76 для меццо-сопрано, баритона и смешанного хора a cappella, созданном в 1975 году. Но прежде чем рассматривать "Lapponia", следует остановиться на особенностях творческой практики Бергмана и на определяющих чертах культуры саамов.

По характеру своего дарования Бергман способен проникнуть глубоко внутрь изучаемого им объекта и затем адаптировать его определяющие качества в профессиональном творчестве. При этом непосредственному сочинению музыки предшествуют годы и даже десятилетия тщательных исследований, в "программу" которых, как правило, входят путешествия по интересующей территории, прослушивание и записи традиционной музыки, также коллекционирование традиционных инструментов.

Осмысление мира архаическими этносами было синкретичным, многие явления древней культуры имели общее происхождение и наделялись магическим значением. Их первоначальное назначение было культовым, а их исходное существование - это существование элементов в единой системе. Реальность в сознании древнего человека закрепилась как образец и

понимаемая в качестве иерофании, диктовала значимые нормы культуры и быта.

Так, естественно-музыкальные реалии и восприятие их саамами задавали тон развитию музыкальных традиций и исполнительской практике. Саамам, как и другим этносам, вокализация представлялась особым языком - способом общения с природой и миром духов. Тундра никогда не была для них пустынной, полной тишины и покоя. Напротив, это мир живого звучания, где голоса живой и неживой природы сливаются в звуковом континууме пространства, ведь, как писал в конце прошлого века доктор А.В. Елисеев, ухо саама различает сотни звуков лесной чащи (4, с. 60). Мир саамов заселяют многочисленные боги и духи, ответственные буквально за все явления природы, стихии, владельцы промыслов и всех причастных к ним объектов. По свидетельству того же Елисеева, саам "обоготворяет каждое дерево, каждую гору и реку" (4, с. 73).

Переговоры с подобным миром, необходимые для зависимого от них человека, должны были вестись на специальном языке. Таким языком становилась обыденная речь. Поэтому музыкальную культуру саамов определяют следующие факторы: 1) теснейшая связь со звуками природы, которая вытекает из представлений о природе и заявляет о себе через обычай имитации голосов зверей и птиц - мифологических предков человека; наличие песен и сказок о представителях фауны, обожествление и очеловечивание живой и неживой природы; общение с миром природы и миром духов; 2) превалирование вокально-импровизационного индивидуального исполнительства; 3) присутствие в традиционном музицировании саамов лейткомпонентов, отмеченных этномузыковедами И.Б. Семаковой (9, с. 1) и И.К. Травиной (11, с. 25-35). Лейткомпоненты важны для понимания синкрезиса, т.к. кроме лейтмотивных образований они подразумевают и лейтжесты, и лейтдвижения, и лейтслоги (асемантические слоги или фонемы), т.е. все, что может играть роль инварианта в характеристике предмета.

Судя по предпринятым исследованиям, лейтмотив в йойке - это канва, на базе которой плетётся импровизация. Лейтмотивы фиксируют основные повороты импровизации: называние предмета в тексте влечёт создание соответствующего образа в музыке (каковым бывает изображение человека и животных, ситуации и пейзажа). Бывает и так, что включение в импровизацию лейтмотива не связано с прямым упоминанием предмета в тексте, но вызывается по ассоциации. Поскольку одно из главных качеств саамского музицирования – импровизационность, то нестабильность лейтмотивов вполне объяснима. Они обладают рядом устойчивых признаков, однако, при этом мобильны, а их продолжительность и организация обусловлены структурой текста.

Необходимо учесть, что йойку не поётся о чём-нибудь, а посвящается чему-нибудь или кому-нибудь и всегда имеет определённый объект, к ко-

торому она адресуется. Исполнитель йойк из Норвегии Анде Сомби (Ande Somby) комментировал так по ходу концерта: "А сейчас я представлю вас горе... А сейчас я представлю вас большой рыбе..." и т.д. В.В. Сенкевич-Гудкова свидетельствует о традиции саамов разговаривать со своими оленями (10, с. 249). В связи с этим можно предположить, что первичной функцией йойки было магическое обращение к объекту, поэтому "норвежцы, шведы и финны посылали своих детей к лапландцам для обучения колдовству" (8, с. 34). Путешествующие по Лапландии не раз упоминали о большом проценте шаманов среди её населения. Истории известен факт, когда царь Иван Грозный выписал из Лапландии колдунов для объяснения появившейся на небе кометы (9, с. 431).

В йойках всегда присутствуют характерные для саамов образы, например: олени, тундра, чум, рыбная ловля и др. В каждом случае музыкальные формулировки, закреплённые за ними, претерпевают модификацию, но инвариантные детали остаются (обычно это интервальная структура, характер ритмического рисунка). Исследователи отмечают графичность импровизационной мелодики, а её природу видят в графичности изобразительных орнаментов саамов и в своеобразии рельефа местности (12; 5, с. 25). Мелодика импровизаций словно маркирует определенного рода рельеф местности тундры и линии горного пейзажа, переводя их в символический интонационный рельеф.

Момент обнаружения связи между слуховыми и визуальными представлениями у саамов симптоматичен, т. к. пересекается с рядом явлений того же порядка, которые исследователи предполагают в иных архаических культурах.

Так, немецкий этномузыковед Х. Хикман на основании древнеегипетских изображений пришел к выводу: древние египтяне показывали движение мелодии пластически и могли запечатлеть её через зарисовку фигур и жестов исполнителей (сведения приводятся по 13, с. 84). Символическое содержание музыки, перенесённое в жесты и рисунки, по-видимому сопутствовало жизни египетского храма.

Этномузыковед Д. Валёнис выдвинул версию об идентичности литовских напевов и орнаментов и предложил несколько способов перевода мелодии и даже многоголосной ткани в узор (3)

Правомерность подобного подхода к искусству саамов подтверждается некоторыми факторами. И.К. Травина отсылает к труду К. Тирена (11, с. 25), который продемонстрировал примеры саамских мелодий, маркирующих различные образы. Те же образы встречаются в наскальных изображениях (лось, лебедь, чайка и др.) Но они характеризуются и жестами певца. Что касается напевов, то в них часто имитируются голоса зверей и птиц.

В быту саамы практиковали большое количество магических знаков - от отдельных орнаментальных мотивов до фигурок животных и человечков, они наносились как на предметы обихода, так и на стволы деревьев, на камни, на шаманские бубны. Культовые камни саамов - сейды - часто имеют антропо-, орнито- и зооморфную форму. Древние скандинавские саамы носили головные уборы в виде птицы (5) [этот обычай проводит параллель к мировой шаманской практике, в которой происходит отождествление шамана с птицей, а обрядовая одежда и маски часто орнитообразны; у сибирских шаманов по сей день сохранились подобные птичьи костюмы (12, с. 180-181)]. Орнамент шаманы использовали во время камлания. Кстати, каждый род (семья) по обычаю обладал собственным орнаментом, им помечали хозяйственные предметы.

Основополагающий признак саамских орнаментов - их графичность и геометризованность. Это же качество присуще саамским графическим напевам. Им свойственно развитие в узкообъёмном звукоряде, хотя искусное голосовое манипулирование исполнителя придает ограниченному высотному строю замысловатый вид. Наконец, И.Б. Семакова делает ссылку на мнение Т. Лейсио (9, с. 4), согласно которому личные йойки саамов не что иное, как трансформировавшиеся духовные песни саамов; от их подлинного вида в настоящее время не осталось и следа.

Известно, что религиозные верования саамов опирались на культ камней, среди которых наиболее распространены сейды (6, с. 343-361). Функции святилищ выполняли как одиночные сейды, так и целые культовые комплексы.

Исследование А.Р. Абловой (1) позволяет предположить, что хозяевами литофонов (звучащих камней), расположенных в центрах культовых сооружений на территории Швеции, Финляндии и Карелии, были саамы. Благодаря естественным резонаторам, литофоны могут рассматриваться в роли первых музыкальных инструментов человечества. Исходными данными этих каменных орудий были неустойчивость и нечёткость звуковысотности, приблизительность интервалики, что очень важно, т.к. именно поэтому на них можно достаточно точно воспроизводить эквиваленты звучаний живой и неживой природы, которые традиционно мыслились в качестве объектов для подражания.

Не здесь ли следует искать ключ к пониманию природы исполнительской манеры саамов? Их практика музицирования совмещает контрастно-регистровый и неустойчиво-глиссандирующий принципы интонирования, отмеченные Э.Е. Алексеевым как раннефольклорные (2), при этом мастерское маневрирование голосом создаёт впечатление голосовой "игры", что составляет преобладающий приём звукоизвлечения зверей и птиц.

Очевидцы сравнивали пение саамов с "лаем собак" (I4), с "быстрыми потоками по неровной поверхности пустыни" (4, с. 77). Действительно, в подвижных и быстрых темпах замысловатые фразы приобретают виртуозный характер, а их звучание становится привизгивающим и тявкающим. Подчеркнём: так или иначе выраженное природоподражание вообще является одной из ведущих черт культуры и быта саамов. Одни и те же аспекты олицетворяют различные проявления культуры саамов, как будто изначально все они были элементами целостной системы и таким образом подчинялись единым целям и задачам.

"Lapponia" Эрика Бергмана не только отразила некоторые стороны традиционной культуры саамов, но также выделила другой человеческий голос, за которым стоят безграничные возможности для неординарных решений и опытов со звукоизвлечением.

Партитура "Lapponia" переводится в реальное звучание только лишь при помощи голосов (хора и солистов), это перекликается с практикой архаического вокального музицирования саамов, в которой крайне редко используются инструменты. Кроме того, место вербально выраженного текста занимают асемантические слоги и отдельные фонемы. Саамы в своих импровизациях активно употребляют подобные звукосочетания. Фонетические игровые сочетания, являясь более мобильными, чем обычный текст, органично дополняют неортодоксальные приёмы вокализации в "Lapponia".

Названия частей и образы, запечатленные в них, указывают прежде всего на четыре сезона годового цикла: I часть -"Середина зимы", II - "Йойка", III - "Ночь середины лета" и IV - "Буря в горах".

Интерпретация содержания в качестве картин годового цикла может опираться на одну характерную для Бергмана деталь. Язык "Lapponia" синтетичен. Уникальность его состоит в следующем: для образования и реализации музыкального сочинения к чисто музыкальным параметрам подключается внемузыкальный ряд, в частности, графические средства (здесь находятся явные точки соприкосновения с практикой саамов, которую по праву можно назвать синкретичной).

Так, в "Lapponia" одновременно воссоздаётся омузыкаленный пейзаж, транслирующийся через слуховое восприятие, и графический пейзаж, транслирующийся через визуальное восприятие. Первый интегрируется вместе с использованием принципов гортанно-глоточного интонирования, свойственного саамам, и при участии асемантических речевых структур, создающих постоянный ореол звукоподражательных эффектов. Второй оживает в специфике вокальных партий "Lapponia", большое значение в которых имеет тенденция к графичности, частично сказавшаяся в оригинальной графической нотной записи композитора, чередующейся с традиционной формой нотации.

В соответствии с названными особенностями I часть проецирует картину поездки по заснеженной тундре на оленях с санями-кережей, которую сопровождают импровизации саамов, голоса животного мира и звучания надмирного пространства. Ожидается первый восход зимнего солнца. Йойка в начале II части - есть обращение к природе, что приводит к её весенней регенерации и вступлению в контакт с человеком. Солнце, застывшее в зените, - образ III части - повествует о ночи летнего солнцестояния. Предчувствие и наступление снежной бури "читаются" в IV части.

Партитура "Lapponia" свидетельствует о явном предпочтении композитором графического вида записи для фиксации необходимых звучаний. Для удобства анализа все вокальные партии "Lapponia" были приведены к единому виду. Партии, нотированные традиционно, были схематизированы - полностью переведены в графические образования с сохранением звуковысотного и метроритмического аспектов - с помощью миллиметровой бумаги. Стало заметно, что графические знаки самого Бергмана легко проецируются на мотивы саамских геометрических орнаментов.

Особое место в "Lapponia" занимают проявления волнообразной и круговой периодичности.

Инварианты различных компонентов языка "Lapponia", в т.ч. графические символы, дают возможность слышать музыку как живое звучание мира и видеть характерные проявления ландшафта. Четыре элемента, составляющие лейткомплекс, формируются в соответствии с двумя тенденциями: движением по прямой и бесконечностью (или ее вариантом - многократно повторенной формулой), а ведь именно повторяемосгь мотива обеспечивает существование орнамента. Черты лейткомпонентов прорастают во всех, казалось бы новых, образованиях "Lapponia". Наличие характерных инвариантных признаков, процесс становления лейткомпонентов, их гибкость и изменчивость отождествляют их с лейтмотивами саамских импровизаций.

Квази-импровизации внутри I части и йойку из II части нельзя назвать стилизациями в полном смысле слова, но они преломляют традиционные принципы музицирования саамов. Это закономерности стилистики йойк, пропущенные через фильтр индивидуальности и включённые в контекст.

Бергман претворил в жизнь решение сложной проблемы: европейская нотация не приспособлена к фиксации реальной звуковысотности, поэтому она не в состоянии передавать особенности фольклорной вокализации и природные звуковые события. Европейская система нотной записи слишком удалилась от своей графической первоосновы (например, крюковой и невменной нотации), которая, несмотря на свою относительность, наиболее соответствовала природе пения.

В настоящее время в среде этнографов возникают попытки графической записи напевов. Но Бергман значительно опередил идеи, к которым

едва лишь подступается современная наука. Он понял, что определённые звуки могут быть представлены в пределах традиционной системы нотации только в очень сложных соединениях, в то же время подобные вещи с легкостью могут быть выражены графически. Это также приносит пользу исполнителям, поскольку упрощает прочтение партий. Бергман приблизился к реальному звуковому миру без помощи средств конкретной музыки и какой бы то ни было аппаратуры. При традиционной записи голосовые эксперименты Бергмана не смогли бы вызывать столь сильные ассоциации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблова А.Р.* Литофоны в музыкальной культуре: Автореферат дисс. канд. иск. СПб., 1996.

2. *Алексеев Э.Е.* Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект. М., 1986.

3. *Валёнис Д.* Открывает ли графическая запись новые пути в познании литовского фольклора? // Традиционное искусство и человек. СПб., 1997.

4. *Елисеев А.В.* По белу свету. СПб., 1895.

5. *Косменко А.П.* Народное изобразительное искусство саамов Кольского полуострова XIX-XX вв.: Этнографический очерк. Петрозаводск. 1993.

6. *Манюхин И.С.* Саамы (культовые памятники) // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

7. Народы России: Этнографические очерки. Том II. СПб., 1881.

8. *Рыков В.* Шаманы Лапландии // Наука и религия. 1991. № 10.

9. *Семакова И.Б.* Музыкальная культура саамов. Рукопись.

10. *Сенкевич-Гуокова В.В.* Некоторые музыкальные и поэтические особенности саамских и хантыйских песен о зверях и птицах // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980.

11. *Травина И.К.* Саамские народные песни. М., 1987.

12. *Хенберсен Дж.* Древние мифы и современный человек // Человек и его символы. СПб., 1996.

13. *Энглин С.* Проблемы древнеегипетской нотации // Традиционное искусство и человек. СПб., 1997.

14. *Grundström H. ja Smedeby S.* Lapska sånger. Texter och melodier från svenska Lappland. II. Sånger från Arieplog och Arvidsjaer. Uppsala, 1963.

"Финно-угроведение". 1999. № 4.

Геннадий Тираспольский
Сыктывкар

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ВКЛАДЕ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ В РУССКУЮ СУБСТАНТИВНУЮ ДЕКЛИНАЦИЮ

Впервые попытка решить этот вопрос была предпринята немецким языковедом Вольфгангом Феенкером (1, с.82-87). Наблюдения и выводы, сделанные им, сводятся к следующим пунктам:

1. В истории русской субстантивной деклинации (далее - СД) отчётливо прослеживаются две разнонаправленные тенденции. Первая из них состоит в унификации падежной парадигмы, вторая - в росте числа падежных форм.

2. Первая тенденция отчётливо проявляется в том, что «в некоторых классах склонения формы дательного, творительного и предложного падежей множественного числа построены по единому образцу склонения на *-а*. Не исключено, что здесь, так же как у флексии прилагательных, обнаруживается влияние финно-угорского субстрата: отказ от формального разграничения грамматических родов и стремление к унификации флексии» (1, с.83).

3. С учётом второй тенденции В. Феенкер усматривает в современном русском языке 13 падежных форм: именительный (именительный первый); родительный (родительный первый); дательный; винительный (падеж неодушевлённого объекта); творительный; местный (местный первый, предложный); падеж одушевлённого объекта; падеж отрицания; родительный партитивный (родительный второй); внутриместный (местный второй); эссив (и транслатив); именительный второй; звательный.

4. Рост числа русских падежных форм, по мнению В. Феенкера, не во всех случаях можно свести к воздействию финно-угорского субстрата, однако наличие в русском языке локатива на *-у́* во втором склонении и на *-и́* в третьем вполне может считаться результатом такого влияния. Как полагает

В. Фесенкер, аналогичное объяснение можно распространить и на родительный партитивный (1, с. 127-129).

Рассматривая эту аргументацию, следует прежде всего принять во внимание, что вопрос о составе падежной парадигмы русского существительного относится к дискуссионным. Ряд исследователей считает возможным выделить, наряду с традиционными шестью падежами, ещё местный типа на *возу́, на мели́* (2, с. 98; 3, с. 97). Некоторые языковеды к этой семипадежной схеме добавляют родительный партитивный (4, с. 146; 5, с. 50). Существует также мнение, согласно которому, в зависимости от точки зрения исследователя, количество выделяемых русских падежей может колебаться в достаточно широких пределах (6, с. 44 - 52).

Думается всё же, что традиционная схема, которая неоднократно подвергалась критическому и подчас пристрастному обсуждению, в своей основе значительно ближе к языковой действительности, чем другие, в том числе и рассмотренные выше падежные номенклатуры. Лежащий в основе традиционной схемы диалектически разносторонний и гибкий учёт противоречивых свойств категории падежа наиболее полно отвечает духу научного исследования.

Попытки расширить состав русских субстантивных падежей не следует, однако, считать совершенно беспочвенными. Исследователи, предпринимающие эти попытки, исходят из того бесспорного факта, что в составе русской СД объективно существуют единицы, свойства которых в определенной степени сходны с признаками падежных форм. Ставя вопрос о составе русских падежей, такие исследователи решают его, однако, посредством нарочитого «усиления» неотработанных падежных признаков подобных единиц, что неизбежно нарушает как логику теоретической мысли, так и объективную логику языковых фактов.

Между тем вопрос об этих спорных единицах системы склонения правомерно поставить и в альтернативной форме: или падеж, или падежеподобная единица? Отправляясь от положения о реалистичности шестипадежной схемы, на сформулированный таким образом вопрос можно дать и более убедительный, по нашему мнению, ответ: указанные единицы представляют собой не типизированные падежные формы, а, так сказать, их полуфабрикаты, находящиеся на грани падежей и их фонетических реализаций. Иными словами, единицы типа *на возу́* и *чаю* (в словосочетании *чашка чаю*) - это не падежи типа *на земле* и *чая* (*производство чая*) и не фонетические разновидности указанных падежей (ср. *на здании* и *письмо матери*), а единицы, представляющие собой некое промежуточное явление, которое в ходе эволюции русского языка уже перестало быть фонетической разновидностью соответствующей падежной формы, но ещё не превратилось (и, возможно, никогда не превратится) в типизированную падежную единицу.

В пользу этого свидетельствуют следующие факты. Рассматриваемые «падежные полуфабрикаты» (назовём их «казусоидами»), подобно падежным формам, имеют свою грамматическую семантику и соответствующие экспоненты. Но, в отличие от падежей, казусоиды употребляются лишь в ограниченном круге словоформ со специализированными лексическими значениями. Для казусоида «родительный партитивный» - это большей частью вещественные существительные, для казусоида «локатив» - существительные с пространственным и подобным ему значениями, и т.д. Очевидно, что от падежей в собственном смысле этого термина казусоиды отличаются пониженной грамматикализованностью и, стало быть, в этом отношении близки к единицам словообразовательного уровня. Не случайно, напр., «форма род. п. на *-у* чаще оказывается характерной именно для фразеологизма» (7, с.487), тогда как вне фразеологических единиц соответствующие существительные употребляются чаще с флексией *-а*.

Таким образом, есть основания считать, что в составе падежной системы существительных современного русского языка содержится подсистема казусоидов, главным свойством которой является пониженная грамматикализованность и связанная с этим ограниченная известными лексическими условиями употребительность.

В свете высказанных положений и выводов составленная В. Феенкером схема, в которой падежные и казусоидные формы расположены в одном ряду, представляется неосновательной.

Прежде всего, из этой схемы должен быть исключён вокатив (8). Родительный партитивный и внутриместный должны быть «понижены» до ранга казусоидов и, следовательно, выведены из ряда падежных форм. Что же касается родительного отрицания, эссива, транслатива и именительного второго, то названные единицы представляют собой не что иное, как функции соответствующих падежей, ввиду чего считать их отдельными грамматическими единицами не приходится.

Сложнее обстоит дело с винительным неодушевлённого и винительным одушевлённого объекта (ВН и ВО). От остальных русских субстантивных падежей ВН и ВО отличаются не только пониженной морфологической самостоятельностью, сказывающейся в омонимии форм ВН и ВО - с одной стороны, и именительного и родительного - с другой (исключая основы на *-а*), но и непосредственной связью ВН и ВО с лексической семантикой существительных.

При обсуждении вопроса о деклинальном статусе ВН и ВО возможны по меньшей мере четыре решения: 1) эти единицы являются типичными падежами; 2) их следует считать казусоидами; 3) одна из этих единиц - падеж, а другая - казусоид; 4) их необходимо рассматривать в качестве единиц особого разряда, не сводимого ни к падежам, ни к казусоидам.

1. Первое из предполагаемых решений не имеет достаточного основания. Хотя семантика типичного падежа находится в определённой связи с лексическим значением существительного, эта связь по отношению к деклинеме не носит конституирующего характера, вследствие чего, как уже отмечалось, между значением падежного форматива и семантикой основы существительного нередко возникает смысловая асимметрия. В отличие от этого для ВН и ВО тесная зависимость от лексической семантики существительного является наиболее характерным свойством. Верно отмечалось, что одушевлённые и неодушевлённые существительные «абсолютно последовательно противопоставляются на основании только лексико-семантических признаков. Противопоставление одушевлённости / неодушевлённости не имеет обязательного для морфологической категории абсолютно регулярного грамматического выражения: последовательно это противопоставление отражено в падежных формах мн. ч. и непоследовательно - в падежных формах ед. ч.» (7, с.464).

2. Едва ли ВН и ВО входят в подсистему казусоидов. Последние, как уже отмечалось, функционально ограниченны и близки к словообразовательным единицам. ВН и ВО в отличие от этого охватывают весь корпус русских существительных и не маркированы по признаку частотности употребления в составе фразеологизмов или вне их. Мнение о том, что формы единственного числа существительных женского и среднего родов остаются «вне сферы действия» категории одушевлённости-неодушевлённости (9, с.96), верно в том смысле, что указанные формы не имеют в единственном числе специализированных флексий для ВО. Но так как у ВО этих имён есть свой аффикс во множественном числе, следует признать, что ВО представлен у них и в единственном числе - иначе придётся предположить существование независимых падежных единиц в парадигмах единственного и множественного числа, что, разумеется, явный нонсенс. Последовательно системный подход, таким образом, обязывает квалифицировать единицы типа (*вижу*) *сестру, животное* как формы винительного одушевлённого, соотносительные с формами (*вижу*) *сестёр, животных* и омонимичные формам винительного неодушевлённого типа (*вижу*) *стену, окно*. Этот же подход даёт возможность в пережиточных конструкциях типа *выйти в люди* рассматривать соответствующую форму существительного как винительный одушевлённый, омонимичный винительному неодушевлённому.

3. Если бы имелись достоверные сведения о том, что одушевлённые существительные в количественном отношении сильно уступают неодушевлённым (или наоборот), возникла бы возможность для попытки истолковать ВН как типизированный падеж, а ВО - как примыкающий к нему казусоид (или наоборот). Однако количественное соотношение одушевлённых и неодушевлённых существительных в современном русском языке

неизвестно и, кажется, никем не исследовалось. Кроме того, как бы ни колебалась эта пропорция, абсолютное число и тех, и других намного превышает то количество, которое составляют вещественные и локативные имена, служащие лексико-семантической базой для казусоидов партитивного и местного (ср. *стакан чаю* и *на возу́*). Вот почему усмотреть между ВН и ВО отношения падежа и казусоида не представляется возможным.

4. Наиболее реалистичным представляется истолкование ВН и ВО как единиц особого разряда, не сводимых ни к типизированным падежам, ни к казусоидам. Поскольку ВН и ВО, с одной стороны, характеризуются большей грамматикализованностью, чем казусоиды, а с другой - тесно зависят от лексической семантики существительных, есть основания считать их падежами, но падежами не грамматическими в традиционном смысле этого термина, а падежами-классификаторами, т.е. единицами, служащими для грамматического маркирования определённых лексико-семантических групп существительных.

Принимая во внимание сделанные наблюдения и выводы, а также наличие существительных типа *щец, дровец*, выступающих только в одной падежной форме, русскую СД можно представить в виде следующей схемы:

падежи: именительный, родительный, дательный, творительный, предложный;

падежи-классификаторы: винительный одушевлённый, винительный неодушевлённый;

казусоиды: партитивный, локативный (местный);

раритетные формы: *кочерёг, церквами, в церквах* и нек. др.,

фрагментарные формы типа *щец, дровец*.

Если приведённую схему положить в основу дальнейших рассуждений о судьбе русской СД в условиях финно-угорского влияния, гипотеза В. Феенкера об увеличении числа русских субстантивных падежных форм, объясняемом таким влиянием, предстаёт в ином свете.

Прежде всего, в ходе эволюции русской СД количество падежей не выросло, а сократилось: бывший винительный падеж утратился, расщепившись на два падежа-классификатора - винительный одушевлённый и винительный неодушевлённый, - вследствие чего древнерусская падежная система из шестипадежной стала пятизвенной. При этом с большой долей уверенности можно утверждать, что эти единицы в русском языке сложились спонтанно, без финно-угорского или какого-либо иного внешнего воздействия.

Об этом свидетельствуют следующие факты. Установлено, что противопоставление одушевлённых существительных неодушевлённым берёт начало от оппозиции лица-нелица (10, с.22). В нашем случае особенно важно учесть, что категория лица обнаруживается не только в древнерусском,

но учесть, что категория лица обнаруживается не только в древнерусском, но и в старославянском языке (11, с. 185). Последний же, как известно, находился вне пределов финно-угорского влияния. Независимость славянской категории лица от иноязычных воздействий убедительно доказывается тем, что в современном болгарском языке, утратившем в условиях балканского языкового союза субстантивную падежную систему, сохранились отчётливые следы категории лица (12, с. 143; 13, с. 150). Однако решающим аргументом в пользу спонтанного развития винительного одушевлённого и винительного неодушевлённого служит тот факт, что эти единицы есть в сербохорватском языке, который, как и старославянский, находился вне пределов досягаемости финно-угорских воздействий. Примечательно, что Эрнст Леви, который называл русский язык «созданным по образу и подобию финно-угорских», решительно отстаивал мнение о спонтанном развитии русской категории одушевлённости-неодушевлённости (14, с. 36).

Есть основания считать, что противопоставление ВН и ВО стало складываться довольно рано. «Начало развития категории одушевлённости во всех славянских языках, - утверждал П.С. Кузнецов, - уходит в эпоху, предшествующую древнейшим дошедшим до нас письменным памятникам» (15, с. 98). В частности, употребление в ранних памятниках форм родительного падежа основ на *-*ū*- типа *любъве* в значении винительного надёжно подтверждает эту точку зрения (16, с. 43). Но самым показательным следует считать, конечно, употребление в памятниках форманта *а / я /* ѧ основ на * -о-, перенесённого из родительного падежа ед. ч. в винительный падеж того же числа. «Наличие флексии *а / я /* ѧ вин. пад. во всех памятниках XI-XIV вв. свидетельствует о том, что к началу этого периода как русский, так болгарский и сербский языки пришли уже с развитой категорией лица-одушевлённости в ед. ч. м. р.» (17, с. 122).

Причину расщепления бывшего винительного падежа на ВН и ВО следует усматривать, таким образом, не в иноязычном воздействии, а имманентном общеславянском процессе дифференциации существительных на две лексико-семантические группы одушевлённых и неодушевлённых имён, семантика которых, как подчеркнул Л. Ельмслев, в известных случаях осложняется значением лица-нелица (12, с. 140).

В 1903 г. А. Мейе выдвинул гипотезу, согласно которой творительный предикативный (ТП) в балтийских и севернославянских языках представляет собой результат финно-угорского влияния, исходным пунктом которого были финно-угорские падежи транслатив и эссив (18, с. 421 - 422). Р. Мразек, рассматривая эту гипотезу, заметил, что, хотя иноязычное влияние на эволюцию славянского ТП исключить нельзя, главной её предпосылкой были всё же внутрисистемные факторы (19, с. 210, примеч.).

Решающим доводом в рассуждениях А. Мейе является его указание на почти полное отсутствие ТП в южнославянских языках и в старославянских евангельских текстах (18, с. 422). За время, прошедшее после издания указанной работы А. Мейе, славистика пополнилась исследованиями, позволяющими по-иному оценить масштабы распространённости ТП в старославянском языке. Так, Л.Е. Лопатина, исходя из гипотезы о постепенном развитии ТП из творительного «временного облика» при полузнаменательных глаголах, относит время его возникновения к концу праславянского периода или, как она выражается, «скорее, к началу существования отдельных славянских языков» (21, с. 502), среди которых был, разумеется, и старославянский. А. Минчева, обследовавшая текст «Шестиднева» Иоанна Экзарха и применившая методику реконструкции древнеболгарских текстов, которую предложил К. Мирчев, пришла к выводу о том, что творительный предикативный в древнеболгарском языке был живой диалектной чертой, свойственной восточной болгарской языковой территории (22). Заслуживает внимания тезис, в соответствии с которым проникновению старославянского творительного предикативного из живой устной речи в памятники препятствовали архаизующая ориентация последних, а также влияние греческого оригинала (23, с. 307).

Определённая умозрительность указанных работ не может не сказываться на достоверности сделанных в них выводов, однако полностью сбрасывать со счетов наблюдения их авторов и других исследователей того же направления было бы неоправданным. Позволительно поэтому предположить, что в старославянском, в древнеболгарском и в других древних южнославянских языках ТП был если не широко распространённой, то наглядно представленной единицей, слабо конкурировавшей с именительным предикативным. Не случайно творительный предикативный вполне обычен и в сербохорватском языке при глаголах *постати, звати се, сматрати, огласити, именовати, правите се, чинити се* и т.п., напр.: *Отада поче да се сматра* ***првим*** *на послу* «С тех пор он начал считаться **первым** на работе»; *Он је ушистину постао* ***најбољим*** «Он на самом деле стал **самым** лучшим».

«Древнерусские памятники XI-XIV вв. свидетельствуют о начавшемся процессе формирования нового типа именного сказуемого с творительным предикативным на месте именительного» (24, с. 80). Первоначально в этой падежной форме употреблялись только существительные, позднее стали выступать и прилагательные. Предложения с ТП прилагательных закрепились в русском языке, как предполагают, под влиянием польского и украинского языков (25, с. 115). В самых старших памятниках польского языка XIV-XV вв. ТП существительных единичен; в памятниках же XVI в. эта форма при связке *być* «быть» в повелительном наклонении, в будущем времени и в инфинитиве преобладает над именительным предикативным (26).

Принимая во внимание, что предполагаемое финно-угорское влияние

на севернославянские языки было наиболее интенсивным в древности и убывало по мере формирования славянских народностей и их языков, нетрудно заметить, что степень распространения севернославянского ТП обратно пропорциональна хронологии финно-угорского воздействия.

Наблюдающаяся в русской СД тенденция к отказу от формального разграничения грамматических родов и к унификации флексии связана, как уже отмечалось, по мнению В. Феенкера, с возможностью финно-угорского влияния (1, с. 83). Принять эту гипотезу можно лишь в том случае, если будет доказано, что названные процессы имели место только в севернославянских языках и не свойственны находившимся вне финно-угорского воздействия южнославянским языкам.

Факты, однако, свидетельствуют об обратном. Тенденция к нейтрализации грамматического рода (совпадающего с полом) в формах множественного числа отчётливо выражена, напр., в старославянском языке при употреблении существительных типа **слоуга, старѣишина, сѫдии** (11, с. 368 - 369). В единственном числе согласуемые слова при таких существительных последовательно употреблялись с окончаниями мужского рода, напр. **слоуга мон** (Зогр., Мар., Ассем. Ев., Ин., XII), **старѣишина жьрьчьскъ** (Супр. рук.), чему, вероятно, способствовало осознание реального пола лиц, обозначающихся этими существительными. Во множественном же числе, когда указывалось на совокупность лиц и при этом мысль о реальном поле каждого из входящих в такое множество утрачивала свою актуальность, согласуемые слова при указанных именах обычно употреблялись в форме множественного числа женского рода, напр. **слоугы... моѧ** (Зогр.., Мар., Ассем. ев. и Савв. кн.) - вместо ожидаемого **мои**, **старѣишинам галилѣискамъ** (Мар., VI) - вместо **галилѣискомъ**.

Унификация падежной флексии в парадигме существительного множественного числа весьма показательна и для не затронутого финно-угорским влиянием сербохорватского языка, ср. формы существительных 1-го склонения дательного, творительного и местного падежей множественного числа *народ-има, сел-има* и те же формы существительных 2-го и 3-го склонений *жен-ама, радост-има*. Нетрудно заметить, что эти формы отражают и тенденцию к нейтрализации грамматических родов в системе субстантивного склонения.

Таким образом, и гипотеза о значительном финно-угорском влиянии на русскую падежную парадигму множественного числа неосновательна.

Неподатливость русской СД по отношению к финно-угорским воздействиям объясняется в первую очередь типологической несовместимостью русских флективных и финно-угорских агглютинативных падежных форм.

Так, например, в коми-зырянском языке, хотя он взаимодействует с русским не менее пяти веков, доминантный агглютинирующий уклад не

претерпел за это продолжительное время никаких сколько-нибудь явных изменений, свидетельствующих об иноязычном влиянии. Морфемы, заимствованные из русского в коми-зырянский язык, осваиваются в соответствии с его типологическими принципами. Тем самым нейтрализуются не свойственные ему приёмы аранжировки морфем, а также особенности корреляции плана выражения и плана содержания.

Так, префиксы заимствованных русских слов осмысляются как части непроизводных основ (27, с. 85; 28, с. 14). Подобная интерпретация коми-зырянским языковым сознанием русских префиксов объясняется тем, что коми-зырянскому языку не свойствен приём грамматической и словообразовательной префиксации. Стремлением носителей коми-зырянского языка осмыслить в привычных типологических навыках иноязычную морфемную структуру заимствований объясняется и тот факт, что при усвоении коми-зырянским языком русских глаголов их основа часто осознаётся как корень, а префиксы и суффиксы в связи с этим уже не осмысляются в качестве компонентов такой основы. К заимствованной переосмысленной основе могут присоединяться коми-зырянские словообразовательные и формоизменительные суффиксы, напр.: *устэйитны* 'выдержать' < *устоять*, но: *устэйитлыны* 'выдерживать временами', *устэйитыштис* 'немного выдержал'; *дӧйдитны* 'успеть вовремя' < *дойти*, но: *дӧйдитли* 'успевал вовремя', *дӧйдитлэма* 'он, оказывается, успевал' (27, с. 88 - 89).

В тех же случаях, когда русские заимствованные глаголы членятся в коми-зырянском языке на корень и суффикс (суффиксы), звуковой объём, фонетический облик, а в ряде случаев и семантика соответствующих морфем существенно отличается от морфем русского языка. Так, коми-зырянский глагольный суффикс *-уйт-* представляет собой переработку финальной части русских глаголов на *-овать-*, *-евать-* в форме императива единственного числа с прибавлением фактитивного суффикса *-т-*, напр.: *бушуйтны* < *бушевать*, *лупсуйтны* < *лупцевать*, *гримируйтны* < *гримировать*, *авансируйтны* < *авансировать*. Этот суффикс способен образовывать глаголы от заимствованных субстантивных основ, напр.: *палачуйтны* «быть палачом» < *палач*. В небольшой группе коми-зырянских отыменных глаголов можно выделить словообразовательное значение «совершать действия, характерные для субъекта в определённое время или в определённом месте», «участвовать в чем-л.», напр.: *чаютны* «чаёвничать, проводить время за чаепитием», *свадьбуйтны* «участвовать в свадебной свите», «пировать на свадьбе» (29, с.27-28).

Ненормативные русские фразы в речи билингвов типа *Встретил брата у* ***Ивановой*** (вместо *Встретил брата* **Ивановой**), *Получил письмо у* ***отца*** (вместо *Получил письмо* **отца**), *Соседка идёт магазин* (вместо *Соседка идет в магазин*), являющиеся следствием интерференции русского и коми-зырянского языков, санкционированы русскими внутриязыковыми

свойствами и, отклоняясь от нормы, системно-типологического уклада русского языка не нарушают (30; 31).

Отмеченная закономерность находит своё подтверждение и в наблюдениях над влиянием на русскую деклинацию со стороны эстонского языка, относящегося, как известно, преимущественно к агглютинирующим. Так, в русском говоре села Мехикоорма Тартуского района налицо признаки довольно сильного давления со стороны эстонского языка, что обнаруживается, напр., в таких макаронизмах: *Это делают винерист* (эст. элатив *vineerist*), *Я боюсь ваймузит* (эст. партитив *vaime*); *В Таллине ходили музеумис* (эст. инессив *muuseumis*). Однако деклинальная система этого говора «сохраняет типичный для русского языка облик со всеми присущими ему закономерностями и тенденциями развития» (32, с. 117).

В закарпатском говоре румынского языка (преимущественно флективного) отмечено большое число лексических мадьяризмов как следствие многовековых связей румынского и венгерского населения с его агглютинирующим языком. Морфологические свойства названного румынского говора остались вместе с тем практически неприкосновенными (33, с. 186). Длительные контакты русских говоров Карелии с прибалтийско-финскими языками также не вызвали в первых заметной типологической перестройки (34, с. 195). Подобные примеры легко умножить.

Наличие же в контактирующих языках типологически совместимых подсистем и единиц благоприятствует типологическим преобразованиям языка-донора. Такая совместимость обнаруживается, в частности, в процессах русского влияния на синтаксический строй финно-угорских языков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Veenker W.* Die Frage des finnougrischen Substrats in der russischen Sprache. Bloomington, 1967.
2. *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.
3. *Панов М.В.* Русский язык // Языки народов СССР, т. 1. М., 1966.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972.
5. *Кузнецов П.С.* О принципах изучения грамматики. М., 1961.
6. *Зализняк А.А.*. Русское именное словоизменение. М., 1967.
7. Русская грамматика, т. 1. М., 1980.
8. *Тираспольский Г.И.* Вокатив и падежная система // Филологические науки, 1984, №2.
9. *Ицкович В.А.* Существительные одушевлённые и неодушевлённые в современном русском языке (норма и тенденция) // ВЯ, 1980, № 4.
10. *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
11. *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык. М., 1974.
12. *Ельмслев Л.* О категориях личности-неличности и одушевлённости-неодушевлённости // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
13. *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
14. *Lewy E.* Kleine Schriften. Berlin, 1961.

15. *Кузнецов П.С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

16. *Панин Л.Г.* О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978.

17. Именное склонение в славянских языках XI-XIV вв. Лингвостатистический анализ по материалам памятников древнеславянской письменности. М., 1974.

18. *Meillet A.* Recherches sur syntaxe comparée de l'Armenien. III. Emploi des cas // Mémoires de la Societe de linguistique de Paris. Tome 12. Paris, 1903.

19. *Мразек Р.* Синтаксис русского творительного (Структурно-сравнительное исследование). Praha. 1964.

20. *Бернштейн С.Б.* Методы и задачи изучения истории значений и функций падежей в славянских языках // Творительный падеж в славянских языках. М., 1958.

21. *Лопатина Л.Е.* К истории творительного предикативного в славянских языках // Известия АН СССР, серия литературы и языка, 1966, т. 25, вып. 6.

22. *Минчева А.* Творительный предикативный в «Шестидневе» Иоанна Экзарха // Вестник Московского ун-та, сер. 10, Филология. 1973, № 2.

23. *Бауэрова М.* Беспредложный творительный падеж в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963.

24. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.

25. *Шведова Н.Ю.* Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV-XVIII вв. Автореферат // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. 1.М.-Л.,1948.

26. *Иванова Н.Х.* Творительный предикативный в польском языке. Автореф. канд. дисс. М.,1954.

27. *Игушев Е.А.* К вопросу о морфологическом освоении русских заимствований коми языком // Коми филология. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып. 14. Сыктывкар, 1972.

28. *Игушев Е.А.* Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка. Автореф. канд дисс. Тарту, 1973.

29. *Черных В.А.* Заимствованные глагольные суффиксы в коми-зырянском языке // Советское финно-угроведение, 1981, № 1.

30. *Тираспольский Г.И.* Об одной синтаксической особенности русской речи коми учащихся // Русский язык в национальной школе, 1980.

31. *Тираспольский Г.И.* Особенности употребления русского родительного падежа в условиях коми-русского двуязычия // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984.

32. *Мюрюхейн В.В.* Наблюдения над системой склонения имён существительных в одном из русских говоров Эстонской ССР // Труды прибалтийской диалектологической конференции (Кяэрику, 1968). Тарту, 1970.

33. *Зикань И.В.* Некоторые особенности венгерских лексических заимствований в говоре румынского населения Закарпатья // Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3. К 70-летию профессора Василия Ильича Лыткина. М., 1965.

34. *Доля Т.Г., Суханова В.С.* Прибалтийско-финские заимствования в русских народных говорах Карелии // Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3.

Gennady Tiraspolsky

TO THE QUESTION OF TYPOLOGICAL CONTRIBUTION OF THE FINNO–UGRIC LANGUAGES TO THE RUSSIAN SUBSTANTIVE DECLINATION

W. Veenker's hypothesis of transformation of the Russian substantive declination under typological influence of the Finno–Ugric languages is called in question in the article. The author believes that such influence was impossible due to typological incompatibility of Russian inflexional and Finno–Ugric agglutinative substantive declination. New classification of Russian case forms are proposed and on general Slavic background immanent cause of evolution of some Russian case units are considered.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Валентина Яковлева
Йошкар-Ола

К ПРОБЛЕМЕ МЕЩЕРЫ

Финно-угорский мир в прошлом был представлен значительно большим числом этносов, чем в настоящее время. В ходе сложных процессов, вызванных перемещениями обитавших на Восточно-Европейской равнине племён и народностей, многие из финноязычных этнических образований оказались ассимилированными, исчезли с лица земли. Процесс, по всей вероятности, неизбежный, что не избавляет от необходимости изучения судеб этих народов, хода ассимиляции, его особенностей. Отсутствие или недостаток информации об исчезнувших этносах затрудняет и познание современных народов, их истории. Так, автор только что вышедшей монографии по топонимии Волго-Камского региона, отмечая значение своего исследования для решения спорных вопросов этногенеза и этнической истории народов региона, подчёркивает, что «немаловажным фактором, затрудняющим выяснение происхождения гидронимов Волго-Камья является исчезновение финно-угорских языков мери, муромы и мещеры как следствие славянской ассимиляции", поскольку "весьма возможно, что для ряда гидронимов этимологические нити тянутся к словарному составу именно этих языков» (1, с. 10, 62).

Как правило, процессы ассимиляции финно-угорских племён и народностей связываются с колонизационными потоками восточнославянских племён, позднее, в связи со складыванием русской народности и Русского государства, - с русской колонизацией. Вместе с тем в литературе можно встретить и высказывания о решающей роли иных факторов. В недавно вышедшей книге В.Л. Егоров, отмечая, что «ко времени монгольского нашествия процесс колонизации и ассимиляции продвинулся достаточно далеко", утверждает, что "монгольский погром не просто прервал его естественное течение, но даже уничтожил самую память о таких народах, как весь, меря, мурома, мещера, на территории Северо-Восточной Руси» (2, с.

27). Однако данная точка зрения далеко не общепринята, исчезновение указанных этнических образований связывается главным образом со славянской колонизацией, в результате которой имели место подвижки местного населения и постепенная инфильтрация в его среду пришельцев.

Что касается завершения процессов ассимиляции, на этот счёт высказывались самые разные взгляды, к тому же следует иметь в виду неодновременность завершения ассимиляции у разных этносов. Широко распространено в литературе мнение, что исчезновение многих финно-угорских племён произошло ещё к началу II-го тысячелетия (3, с. 3; 4, с. 92). Действительно, XI-XIII вв. явились заметной вехой в процессах ассимиляции многих финноязычных этнических образований, однако в настоящее время представляется возможным констатировать прекращение этнического бытия в домонгольский период лишь относительно муромы (3, с. 3; 5, с. 77). Другие племена и народности окончательно растворились в окружавшем славянском море значительно позднее (6, с. 29).

Наличие в литературе расхождений в определении момента завершения ассимиляционных процессов у разных финно-угорских этносов демонстрирует недостаточную их изученность. При общей слабости внимания к исчезнувшим финно-угорским племенам и народностям особенно выделяется проблема мещеры. "Народ-загадка»- такой подзаголовок дал очерку о мещере известный специалист по финно-угорской археологии Е.А. Рябинин. "Среди племенных образований Волго-Окского междуречья мещера наиболее загадочна и слабо документирована историко-археологическими данными", - констатирует он (7, с. 96). "Относительно слабая изученность мещерских археологических памятников, ограниченное количество данных других источников, главным образом топонимики, актового материала, диалектологии, этнографии, - подчёркивается в работе другого археолога - А.В. Гадло, - вынуждали некоторых исследователей сомневаться в реальности существования обособленной мещерской этнической группы" (8, с. 53). Академическое издание, обобщающее результаты исследований археологов по финно-угорской и балтской проблематике, хотя и содержит очерк о мещере, тем не менее со значительной долей осторожности подходит к признанию самого существования мещеры. "На основании сравнительно поздних источников и косвенных данных, - читаем в этом издании, - можно говорить ещё о племени мещера, жившем в северной части среднего Поочья»(4, с. 67). Вероятно, как следствие этих сомнений в Советской исторической энциклопедии отсутствует статья о мещере. Более того, даже в специальном справочнике по истории, культуре и языку финно-угорского мира, выпущенном в 1996 г., имеются сведения о мере и муроме, чуди и веси, но мещера не упоминается (9, с. 131).

Проблема мещеры усугубляется ещё и тем, что её считали предком мишарей - особой этнической группы татар, причём эта точка зрения суще-

ствует и в настоящее время, особенно в популярной, краеведческой литературе (10, с. 201). В Большой советской энциклопедии отмечается, что мещера "говорила на языке финно-угорской группы" и большей частью "к 16 в. обрусела, другая часть... слилась с татарами"(11, с. 205). Хотя в новейшей литературе, особенно финно-угорских авторов, по нашим наблюдениям, получило большое распространение мнение, что мещера полностью славянизировалась (12, с. 38; 13, с. 160), гипотеза о том, что часть мещеры участвовала в этногенезе мишарей, имела много сторонников (14, с. 5), чем и объясняется трактовка проблемы в Большой советской энциклопедии.

Важнейшим вопросом при изучении любого этноса является выявление территории её проживания. Между тем "из-за малочисленности материала и территориальной разбросанности трудно определить точную границу проживания мещеры» (12, с. 3; 14, с. 92). Однако необходимо подчеркнуть, что возможность изучения мещеры, расширения материала о ней, в первую очередь археологического, неразрывно связана с определением территории её расселения. Мещера обитала, как полагают, между другими финноязычными племенами - мордвой и муромой, в междуречье Клязьмы, Москвы и средней Оки, которому соответствует Мещерская низменность (4, с. 92; 7, с. 97). Именно границами Мещерской низменности, расположенной на левобережье Оки и "ограниченной с севера Клязьмой с притоками, с юга - обширной поймой Оки, с запада - течениями Цны и Поли, с востока - р. Гусь" (7, с. 97), принято очерчивать территорию мещеры. Вместе с тем следует иметь в виду, что расселение мещеры характеризируется как территориально разбросанное. Е.А. Рябинин упоминает, в частности, озеро Мещерское в черте Нижнего Новгорода, оговариваясь вместе с тем, что указанный топоним, как и другие подобные наименования в контактной зоне, могут относиться к татарам-мишарям (7, с. 98 – 99).

Разными авторами в понятие "мещерская область" вкладывается несовпадающее содержание. Ставится вопрос об этническом составе населения упоминающейся в средневековых источниках Мещеры. В этой связи особо подчёркивается необходимость отличать Мещеру /Мещерскую землю/ как политико-географическое понятие от территории с мещерским населением (7, с. 99). Однако и при таком разграничении иногда можно встретить чересчур нестрогий подход к определению области мещеры. Так, в статье, опубликованной в конце XIX в., Ф.Ф. Чекалин относит к Мещерской области всю территорию, за которой наблюдали и где разъезжали "мещерские сторожа", полагая, что она на юге примыкала к юго-восточным степям, достигая реки Воронеж, где "ныне лишь речка Мещерка, впадающая в р. Воронеж" (15, с. 66). При этом он считал, что вся эта область в разное время являлась местом обитания мещеры, утверждая, правда, что к последней следует отнести и буртасов: под этим наименованием, как он полагал, мещера была известна восточным авторам (15, с. 66, 67). Как ви-

дим, в историографии проблемы встречается и совершенно неоправданное отнесение к территории обитания мещеры и тех пространств, где лишь встречались "мещерские" сторожевые разъезды неопределённой этнической принадлежности, причисляемые безоговорочно к мещере. Что касается Мещеры как политико-географического понятия, современные авторы, в частности, Е.А. Рябинин, в её пределы включают "не только левобережье Оки, но и бассейн правого притока Оки р. Мокши", указывая, что бассейн Мокши был заселен "мордвой и, частично, тюркоязычными мишарями /мещерой/" (7, с. 99), подчеркивая, таким образом, что под "мещерой" правобережья Оки следует видеть мишарей.

Определяя границы Мещеры как политико-географической, а не мещерско-этнической области, Е.А. Рябинин цитирует М.К. Любавского. Хотя об этнической принадлежности населения Мещеры сказано уже после знака отсылки на последнего, контекст всего высказывания Е.А. Рябинина позволяет заключить, что и М.К. Любавский рассматривал Мещеру, включавшую и правобережье Оки, как политико-географическую область. Однако М.К. Любавский выражался неопределённо, называя Мещеру "инородческой областью", и лишь отмечал, что она находилась под властью крещёных князей, которые по родословной традиции считались татарского рода (16, с. 90). Он не упоминает ни мишарей, ни тюркизацию мещеры в бассейне р. Мокша. В другой, недавно впервые изданной работе М.К. Любавский называет Мещеру вместе с территорией по р. Мокша и её притокам областью финского племени (17, с. 233). И здесь мы не встречаем утверждений или предположений о тюркизации мещеры в интересующем нас районе или упоминаний мишарей. М.К. Любавский, описывая заселение Башкирии, неоднократно называет мещеряков, но к ним он относит население различной этнической принадлежности, расселявшееся из бассейна Оки (17, с. 496). Речь идёт в этой работе и о тюркизации мещеры, но за пределами не только бассейна Мокши, но и Оки. "Часть мещеры, впрочем, - отмечал М.К. Любавский, - под напором русской колонизации в XIV и XV вв. ушла на восток, в пределы Казанского царства, где мы и встречаем её потом по летописям и актам, и там отатарилась" (17, с. 137).

Относительно переселения части мещеры на восток, на территорию Казанского царства, следует заметить, что здесь она не вся подвергалась тюркизации: какая-то её часть расселялась среди нетюркского населения. Заслуживает внимания следующий факт: в одном из опубликованных недавно источников, в котором приводятся сведения о Царевококшайском уезде Казанской губернии, относящиеся к 1760-м годам, встречается марийское имя Мещер. Так звали сотника одной из марийских волостей – Большой Ошлинской, полное его имя - Михайло Матвеев сын Мещер (18, с. 124 – 125). Практика фиксации наряду с христианскими марийских имён была обычной для документов XVIII в. Нам представляется, что имя Ме-

щер - не случайное совпадение с этнонимом, а свидетельство того, что некоторая, возможно, очень небольшая, часть мещерского населения, уходя на восток, расселялась и среди марийцев.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что по мнению М.К. Любавского, всё же "... преобладающая масса мещерского племени до XVI в. оставалась вне сферы славяно-русской колонизации" (17, с. 153; 16, с. 10). Это связывается с тем, что перед присоединением Рязанского княжества к Москве /1521 г./ ему "принадлежали некоторые волости в Мордве и Мещере по р. Цне* и нижней Мокше и на левой стороне Оки между Прой и Гусем"; "в Рязанской земле был большой земельный простор, и она не замедлила стать ареной усиленной колонизации с севера" (17, с. 253).

Между тем в современных работах /а проблема мещеры затрагивается главным образом археологами/ процесс ассимиляции мещеры относится к более раннему времени. Так, даже Е.А. Рябинин пишет: "Средневековые актовые материалы указывают на существование остаточных островков мещеры ещё в XV - XVI вв., а возможно, и в более позднее время" (7, с. 104). Другие авторы полную ассимиляцию датируют даже началом II тысячелетия (4, с. 92). Расселение мещеры ограничивают, как выше уже отмечалось, левобережьем Оки. Что касается М.К. Любавского, нижнее течение Мокши и её притока Цны он не только включал в Мещерскую область как в политико-географическое образование, но и полагал, что здесь обитала именно мещера (17, с. 137). Правда, его описание расселения мещеры относится к XI - XIII вв., но ниже он добавляет: "Мещерский край сохранял свою инородческую физиономию даже во второй половине XVII в., и только в XVIII и XIX вв. произошло его обрусение /в конце XIX в. только четыре селения мещеры в Спасском уезде Тамбовской губернии говорили по-мордовски/" (17, с. 137).

Таким образом, по сведениям М.К. Любавского, в конце XIX в. ещё существовали последние селения мещеры, хотя и говорившей почему-то по-мордовски. Возможно, сохранив существенные черты своего этноса, эти последние представители мещеры уже утратили свой язык. Однако речь идёт об обрусении, а не о переходе на мордовский язык: смысл высказывания заключается в том, что только эти четыре селения не перешли на русский язык. Не исключено, что мордовской речь их названа из-за близости к ней как следствия принадлежности обоих языков к финской группе. Напрашивается предположение и о том, что в процессе ассимиляции мещера, по крайней мере, в этом районе, первоначально испытывала влияние мордвы, сменившееся затем русским влиянием. Ниже мы ещё вернёмся к этому вопросу.

---

* Здесь: приток р. Мокша.

Знаменательно, что эти селения, названные мещерскими, располагались в Спасском уезде Тамбовской губернии, то есть в правобережье Оки, в области низовьев р. Мокша и её притока Цны - на территории, где мещера, согласно литературе последних десятилетий, не обитала.

В том же уезде Тамбовской губернии мещера зафиксирована и в источнике середины XIX в.: в "экономических примечаниях", составлявшихся в ходе топографических работ по исправлению губернских атласов, которые проводились под руководством А.И. Менде, отмечалась и национальная принадлежность населения каждой деревни или села, в неразмежеванных дачах - группы селений. В дачах № 3, 20 - 22 зафиксирован этноним мещера. Национальность населения дач № 21 и 22 определена следующим образом: «Крестьяне русские - мещера, исповедающие православную веру» (19, л. 69, 63). О населении дач № 3 и 20 сказано: "Крестьяне мещера православного исповедания", "крестьяне мещера - православные" (19, л. 69, 68).

Как видим, смысл этих этнических определений составителей "экономических примечаний" неясен и требует расшифровки. На наш взгляд, перед нами остатки средневековой мещеры. Возможность такого толкования усиливается благодаря приведённым выше, хотя также противоречивым, сведениям М.К. Любавского. Возможно, слово "русские" должно было подчеркнуть большую степень ассимиляции мещеры в селениях этих двух дач. С другой стороны, нельзя исключить, что имеются в виду крестьяне обрусевшие, ставшие русскими по языку и особенностям культуры и быта, у которых в то же время сохранилось воспоминание о происхождении из мещеры, а также какие-либо черты, этнографически выделявшие их из окружающей среды.

Следует отметить, что в этнографической литературе известен термин "русская мещера", но этот термин, как свидетельствуют Т.И. Алексеева и Б.А. Васильев, "искусственный, местным населением он не употребляется, нет его и в письменных источниках. Он был введён в этнографическую литературу Б.А. Куфтиным" (14, с. 5) - автором, писавшим уже в XX веке, в 20-е годы. Как видим, термин "русская мещера" в источниках всё же встречается, хотя и в несколько иной форме. Русская мещера определяется этнографами как этническая группа русского населения, она прослеживается ими в современных Рязанской и Пензенской областях, то есть и на правобережной стороне Оки (14, с. 6-8). Небезынтересно для наших целей познакомиться с теми данными, что выявились при обследованиях русской мещеры.

В начале 1950-х годов были проведены обследования русской мещеры в двух районах: Кадомском Рязанской области /селения Заулки и Кочемирово/ и Земетчинском Пензенской области /селения Большая и Малая Ижмора и Ушинка/. Территория этих районов включает бассейны нижнего те-

чения р. Мокша и её притока Цны. Очень существенно, что в числе оснований для отнесения населения этих сёл и деревень к русской мещере отмечаются самоназвание и этноним "мещера", «под которым население этих деревень известно у окружающего населения» (14, с. 9). Антропологическое изучение населения указанных селений позволило исследователям сделать следующий вывод: "Антропологический материал... свидетельствует против точки зрения, утверждающей единство происхождения мишарей и так называемой русской мещеры..." (14, с. 11). Иначе говоря, в средневековой мещере правобережья Оки нельзя видеть тюркоязычных мишарей. Следует, правда, упомянуть, что по некоторым данным ещё прошлого века пензенская русская мещера выселилась некогда из Касимовского уезда Рязанской губернии (14, с. 8), однако, на наш взгляд, это обстоятельство отнюдь не исключает возможности формирования других островков русской мещеры, в том числе и пензенской, в правобережье Оки на основе обитавшего здесь мещерского населения.

Вместе с тем нельзя не выразить недоумение по поводу выводов, к которым приходят Т.И. Алексеева и Б.А. Васильев, обобщая результаты этнографического и антропологического исследования русской мещеры в указанных двух районах. Они считают, что «этническая группа русской мещеры... образовалась... в результате аккультурации русским населением западной ветви мордвы-эрзи на территории северо-восточной части современной Рязанской области, вероятно, в XVI в.» (14). Наличие сходных черт в культуре, выявляемое этнографами, и даже генетическая связь "русской мещеры с локальными группами мордвы-эрзи", устанавливаемая антропологическими данными (14, с. 7, 8, 11), не дают оснований, на наш взгляд, для такого вывода. Прежде всего, в таком случае невозможно понять, почему у этнической группы, являющейся результатом взаимодействия мордвы-эрзи и русского населения, появляется этноним "мещера". Нам представляется, что мещера была первоначальным субстратом так называемой русской мещеры. Далее наше внимание должно быть обращено на проблему мещера - мордва-эрзя. Сходство в чертах культуры и генетическая связь могут быть объяснены, как нам представляется, двояко: общностью происхождения - тем, что мещера изначально находилась в более близком родстве с мордвой-эрзей, чем с другими финно-угорскими этносами, или же высокой степенью контактов между ними. Возможно, имели место оба фактора. Важно подчеркнуть, что взаимодействие мещеры и мордвы-эрзи, если именно им было вызвано генетическое и культурное сходство, не привело, по крайней мере, в данном случае к ассимиляции мещеры мордвой-эрзей. Далее включилось влияние русского этноса, имевшее результатом формирование той русской мещеры, которая зафиксирована в этнографической литературе XX столетия. Это не означает, что ассимиляция мещеры мордвой не могла иметь места в других случаях. Вероятно, процессом ассими-

ляции мещеры мордвой, имевшим место до того, как мещера стала подвергаться русской ассимиляции, и объясняется противоречивость приведённого выше свидетельства М.К. Любавского, буквальный смысл которого: только четыре селения мещеры в Спасском уезде Тамбовской губернии не успели обрусеть и говорят на мордовском языке, то есть мещера успела перейти на мордовский язык в результате воздействия мордвы, но затем стала подвергаться воздействию русского этноса и обрусела, за исключением четырёх селений, продолжавших говорить по-мордовски.

Представляет значительный интерес определение этнической принадлежности ассимилирующегося мещерского населения. С этой точки зрения заслуживает внимания и так называемая русская мещера. Безоговорочное отнесение её этнографами к русскому этносу не снимает возникающих сомнений в правильности такого вывода. Обращает внимание сохранение этнонима "мещера", применявшегося и в качестве самоназвания, бытовавшего и у окружающего населения. Между тем специалисты по теории этноса, в частности, Ю.В. Бромлей, подчёркивают, что именно самоназвание /этноним/ является важнейшим признаком этноса: оно выражает самосознание народа, которое, в свою очередь, опирается на объективно существующие особенности культуры, характерные для данного этноса (20, с. 56, 57). Что касается языка, общеизвестно, что он "далеко не всегда выступает" в этнодифференцирующей роли (20, с. 55 – 56). «Этническая история человечества, в том числе новейшая, знает немало примеров, когда нации в значительной части или даже полностью переходят на другой язык, однако сохраняются как таковые" (21, с. 77). Между тем складывается впечатление, что этнографами, изучающими исчезающие этносы, в том числе и мещеру, принимается во внимание в первую очередь язык, которому придаётся значение главного признака этноса. Если «русская мещера" говорит по-русски, утратила язык, она определяется как часть русского этноса, несмотря на то, что сохранила самоназвание, а значит и осознаёт себя как отдельный этнос, несмотря на признание её таковым соседним населением, применяющим по отношению к нему этноним "мещера", несмотря на характеризующий её целый ряд особенностей культуры, сближающих "русскую мещеру" с финноугорскими этносами. Налицо придание языку значения основной и наиболее устойчивой этноопределяющей категории. "Между тем хорошо известно, что при смене языка, как правило, ещё долгое время сохраняются этнически /национально/ специфические черты культуры и психики /особенно в тех случаях, когда речь идёт не об отдельных лицах, а о значительных по своим масштабам группах, людей" (21, с. 71 – 72).

Стоит обратить внимание и на то, что по мнению Т.И. Алексеевой и Б.А. Васильева, русская мещера "образовалась... в результате аккультурации русским населением западной ветви мордвы-эрзи" (14, с. 8). Оставляя в

стороне мордву-эрзю, об отношениях которой к русской мещере выше уже было сказано, остановимся на термине "аккультурация". Необходимо подчеркнуть, что аккультурация, являясь одной из стадий ассимиляции, ещё не приводит к исчезновению этноса, к растворению его в другом этносе. Более того, аккультурацию считают даже стадией первого этапа /подчёркнуто нами. - *В.Я.*/ ассимиляции (21, с. 71). Следовательно, аккультурация русским населением населения иной этнической принадлежности не могла привести к образованию этнической группы русского этноса, то есть к превращению его в часть русского этноса, она означает лишь усвоение каких-то черт русской культуры при сохранении своей изначальной культуры. Вероятно, в данном случае перед нами пример нечёткости терминологии, долгое время остававшейся недостаточно разработанной, как и в целом теория этноса (20, с. 12).

Сохранение этнонима, в том числе и в качестве самоназвания, и особенных черт культуры позволяют, по нашему мнению, предположить, что описанная Т.И. Алексеевой и Б.А. Васильевым «русская мещера» в Кадомском районе Рязанской области и Земетчинском уезде Пензенской области не может быть отнесена к русскому этносу: она к тому времени ещё сохраняла прежнюю этническую принадлежность, являлась остатком мещерского этноса - процесс ассимиляции не был завершён.

Ассимиляционные процессы могут растягиваться на длительное время, скорость их может меняться. В этой связи представляются важными сведения о численности ассимилирующегося мещерского населения. "Экономические примечания", о которых выше уже шла речь, содержат сведения о населении по данным IX ревизии. В середине XIX века в дачах, где была отмечена мещера, обитало значительное население. В даче под № 21 находилось село Новое Бадиково, где было 113 дворов и числилось 537 душ мужского и 571 душа женского пола. На территории, составлявшей дачу № 22, располагались сёла Кирилово, Сяземка, Красная Дубрава и деревни Поляна, Выша и Гоголев бор, насчитывавшие 3819 душ м. п. и 3817 душ ж. п., которые проживали в 1062 дворах. Всего, таким образом, в этих селениях было 1175 дворов с 4356 душами м. п. и 4388 душами ж. п. Напомним, что национальная принадлежность этого населения названа в источнике неопределённо. Нельзя исключить и того, что это население было смешанным, русско-мещерским. В деревне Старое Бадиково /дача № 20/ располагались 123 двора с 631 душой м. п. и 652 душами ж. п. В сёлах Булыгино и Богданово, в деревнях Голышево и Пичково, которые входили в дачу № 3, имелось 415 дворов, а душ насчитывалось 1511 м. п. и 1601 ж. п. (19, л. 63, 66, 68, 69). Всего в дачах № 3 и 20 зарегистрировано 2142 души м. п. и 2253 души ж. п., число дворов в селениях этих дач равнялось 538. Как выше отмечалось, население этих дач отнесено к мещере.

Во всех четырёх дачах имелось 1713 дворов с населением 6498 душ м. п. и 6641 душа ж. п. Названные дачи располагались компактно, на торговой дороге Моршанск - Спасск, расстояние от последнего, то есть от уездного центра, составляло для дачи № 3 - 25 вёрст, для дач № 20 - 22 - от 40 до 43 вёрст /в дачах № 3 и 22 расстояние указано от самого крупного села/.

Расположение наиболее населённой дачи № 22 /с шестью селениями/ описывается таким образом: "Село Кирилово с деревнями и пустошьми. Положение дачи большею частию ровное, перерезанное оврагами и частию гористое. На правой стороне реки Выши и по обе стороны впадающих в неё справа речек Сядемка, Бизявка, Ржавца, Глубокой Учасли и Шуварли; по обе стороны речки Удев и впадающим в неё слева речкам Чёрной, Шуварли и Вязовки; на левой стороне речки Киты и впадающих в неё слева речек Мяшики и Сумли, текущих между крутых берегов..." (19, л. 62). Наиболее крупная из перечисленных в этом описании рек и речушек - Выша - впадает в Цну - приток Мокши. О даче № 20 /деревня Старое Бадиково/ сказано, что она находилась на левой стороне рек Вад, Сумли и Марли (19, л. 67). Река Вад - приток Мокши, впадающая в неё выше Цны. Вад протекал и через дачу № 3, где отмечены также речки Лундан и Пекшойка (19, л. 68 об.). Таким образом, речь идёт о территории между реками Вышей и Вадом, где эти реки текут довольно близко друг от друга.

Кадомский район Рязанской области и Земетчинский район Пензенской области, где исследовалась так называемая "русская мещера" в середине XX в., примыкают с разных сторон к той территории, которая в середине XIX в. входила в состав описанных четырёх дач. Сведения М.К. Любавского также относятся к примерно этой же территории. Бассейны нижнего течения Мокши и её притока Цны, особенно бассейны притоков этих рек - Выши и Вада, долгое время сохраняли следы мещеры - значительно дольше, чем принято считать. Та "русская мещера", которая в этнографической литературе XX столетия считается частью русского этноса, к середине XX в. не была ещё полностью ассимилирована русским населением: как нам представляется, сохранялись островки населения, которые по этнической принадлежности следовало бы считать остатками средневековой мещеры.

Что касается времени появления её в этом регионе - в правобережье Оки, этот вопрос имеет особую значимость, поскольку от его решения зависит определение той территории, где обитала средневековая мещера. В этой связи заслуживает внимания мнение М.К. Любавского, который распространял её и на бассейны нижнего течения Мокши и Цны. Поэтому важно выявление тех сведений, на которых он основывал свои выводы. Разумеется, особое значение имеет археологическое исследование, которое должно сочетаться с внимательным анализом лингвистических и этнографических данных. Разрешение проблемы территории мещеры позволит бо-

лее успешно изучать этот этнос. Невольно возникает предположение, что слабая её изученность является следствием ограниченности территории поисков. При этом из сферы поисков оказалась исключённой территория, где островки мещеры, по приведённым здесь сведениям, сохранялись особенно длительное время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

1. *Куклин А.Н.* Топонимия Волго-Камского региона: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 1998.

2. См.: Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки. М.: Наука, 1995.

3. *Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А.* Мурома VII - XI вв. Йошкар-Ола, 1990.

4. Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987.

5. *Рябинин Е.А.* Мурома // Природа, 1994, № II.

6. Так, "ассимиляция значительной части чуди заволочской завершилась к XVI - XVII вв.", но "отдельные островки" её сохранялись до XIX в. /см.: *Рябинин Е.А.* Чудь заволочская // Природа, 1993. № 8.

7. *Рябинин Е.А.* Мещера // Природа, 1995, № 3.

8. *Гадло А.В.* Восточные славяне, Русь и неславянские племена Восточной Европы // Советская историография Киевской Руси. Л.: Наука, 1978.

9. См.: Финно-угорский мир: /справочник по истории, культуре и языку/: Посвящается II Всемирному конгрессу финно-угорских народов. Будапешт, 16 - 21 августа 1996. Будапешт; М., 1996.

10. *Орлов А.М.* Мещера, мещеряки, мишари. Казань, 1992. /На обложке и титульном листе вместо "мишари" ошибочно напечатано "мишаре"/.

11. Большая советская энциклопедия. Т. 16. 3-е изд. М., 1974.

12. *Архипов Г.А.* Этногенез финно-угорских народов Поволжья: современное состояние проблемы и задачи изучения // Финно-угроведение, 1995, № I.

13. *Патрушев В.* Финно-угры России. Йошкар-Ола, 1992.

14. См.: *Алексеева Т.И., Васильев Б.А.* К вопросу о генетическом родстве русской мещеры и татар-мишарей // Краткие сообщения Института этнографии. Т. XXXI. М., 1959.

15. *Чекалин Ф.Ф.* Мещеры и буртасы по сохранившимся о них памятникам // Труды Восьмого археологического съезда в Москве: 1890. Т. III. М., 1897.

16. *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. Л., 1929.

17. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. Изд-во Моск. ун-та, 1996.

18. См.: *Енин Г.П.* Новый источник о "воеводском кормлении" в Царевококшайском уезде // Марийский археографический вестник. № 5. Йошкар-Ола, 1995. На с. 123 то же имя встречается в двух вариантах - Мешер и Мещерко. Возможно, в первом случае мы имеем неверное написание источника или ошибку при публикации. Второй вариант - уменьшительная форма имени.

19. РГАДА, ф. 1357, оп. I, д. 260.

20. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.

21. *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981.

22. РГДА, ф. 1357, оп. I, д. 260, л. 63 об., 66, 68, 69.

Valentina Yakovleva

TO THE PROBLEM OF "MESHCHERA"

The article is devoted to one of the disappeared Finnish ethnos – meshchera. The problem of meshchera is the most complicated one. In literature the existence of meshchera is called in question, there exists an opinion about its Turkic origin. There are various opinions about the time of assimilation of meshchera. The question of the territory of meshchera is considered to be unsolved, particularly taking into consideration the fact that its boarders could change at time.

The author pays attention to the source of the middle of the XIX th century, where meshchera is mentioned. Whereas in the modern literature even the most cautious authors tend to think that in XV – XVI th centuries there were only remaining islets of meshchera, admitting with cautiousness that the last islets could exist at later time. And one more important fact - in one of the sources found by the author meshchera is registered in Spassky district of Tambov province, that is on Oka's right bank not on its left one, where the traditional meshchera area is. It is Spassky district of Tambov province where meshchere settlements are found at the end of the XIX th century by the famous historian M. K. Lubavsky. In this area meshchera ethnonym is found in the middle of the XXth century.

The conclusion is made that the meshchera area included probably the territories of the Oka's right bank due to the signs long time preserved here. The author stresses that the so-called Russian meshchera, even if not the whole, then its considerable part was formed exactly here. And what is more, supposition is proposed that "Russian meshchera" should be regarded not as ethnic group of Russian population but as remainances of the incompletely assimilated meshchera.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

СООБЩЕНИЯ

Валентина Гаврилова
Йошкар-Ола

ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕДМЕТОВ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория количества - одна из наиболее абстрактных категорий мышления. «В отличие от грамматических категорий понятийные категории, к которым относится количество, рассматриваются безотносительно к тому или иному конкретному способу выражения, отсюда многообразие средств выражения категории количества в языке» (1, с. 385). «Количество может иметь качественную конкретизацию благодаря указанию на предмет или явление» (2, с. 44). Я.Г. Биренбаум, З.Я. Тураева предметоколичество выделяют наряду с процессоколичеством и признакоколичеством, как одну из основных категорий бытия (3, с. 122). «В марийском языке числительные являются основным средством выражения единичности и множественности, являются ядром категории количества» (4, с. 79). Категория количества своё выражение находит также в грамматической категории числа имени существительного, реализующего значения единичности и множественности предметов. Но «понятие множественности шире, чем понятие множественного числа, и формы множественного числа, будучи грамматическим явлением, не охватывают все значения категории множественности» (5, с. 5). Предметом изучения данной статьи является один из лексико-синтаксических способов выражения множественности предметов в марийском языке - так называемые количественные словосочетания - в функционально-семантическом плане.

Как отмечает Г.Н. Валитов, под количественным словосочетанием обычно понимается сочетание типа *кок йолташ* 'два товарища' (6, с. 112). Исследуя случаи выражения подлежащего количественными сочетаниями, он выделяет также другую разновидность количественных словосочетаний, которую составляют сочетания, где вторым компонентом выступают слова типа *тӱшка* 'группа, толпа', *кашак* 'куча, толпа, группа', *ӱро* 'табун, стая, свора' (6, с. 115). По нашему мнению, к последним следует отнести также

слова *ора* 'куча, ворох, груда', *тӱча* 'группа, куча, кучка', например: А тыште йырым-йыр шып, окнаште, кӱвар ӱмбалнат *пеледыш ора* 'А здесь вокруг тишина, на окне и на полу куча цветов' (7, с. 129); Тунамак ала-кушеч шемалге тувыр ӱмбач нарынче ӱштым ӱшталше ошымшӱлыш лектеш: кӱжго йӱкшӧ дене тыгыде *копшанге тӱчам* лӱдыктылын, пеледыш гыч пеледышыш чонештылеш... 'Тогда же откуда-то вылетает шмель, надевший поверх тёмной рубашки жёлтый пояс, от цветка к цветку летает, распугивая низким голосом рой мелких насекомых... ' (8, с. 179).

В современном языкознании условно можно выделить два понимания слов типа *тӱшка* 'группа, толпа', *кашак* 'куча, толпа, группа', *ора* 'куча, ворох, груда', *тӱча* 'группа, куча, кучка'.

О. Есперсен, рассматривая в английском языке слова типа *a herd* (*of oxen of goats*) 'стадо (волов, коз)', называет их «одним из способов объединения множественности в единство высшего порядка» (9, с. 223-224). Он называет такие слова собирательными, причём предлагает данный термин употреблять лишь в отношении существительных, обозначающих единство ряда предметов или существ, которые можно пересчитать (9, с. 224-225). В.З. Панфилов в русском языке наряду с особыми грамматическими формами существительных с собирательным значением выделяет и лексический способ выражения собирательности (10, с. 27). А.А. Реформатский в словах типа *толпа, стадо* не находит значения собирательности, «поскольку у них есть нормальное соотношение единственного и множественного числа» (11, с. 384).

Марийскими языковедами под собирательными существительными понимаются слова, которые обозначают «совокупность однородных предметов как неопределённое количество в виде неделимого целого» (12, с. 38). Традиционно выделяются две группы собирательных существительных: 1) слова с непроизводной основой, обозначающие в формах единственного числа как всю совокупность неопределённого количества однородных предметов, так и каждого единичного представителя этой совокупности, например: *шына* 'комарьё и комар'; 2) имена существительные с суффиксом *-эр*, например: *куэр* 'березняк' (12, с. 38 - 39). Однако ничего не сказано о словах типа *тӱшка* 'группа, толпа'. Е.И. Коведяева подобные слова относит к лексическому способу выражения коллективной (групповой) множественности как особой разновидности категории множественного числа (13, с. 137 - 141). Как видно из вышеизложенного, в определении статуса существительных, совмещающих в себе значение предметности и количественной соотнесённости, нет единого мнения. Тем не менее большинство исследователей сходится в том, что рассматриваемые слова являются лексическим способом выражения множественности.

Таким образом, если считать сочетания типа *ӱдыр тӱшка* 'группа девушек' количественными, надо признать соотнесение главной части сочe-

гания с идеей количества, множественности, поскольку она указывает на множество предметов, названного зависимой частью сочетания. Г.Н. Валитов пишет, что «эти слова – главные в сочетании - выражают лишь количественный признак предмета или лица, обозначаемого определяющим существительным, подобные сочетания являются семантически неделимыми, поскольку лишь сочетание в целом представляет название предмета или явления» (6, с. 114 - 115). Существительное хоть и является главным в сочетании, основную смысловую нагрузку несёт существительное, выступающее в зависимой части сочетания, поэтому лишь сочетание в целом является названием предмета. Главный компонент сочетания не выражает лишь количественный признак предмета, названного зависимой частью. В подобных словах значение предметности доминирует над значением количественного. В марийском языке в диалогически неполных простых предложениях существительное-нумератив (так будем условно называть эти слова) может употребляться без определяющего существительного, хотя из предыдущего предложения всегда можно понять, о количестве какого предмета идёт речь, например: *Шнетше* мӧҥгыштак мо? -Уке, тенгече *тӱшкаш* колтышым 'Конь твой дома? - Нет, ещё вчера отправил в табун' (14, с. 90).

Рассматривая сочетания типа *ӱдыр тӱшка* 'группа девушек', мы понимаем, что речь идёт не об одном предмете, тем не менее употреблением существительного-нумератива говорящий или пишущий, по-видимому, рассматривает данные предметы не в расчленении, в их дискретности (иначе были бы употреблены сочетание *икмыняр ӱдыр* 'несколько девушек' или же форма множественного числа существительного *ӱдыр-влак* 'девушки'), а как объединения данных лиц, предметов, данного множества в одно единое. Именно это значение является основополагающим для собирательных существительных.

Если подводить эти существительные под собирательные и считать их обозначающими совокупность предметов именно как неопределённого количества, чем же объяснить употребление их с числительными, например: *Ик ораште - ныле коваште* 'В одной куче - сорок шкур' (15, с. 82); *Ик тӱшка, канаш-индеш мужыр, куштен ноя, весе лектеш* 'Одна группа, восемь-девять пар, устаёт танцевать, другая выходит' (7, с. 265). В приведённых примерах дано точное количество предметов и лиц. Вероятно, собирательная множественность, хотя и представляет собой недискретное, неделимое количество, всё же потенциально подвергается счёту. «Собирательности категория лишь в сигнификативном аспекте - единство, в денотативном же аспекте она - множество, за собирательным именем всегда стоит некоторый ряд дискретных предметов, которые по крайней мере потенциально доступны пересчёту» (1, с. 473).

Казалось бы, отнесению подобных слов к разряду собирательных противоречит выражение зависимой части сочетания существительным во множественном числе, например: Тунам тудо еным толен коштеден, шкеж гаяк вуянче *рвезе-влак тӱшкашке* ушнен 'В то время он грабил людей, был в банде таких же разбойников, как и он сам' (15, с. 24). Множество предмета, названного зависимой частью сочетания, выражено главным компонентом. Тем не менее, в марийском языке в качестве зависимой части сочетания достаточно часто используется существительное в форме множественного числа. Конечно, такое употребление можно считать ошибочным, но именно частота употребления не позволяет игнорировать их. Как нам кажется, употребление в зависимой части сочетания существительного в форме множественного числа объяснимо генетической связью категории числа и собирательности. Собирательность, хотя и предстаёт как сплошная множественность, всё же из этого единого целого условно можно вычленить его составляющие части.

При подлежащем, выраженном сочетанием «существительное + существительное-нумератив», в марийском языке сказуемое может выражаться глаголом как единственного, так и множественного числа, например: *Мӱкш тӱшка*, тарванен, кож йыр шемын койын *пӧрдеш* 'Рой пчёл, чернея, кружится вокруг ели' (16, с. 15); Лавыран суртеш погынышо умдылала мемнан колхозыш *вор, жулик тӱшка* погыненыт 'В нашем колхозе собралась (букв. собрались) группа воров и жуликов, словно клопы в грязном доме' (17, с. 125). Г.Н. Валитов отмечает, что сказуемое после количественных сочетаний обоих видов стоит обычно в единственном числе (грамматическое согласование), но может стоять и во множественном числе (смысловое согласование) (6, с. 116). Если считать подобное сочетание собирательным, сказуемое при подлежащем, выраженном подобным сочетанием, должно выражаться глаголом в единственном числе, например: Кызыт ӱмылан пушеҥге йымалне *еҥ тӱшка*, ик мут пелештыде, шыпак *шога* 'Сейчас под тенистым деревом, молча, стоит толпа людей' (18, с. 301). Сказуемое, выраженное глаголом во множественном числе, должно появляться при подлежащем, выраженном количественным сочетанием, и должно указывать на множественность предмета, названного главным компонентом сочетания, например: Янда вошт моткочак одар, мушкындо гай, манаш лиеш, *пеледыш ора-влак койыт* - тиде герань, ялыште тудым ала-молан «яраҥ» маныт 'Сквозь стекло виднеются кучи ветвистых, размером с кулак, можно сказать, цветов - это герань, в деревне её почему-то называют «яраҥ»' (19, с. 49). По всей видимости, употребление сказуемого, выраженного глаголом во множественном числе, при подлежащем, выраженном сочетанием типа *ӱдыр тӱшка* 'группа девушек', объяснимо согласованием на уровне смысла, идеей множества, передаваемого через существительное-нумератив, например: Ял погынымаште *поян кашак* мелиораций ушемыш

возалтше марий-влакым турло семын *игылтыч, койдаркалышт, мыскылышт* 'На деревенском сходе группа богатых всячески издевалась, насмехалась над марийцами, записавшимися в союз мелиорации' (20, с. 166).

На множественность предмета, названного зависимой частью сочетания, указывает их употребление с местоимениями во множественном числе, например: Эх, *те, тӱрыс тӱшка!* - кычкырале шонго 'Эх, вы, толпа трусов! - крикнул старик' (18, с. 179); *Нине ӱдырамаш тӱшкам* ныл классан шелына 'Эту группу женщин разделим на четыре класса' (16, с. 36).

Если считать главный компонент рассматриваемых сочетаний по Е.И. Коведяевой лексическим способом выражения групповой множественности, надо признать, что сочетания типа *ӱдыр тӱшка* 'группа девушек' реализует значение «девушка и те, кто вместе с ней». Именно такое значение предполагает групповая множественность. В.М. Васильев, выделяя в марийском языке особую форму групповой множественности, дал ей следующее определение: «Для выражения названия группы лиц одного семейства, дома или даже группы, образованной из совершенно чужих друг другу лиц, но находящихся на общей работе, за общим столом, в общем движении и вообще в каких-либо одинаковых обстоятельствах, употребляется имя одного из этих лиц» (21, с. 187). В.М. Васильев говорит о формах с аффиксом *-мыт, -влак, -шамыч* (21, с. 188). Н.Т. Пенгитов отмечает, что «в марийском языке есть ещё особая форма групповой множественности, которая образуется путём прибавления суффикса *-мыт* и указывает на множество неоднородных лиц, так или иначе относящихся к одному лицу, составляющих вместе с ним одну группу (22, с. 54 - 55; 12, с. 43 - 44).

При передаче групповой множественности подчёркивается неоднородность предметов и лиц, наименование даётся лишь по одному лицу, вероятно, самому близкому и знакомому говорящему или пишущему. Сочетания «существительное + существительное-нумератив» передают, как нам представляется, множество однородных предметов и лиц, наименование идёт по сходству одного общего признака, свойственного каждому предмету.

«Количественная определённость в объективной действительности предстаёт, с одной стороны, как дискретное, прерывное количество, а с другой стороны - как недискретное, непрерывное количество» (10, с. 227). В соответствии с этим в языке собирательность предстаёт как недискретное количество, грамматическая категория же числа обозначает дискретное количество. Весьма интересно то, что Е.И. Коведяева вслед за некоторыми грамматистами считает собирательную множественность разновидностью категории множественного числа (13, с. 137). Возможно, это допустимо, поскольку коллективная (групповая) множественность в марийском языке выражается с помощью суффиксов множественного числа.

Следует ли считать предложение Теве *Витямытым тӱшкашт* эре кугемеш, мурышыжат шукем толеш 'Вот группа Вити и его друзей постоянно растёт, и количество поющих прибавляется' (23, с. 124) ненормированным, поскольку в данном примере, если придерживаться мнения Е.И. Коведяевой, коллективная (групповая) множественность выражена морфологически суффиксом *-мыт* и лексическим способом при помощи слова *тӱшка* 'группа'. В нём на множество предметов также указывает суффикс *-шт*, обозначающий многих обладателей. Если изменить сочетание в *Витян тӱшкаже* 'группа Вити' и сравнить с сочетанием *ӱдыр тӱшка* 'группа девушек', существует различие в их значении, казалось бы одинаковых сочетаний, первое сочетание реализует значение притяжательности, поскольку опущено даже название предмета, и закономерно возникает вопрос «группа каких предметов», второе же реализует значение множественности. Устранение одного из способов передачи коллективной (групповой) множественности (по Е.И. Коведяевой) влечёт за собой изменение значения, чего не должно было бы произойти. Множественность у слов типа *тӱшка* выражается в семантике слова, но предмет, на множество которого оно указывает, назван зависимой частью сочетания. О семантической неделимости подобных сочетаний было уже отмечено (6, с. 114 - 115). Выражение предмета и его множественности подобным образом позволяет отнести рассматриваемые сочетания к лексико-синтаксическому способу выражения «предметоколичества».

Если сравнить рассмотренное выше сочетание с сочетаниями типа *ӱдыр-влак тӱшка* 'группа девушек', при устранении суффикса множественного числа значение, передаваемое сочетанием, не меняется. Понятия собирательность и групповая множественность очень близки. З.В. Панфилов отмечает «близость к собирательному типу множества репрезентативного, заместительного типа множества, где форма множественного числа указывает на то, что данное лицо находится в группе других лиц, эта группа получает определённую характеристику по данному лицу, это последнее как бы представляет и объединяет их» (10, с. 329). В марийском языкознании понятия собирательность и коллективная (групповая) множественность различаются (12, с. 38 - 39, с. 43 - 44). Форма *Витямыт* 'Витя и его друзья' и сочетание типа *ӱдыр тӱшка* 'группа девушек' реализуют разные значения. В обоих несомненна множественность, но разная. Если суффиксом *-мыт* передаётся множество неоднородных предметов, то сочетаниями, построенными по модели «существительное + существительное-нумератив», передаётся значение множественности предметов, объединяемых по сходству одного общего признака, как единого целого. Сочетания последнего типа по своему значению больше похожи на собирательные существительные типа *куэр* 'березняк', поэтому, на наш взгляд, было бы правильнее отнести главный компонент рассматриваемых количественных сочетании к

собирательным существительным. Особенности употребления количественных сочетаний с собирательным значением объяснимы двойственной природой главного компонента сочетания, которое указывает на множественность предмета, названного зависимой частью сочетания, как единого целого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. *Чеснокова Л.Д.* Категория количества и синтаксические структуры // ВЯ. М., 1981. № 2.
3. *Биренбаум Я.Г., Тураева З.Я.* Некоторые особенности категории количества // ВЯ. М., 1985. №4.
4. *Игнаева Р.П.* Способы выражения категории количества именами числительными в марийском языке // ФУ. Йошкар-Ола, 1996. № 2.
5. *Цыганкин Д.В.* Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск, 1971.
6. *Валитов Г.Н.* Количественные словосочетания в функции подлежащего в марийском языке // СФУ. М., 1978. № 2.
7. *Артамонов Ю.* Перкан кинде. Йошкар-Ола, 1984.
8. *Александров А.* Умыр кыл. Йошкар-Ола, 1989.
9. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
10. *Панфилов З.В.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
11. *Реформатский А.А.* Число и грамматика // Вопросы грамматики. Сб. ст. к 75-летию академика И.И. Мещанинова. М., 1961.
12. *Пенгитов Н.Т.* Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.
13. *Ковеляева Е.И.* Выражение коллективной (групповой) множественности в марийском языке // Сущность, развитие и функционирование языка. М., 1987.
14. *Абукаев В.* Нигунам от портылто. Йошкар-Ола, 1989.
15. *Васин К.* Ушнымаш. Йошкар-Ола, 1958.
16. *Осмин Й.* Кава ден мланде коклаште. Йошкар-Ола, 1996.
17. *Коршунов К.* Шочмо мланде. Йошкар-Ола, 1979.
18. *Лекайн Н.* Кугу сарын тулыштыжо. Йошкар-Ола, 1986.
19. *Косоротов В.* Тура кугорно. Йошкар-Ола, 1990.
20. *Шкетан М.* Эренер. Йошкар-Ола, 1991.
21. *Васильев В.М.* Марийский язык (Основы научной грамматики марийского языка). Йошкар-Ола, 1951.
22. *Пенгитов Н.Т.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Йошкар-Ола, 1958.
23. *Гордеев Г.* Омса вес велне. Йошкар-Ола, 1990.

Valentina Gavrilova

ABOUT ONE OF THE MEANS OF EXPRESSING OBJECTS' PLURALITY IN MARI

The subject matter of the given article is devoted to one of the lexico – syntactical means of expressing objects' plurality in Mari, the so – called quantity word – combinations, the main component of which includes the meaning of objectness and quantitativeness. Such combinations resemble collective nouns of kuer "birch wood" type by their meaning, that's why the author believes that it would be more correct to attribute the main component of the quantitative combinations under consideration to collective nouns.

The peculiarities of usage of quantitative combinations are explained by the double nature of the main component of a combination, which points to the plurality of the object, named the dependable part of a combination as a unit.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Элина Лебедева
Йошкар-Ола

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МАРИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

Исследование пословиц и поговорок марийского языка в лингвистическом аспекте показывает, что пословицы и поговорки являются составной частью фразеологического состава марийского языка, так как они соответствуют основным критериям фразеологичности: воспроизводимости, устойчивости, семантической целостности, экспрессивности, эмоциональности, сверхсловности, раздельнооформленности. Однако необходимо выделить эти народные изречения в особую группу фразеологического фонда языка на основании их следующих структурно-семантических особенностей: 1) пословицы и поговорки имеют структуру предложения, обладают смысловой и интонационной законченностью, предикативностью; 2) их семантическая целостность основана на выражении суждения, закономерной истины или своеобразной оценки-характеристики; 3) пословицам и поговоркам свойственна обобщенность значения. Пословицы и поговорки марийского языка представляют собой коммуникативные фразеологические единицы со структурой предложения, и поэтому их основное разграничение должно проводиться в семантическом плане. Пословицы и поговорки различаются следующими чертами: 1) пословицы характеризуются дидактичностью, поговорки же не содержат морали; 2) пословицы выражают обобщающую жизненную закономерность, поговорки же являются результатом простого наблюдения или сравнения; 3) пословицы имеют структуру повествовательного или побудительного предложения, а поговорки - повествовательного, восклицательного или вопросительного предложения. Разграничивая пословицы и поговорки, следует учитывать, что они обладают рядом общих черт: 1) они представляют собой лаконичные изречения народного происхождения; 2) имеют структуру предложения; 3) соответствуют основным признакам фразеологических единиц. Наличие этих общих

черт и позволяет относить их к единому паремиологическому классу. Выявленные общие и отличительные черты марийских пословиц и поговорок позволяют сформулировать их определение в лингвистическом плане.

Пословица - это коммуникативный фразеологический оборот, содержащий в себе суждение или жизненную закономерность на основе обобщающих наблюдений, обладающий поучительным, назидательным характером, по форме представляющий собой повествовательное или побудительное предложение.

Поговорка - это коммуникативный фразеологический оборот, содержащий образную оценку, характеристику события или человека, лишенный широкого обобщения и поучительности, по форме представляющий собой повествовательное, восклицательное или вопросительное предложение.

Язык марийских пословиц и поговорок представляет собой особый стиль фольклорного языка, который имеет свои грамматические особенности. Одной из характерных особенностей является избирательное отношение имен существительных к морфологическим категориям числа и притяжательности, глаголов - к категориям лица, числа, времени и наклонения. Употребительность морфологических форм, выполняющих определенную синтаксическую функцию, вытекает из их способностей выражать значение обобщенности.

Распространенность в функции подлежащего имен существительных в форме именительного падежа единственного числа с лично-притяжательными суффиксами третьего лица обусловлена: 1) широкими возможностями имен существительных наиболее полно выражать понятие предметности, лежащее в основе грамматического субъекта; 2) способностью данной формы притяжательности выражать значение обобщенности при ослаблении значения принадлежности; 3) свойством формы единственного числа к обобщению множества и выражению его как единое целое. Преобладание в функции сказуемого глагола в форме третьего лица единственного числа настояще-будущего времени изъявительного наклонения или реже в форме второго лица единственного числа повелительного наклонения объясняется: 1) возможностями спрягаемых форм глагола наиболее полно выражать общее понятие действия, лежащее в основе грамматического предиката; 2) свойствами форм второго и третьего лица единственного числа выражать обобщенно-личное значение; 3) способностью настояще-будущего времени изъявительного наклонения указывать на обобщающий характер действий; 4) соответствием формы повелительного наклонения к выражению назидания, поучения, совета, предостережения, запрета или побуждения к действию.

Обобщающему характеру пословиц и поговорок марийского языка соответствуют и типы синтаксических конструкций. Марийские пословицы и

поговорки имеют структуру простых и сложных предложений. Пословицы и поговорки, соотносимые со структурой простого предложения, представлены двусоставными и односоставными предложениями. Самыми распространенными являются пословицы и поговорки со структурой двусоставного предложения, построенные по структурным схемам N1 - Vf (neg) и N1 - N1 (neg). Широко употребительны пословицы и поговорки со структурой односоставного предложения, построенные по структурным схемам обобщенно-личного предложения Vf 2s Imper (neg), Vf 2s (neg), Vf 3pl (neg). Марийские народные изречения характеризуются краткостью и четкостью в выражении основной мысли, и поэтому преобладают трехчленные и четырехчленные синтаксические конструкции.

Характерной чертой языка марийских пословиц и поговорок является наличие особых, наиболее часто используемых синтаксических конструкций. Среди пословиц и поговорок со структурой двусоставного предложения таковыми являются синтаксические конструкции ПДС, ОпПС, ОпПОбС, со структурой односоставного предложения - ОбДС, ДОбС, ОпПС. Наличие особых характерных синтаксических конструкций позволяет определить своеобразие порядка слов в языке пословиц и поговорок. В пословичных и поговорочных предложениях марийского языка отмечается тенденция подлежащего к препозиции по отношению к сказуемому, а сказуемого - к абсолютному концу предложения, за исключением тех редких случаев, когда оно несет на себе логическое ударение. Следовательно, в пословичных и поговорочных предложениях на начальной позиции находится логически выделяемый член предложения. Поскольку пословицы и поговорки являются составной частью литературного языка, то этот вывод можно отнести вообще к порядку слов в марийском предложении.

Среди пословиц и поговорок, организованных по структуре сложного предложения, распространены структурно-семантические типы бессоюзного сложного предложения со значением противопоставления и сопоставления, а также сложноподчиненного предложения с придаточными условными, хотя используются все типы сложных предложений. Избирательное отношение народных изречений к структурно-семантическим типам сложного предложения объясняется их жанровыми структурными особенностями.

Пословицы и поговорки марийского языка со структурой сложного предложения представляют собой конструкции из двух частей, эквивалентных двусоставному или односоставному, а чаще всего обобщенно-личному предложению. Как правило, части сложного предложения состоят из двух или трех компонентов, организованных по одной и той же структурной схеме. Характерными чертами пословиц и поговорок со структурой сложного предложения являются лексико-грамматический параллелизм построения частей и использование неполных и эллиптических построений в

качестве составных частей.

Различные лексико-грамматические средства: антонимы, контрастная лексика, слова одной тематической группы, повторы слов, синонимы, отрицательная и утвердительная формы глаголов - служат выражению значений между частями сложного предложения, а также используются для усиления эмоциональности, оценочности и экспрессивности пословиц и поговорок.

Таким образом, марийские пословицы и поговорки представляют собой коммуникативные фразеологические единицы, имеющие структуру предложения и характеризующиеся обобщенностью значения. Основной отличительной чертой марийских пословиц и поговорок является предельная краткость и четкость, что достигается экономным употреблением морфологических форм и использованием особых синтаксических конструкций.

Условные обозначения и сокращения

П	-	подлежащее
С	-	сказуемое
Д	-	дополнение
Об	-	обстоятельство
Оп	-	определение
N1	-	именное слово (имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение) в именительном падеже или сочетание форм, его заменяющее
Vf	-	личная форма глагола
neg	-	отрицательная форма
Imper	-	повелительное наклонение
2s	-	форма 2 лица единственного числа
3p1	-	форма 3 лица множественного числа

Elina Lebedeva

GRAMMATICAL PECULIARITIES OF MARI PROVERBS AND SAYINGS

Mari proverbs and sayings represent communicative phraseological units with a sentence structure, that's why their subdivision should be made from the semantic point of view. Revealed common and distinguished features of Mari proverbs and sayings allow forming their linguistical definition. The types of syntactical constructions correspond to the common character of Mari proverbs and sayings. Mari proverbs and sayings are of simple and complex sentence structure. Proverbs and sayings of simple sentence structure are represented by two – component and one – component sentences. Mari folk sayings are characterized by conciseness and preciseness of the expression of the main idea and due to that three - component and four – syntactical constructions prevail.

Typical features of proverbs and sayings with complex sentence structure are lexicon–grammatical parallelism of word order and usage of incomplete and elliptical structures as constituent parts.

Thus, Mari proverbs and sayings represent communicative phrase logical units with sentence structure and characterized by generalization of meaning.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Иван Плосков
Сыктывкар

О НЕКОТОРЫХ АРХАИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ КОМИ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Персонаж коми волшебных сказок ёма, по мнению исследователей, «сродни мордовской Виряве и коми-пермяцкому Вӧрмурту» близки к русской Бабе-Яге (1, с.90). Сказковед Ф.В. Плесовский, изучавший различные образы волшебных сказок, выделял, в частности, "характерные ситуации, в которых выступает Ёма" (1, с. 89 - 90). Ёма, к примеру, определяется как "владетельница инструментов для прядения, ткачества и шитья"; например, в одной из коми сказок "мачеха посылает свою падчерицу к Еме за бердом для тканья сукна... или за вязальной иглой. При этом мачеха уверена, что Ёма погубит нелюбимую ею падчерицу. Такая опасность действительно возникает: сразу после прихода девушки Ёма заходит в голбец, чтобы наточить зубы. Падчерица похищает нужную вещь и убегает..." (1, с. 89).

В коми сказках известен эпизод, соответственно которому героине (девушке) надо наступить на иглу, прежде чем она войдет в избушку ёмы. В других случаях - надо преодолеть пустырь, утыканный иголками, наряду с преодолением прочих препятствий (2, л. 287 - 290).

Соответственно коми волшебной сказке, девушка, укрывая (спасая) героя от хозяина - "чудовищного" персонажа Нагая, превращает гостя в иголку; "иглу" она воткнула за печью, и т. д. В коми сказке упоминается и "сонная игла", воткнутая герою за ухо (3, л. 70 - 72).

Есть также очень редкая характеристика ёмы-бабы (в данном случае - дарительницы волшебных предметов - зеркальца, гребня и пр.) "восьлалӧ дзик ем вомлӧсӧн" (т.е. шаг ее так короток - ступает не больше, чем поперек иголки); также имеется коми выражение - "ем вомлӧс восьлавны" - "идти черепашьим ходом"; букв. в шаг длиной с иглу (4, с. 52).

Интересно соотнести эпизоды русских волшебных сказок, в которых упоминаются атрибуты шитья. В русской сказке старушка, в частности, да-

рит героине "золотое пялечко да иголочку: ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет"; в данном случае, как отмечается, "при помощи этих диковинок добывается искомое" (5, с. 221 - 222).

В данном контексте представляет также интерес следующий "мифологический" русский (вятский) материал: лешему нельзя "ступать на иглу" (6, с. 51 - 52). Упоминаемые "сонные" иголки также известны в различных традициях. К примеру, исследователями отмечается такой пример в карельском материале - Сюоятар надевает иглы девушке на уши (7, с. 129 - 131). В карельских сказках упоминаются "сонные иголки", втыкаемые герою сказки в уши (8, с. 236).

Соответствующие сказочные элементы в коми сказках (иголки для шитья; иголки как препятствие; превращения героя в иглу и др.), как известно, имеют различное и сложное происхождение. Некоторые из них исследователями связывались с архаическим обрядом посвящения или со следами подобных представлений. В частности, в карельском материале известна способность древнего персонажа Сюоятар "напустить" слепоту и глухоту на героев (7, с. 128). Соответствующие функции – также и в основе эпизодов коми сказок, связанных с иглой. Упоминаемые женские принадлежности шитья, прядения и ткачества - атрибуты древнейших женских мифологических персонажей, нашедших отображение в коми сказочном образе ёмы (1, с. 90 – 91). При этом «мифические пряхи" известны в различных традициях (9, с. 332 - 335). Мотивы прядения и ткачества связаны и с другими персонажами коми фольклора (3, л. 90 – 92).

По различным коми сказочным версиям, персонаж ёма имеет сложную обрисовку. В коми сказке ёма (ёма-энь), живущая "за девятью землями", "за девятью водами", в избушке, "прядет, хорошим гребнем приглаживает, мотает (пряжу) ..."; [имеется также коми ткацкий термин - ёма-баба (1, с. 92; 10, с. 80, 109 - 112; II, с. 11)].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Плесовский Ф.В.* Сказки. Предания // История коми литературы. Фольклор. Сыктывкар, 1979. Т.I.

2. Архив Коми научного центра УрО РАН, ф. 1, оп. 11, д. 93.

3. Архив Коми научного центра УрО РАН, ф.1, оп.11, д. 94.

4. *Плесовский Ф.В.* Коми кывтэчасъяс (Коми фразеологизмы). Сыктывкар, 1986.

5. *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л., 1984.

6. Великорусские сказки Вятской губернии / Сост. Д.К. Зеленин // Записки Русского географического общества. Петроград, 1915. Т. 42.

7. *Сенькина Т.И.* К вопросу с взаимодействии русской, карельской и финской сказочных традиций. (Сюжет "Подмененная невеста») // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1983.

8. Карельское народное поэтическое творчество / Подг. В.Я. Евсеев. Л., 1981.

9. *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869, Т.3.

10. *Fokos D.* Zurjén népköltészeti mutatványok. Budapest, 1913.

11. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. *Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева.* Сыктывкар, 1961.

Ivan Ploskov

ABOUT SOME ARCHAIC ELEMENTS OF KOMI FAIRY TALE

The report is devoted to some examples of interrelation of tale narration and non - tale prose as well as superstitious mystery ideas.

"Финно-угроведение". 1999. № 4.

Софья Онина
Ханты-Мансийск

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО ОБСКО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Произведения народного декоративно-прикладного искусства неотделимы от всей материальной культуры прошлых и нынешних дней, местных этнических и национальных особенностей. Их истоки уходят в глубокую древность.

Яркое, самобытное прикладное искусство коренных народов Югры - преимущественно охотников и рыболовов - было тесно связано с хозяйственной жизнью, бытовым укладом и традиционным мировоззрением. Художественная обработка дерева, меха, крапивного волокна отражает также богатый духовный мир ханты и манси, тесную связь с окружающей природой.

Народное творчество донесло до наших дней емкие, своеобразные элементы древней языческой культуры. В отдельных чертах в нем прослеживаются верования, особенности труда и быта, восходящие к неолиту и бронзовому веку. Зачастую произведения народных мастеров связаны с обычаем, сохраняющимся и тогда, когда утрачивается память о культовой природе или мифологической обусловленности этого обычая.

Исследователи разных времен (Г.Ф. Миллер, А.Х. Лерберг, А.А. Дунин-Горкавич, С.И. Руденко, И.Н. Шухов и др.) отмечали, что ремесла у коренных жителей достаточно развиты, их разнообразные особенности представляют широкое поле для изучения и применения в современном декоративно-прикладном искусстве.

Наиболее общим элементом в народном творчестве служит родившийся в древности орнамент, который помогает достичь органического единства композиции. Он глубоко связан с естественной красотой материала, техникой исполнения и индивидуальным для каждого мастера чувством предмета, его пластической формой.

Первые публикации мотивов обско-угорского орнамента находим в альбоме В.В. Стасова 1872 г. и у венгерского ученого А. Регули 1879 г. Это были цветные образцы хантыйских вышитых узоров, где развитие получили изображения птиц, деревьев и геометрические мотивы.

В 1903 г. выходит работа финского этнографа У. Сирелиуса, посвященная ремеслам обских угров, а в 1908 г. - статья венгерского исследователя В. Шемайера об изделиях из бересты у хантов. Крупным вкладом в изучение обских угров являются работы А.А. Дунина-Горкавича "Тобольский север" (1911); подготовленное группой авторов издание "Изделия остяков Тобольской губернии" (1911), публикация Венгерского национального музея (1921), посвященная хантыйским вышивкам, работы крупного специалиста по этнографии обских угров В.Н. Чернецова и др. Обобщил имеющийся материал С.В. Иванов в фундаментальной работе "Орнамент народов Сибири как исторический источник" (1963).

Изучение обско-угорского орнамента продолжается в настоящее время. В 1979 г. вышел "Альбом хантыйских орнаментов" доктора исторических наук Н.В. Лукиной, в 1992 г. также подготовлен под ее редакцией сборник статей "Орнамент народов Западной Сибири". И.Д. Шабалина и П.Е. Шешкин издали "Мансийские орнаменты" в Санкт-Петербурге (1993). Исследованием орнамента занимаются кандидат исторических наук А.М. Сязи, доктор исторических наук О.Н. Рындина, кандидат исторических наук Т.А. Молданова, искусствовед художественного фонда Н.Н. Федорова, ряд статей имеется у кандидата филологических наук Е.И. Ромбандеевой.

Одним из древнейших видов декоративно-прикладного искусства является вышивка. Возникновение ее восходит к давним временам и связано с появлением стежка, шва на одеждах из шкур животных. Вышивка совершенствовалась по мере перехода от каменного шила к костяной, затем бронзовой и позднее стальной игле. На нее также влияние оказывали прядение, ткачество, красильное дело и другие ремесла.

Вышивка - это нанесение узоров или изображения льняными, хлопчатобумажными, шерстяными, шелковыми, металлическими нитями, волосами, бисером, монетами и другими средствами на различных тканях, коже, войлоке.

Разновидностью вышивки нитками является бисерное шитье по тканям и коже. Свадебные головные уборы, налобные повязки, накосники, детали одежды, воротник, края разреза, часть плеча, обшлага - все это декорировалось цветным бисером. Наибольшую популярность изделия из бисера получают в традиционной среде хантыйской и мансийской молодежи.

Бисер не является традиционным материалом для обских угров. Еще в период существования на Волге Булгарского государства в Югру он в большом количестве поступал в обмен на меха, рыбу, кедровые орехи (известно, что булгары ввозили многие товары, в том числе бисер из Ирана и

Малой Азии, а также англичане бисер доставляли в Обскую губу, обменивая его на пушнину у русских купцов, а те перепродавали его местным жителям). В XIX-XX вв. значительные запасы бисера были в Тобольске.

Бисер широко применялся при изготовлении полосок для суконной зимней одежды «сака», для низания нагрудников, поясов. Нашивается он на «ниры» - женскую башмаковидную обувь. Популярны современные изделия: кошельки, браслеты для часов, различные кулоны. В качестве оберега грудным детям надевали на кисти рук ниточки цветного бисера. Узор, выполненный бисером, встречается на рукавах и подоле, полях летнего костюма. Использовали зеленый, красный, оранжевый, голубой цвета. Изделия из бисера пользуются большим успехом на выставках декоративно-прикладного искусства.

Зимний костюм украшался мозаичным орнаментом из меха и сукон разных цветов. Сразу сшить малицу, ягушку или другую верхнюю одежду мог не всякий, поэтому некоторые накапливали материал в течение нескольких сезонов. Орнаментированные полосы из меха всегда изготовлялись заранее и, свернутые в трубочки, хранились иногда несколько лет.

Широко распространены меховые мешки и сумочки с богатым орнаментом, часто украшенные подвесками. Центральный узор на сумочках выполнялся в технике меховой двухцветной мозаики. Подобным образом украшались жертвенные покрывала.

В ходу на Югорской земле были также изделия из бересты - ковши, ведра, короба для сухих продуктов и хранения предметов рукоделия. Они по форме были круглыми и прямоугольными. Также делались набирки для ягод, кузовки, четырехугольные миски-чуманы и большие заплечные кузова, которые украшались разнообразным орнаментом. Орнамент наносился выскабливанием, накладной аппликацией по цветному или закопченному фону при помощи ажурной резьбы, под которую накладываются яркие ткани, а также путем тиснения и штамповки.

Некоторые виды домашней посуды ханты и манси делали из дерева, используя для этого разные породы: березу, кедр, лиственницу, осину. Деревянными были долбленые корытца для рыбы и мяса, ложки-черпалки, из березы делали и нарты, оленьи шесты, лопатки для выбивания пыли, детские игрушки, музыкальные инструменты, весла, лодки-долбленки и большие лодки "кайки".

Широко было распространено у обских угров и плетение сосудов из корней кедра. Такие круглые сосуды, с выпуклыми стенками и крышками и с ремешками, были водонепроницаемыми, в них грели воду. Для плетения кедровый корень раскладывали и расщепляли на длинные ленты. Такие ленть как из кедрового корня, так и из черемуховой древесины употреблялись для других хозяйственных нужд, в частности для плетения ремней.

Своеобразным видом прикладного искусства является плетение из прутьев, травы, камыша различного рода циновок.

Художественная резьба по кости была наиболее развита у восточных и северных угров. Они использовали рог оленя и лося, редко мамонтовую кость, которую находили в земле или выменивали. Из кости вырезали крепилки для сухожильных нитей, которые разнообразно орнаментировали точками, кружками, линией сомкнутых треугольников.

Прежде у ханты и манси было довольно широко распространено кузнечное и литейное дело. Хорошо сохранились в музейных коллекциях деревянные и каменные формы для литья. Украшения делали женщины и мужчины. При отливке форму накрывали берестой, прижимали кусочком дерева и вливали расплавленный металл, направляя его в желобок формы. Наиболее типичными являются выполненные способом литья украшения в виде ромбов, квадратов, четырех полукружков, между которыми оставлены металлические перегородки, служащие для пришивания к одежде. Из металлических форм выковывали ножи, различные промысловые и культовые предметы.

В настоящее время урбанизация, связанная с динамичным промышленным освоением края, агрессивное вторжение в жизнь современных сибиряков массовой культуры привели к ситуации, когда возникла угроза традиционным видам народных промыслов, имеющим многовековую историю (резьба по кости, изготовление изделий из меха, кожи и другие).

Поэтому в декабре 1994 г. при управлении культуры Администрации Ханты-Мансийска был создан Окружной центр прикладного творчества и ремесел, призванный осуществить государственную политику по возрождению, сохранению и развитию народных ремесел, художественных промыслов и всех видов прикладного творчества.

Одна из задач центра - развитие связей с подобными центрами России и зарубежья, в особенности с народами финно-угорской группы.

В Ханты-Мансийском автономном округе создано более 20 творческих объединений, работающих по различным направлениям прикладного творчества. В создаваемом информационном банке центра насчитывается более трехсот имен мастеров.

Sofia Onina

APPLIED DECORATIVE ART OF OB – UGRIC PEOPLE

Believes and peculiarities of work and way of life going back to Neolith and Bronze Age are traced in some separate features of applied decorative art of Ob–Ugric peoples.

Very often ornamentations were made of beads. Goods from beads gained more popularity among traditional Khanty and Mansi youth. Earlier blacksmith's work and foundry were widely spread among Khanty and Mansi. Wood and stone forms for founding are well preserved in museum collections. Decorations were made by women and men.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Владимир Соловьев
Сыктывкар

СТАДИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРУГОВОЙ ПОРУКИ КОМИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО ОБЩИННОГО АТРИБУТА

Круговая порука - структурозависимый, но универсальный атрибут общинных образований самого различного уровня. На первый взгляд исследователя крестьянства порука может показаться явлением внестадиальным, другими словами - присущим крестьянским общинам на всех этапах исторического процесса. И на самом деле, возникнув на стадии первобытной древности, данное явление как, впрочем, и сами формы и типы хозяйственных сообществ - общин, круговая порука и сами социумы непрерывно эволюционировали, приобретая на каждом новом рубеже прогресса новые, до того не присущие им признаки и формы проявления. Основная же функция данного механизма, "цементирующего" общинное единство, обеспечивающего его прочность, стабильность и гарантии чреспоколенного воспроизводства структуры общины в докапиталистические формации оставалась универсально неотъемлемой, пронизывая буквально все стороны общехозяйственной жизни.

Цель настоящей статьи: проследить на основе имеющегося у автора круга источников и историко-этнографической литературы основные черты и признаки круговой поруки у коми на последовательных ступенях исторического прогресса.

Наиболее ранние намеки на бытование круговой поруки на заре первобытнообщинного строя своими истоками восходят к моменту зарождения материнскородовой общины. В одной древней мифологической легенде коми, иррационально истолковывающей извечную борьбу Космоса с мировым - вселенским злом или хаосом -Омоль и появление этнического представления о скверне-нечистоте (коми - "пеж"), женский пол, стремясь добиться элементарных основ общественного правопорядка, равномерно распределил царящее в мироздании Зло («пеж») между всеми взрослыми

женщинами. Этим актом коми согласно преданию и объясняют периодическую "нечистоту" женщин в момент месячных очищений (1).

Более позднее предание с указанием на проявление круговой поруки приводится в другом предании – «Маджаса кӧдзыд рок сейысьяс» (Холодную кашу едящие маджинцы). Сюжет его сводится к тому, что группа мужчин из с. Маджа (Средняя Вычегда), расправившись (утопив в озере) с местным великаном-вредителем, обязала всех селян-общинников к поеданию в последующие дни ритуальной каши из общего котла Айки, символизирующего моральную солидарность общинников и равную раскладку вины за совершенное убийство на всех членов общины (2, с.46). С позднепатриархальной общиной в этом предании связано присутствие общего котла (культ семейно-бытового очага), - сама же фабула повествования сосредоточена на борьбе-антагонизме индивидуального и коллективного начал и сплоченности всех членов общины, т.е. "дуализме и корпоративной замкнутости" - основных признаках общины феодальной эпохи, на что принципиальное внимание обращал К. Маркс. Действительно, сходный с описанным ритуал совместной трапезы общинников у коми крестьян, наблюдался и в гораздо позднее время - вплоть до XIX - начала XX вв. Сопровождался он жертвоприношением домашних животных (быков, реже - баранов) в храмовые ("часовенные") праздники и - почти повсеместно в Ильин день (Илля лун): мясо животного варилось в общем котле, затем большая часть его передавалась местному священнику, а остальная часть разделялась и поедалась равными долями в тот же день общинниками. Сходный характер носил и обычай общинного пивоварения и распития пива (так наз. - "Братчины") в первопрестольные дни (3). Примерно то же самое происходило и в женские праздники - "кануны", проводившиеся сразу же после ухода мужчин на зимнюю охоту.

Переломным периодом в истории Коми края явилась христианизация его населения в последней трети XIV в. Из "Жития Стефана Пермского" следует, что данный процесс сопровождался трансформацией родоплеменных объединений в качественно новые - "земляческие" сообщества, создавшие впоследствии так называемые "земли" - волости - высший тип общинного единства на этнолокальной (или диалектной) основе.

Поначалу пермяне (вымские и вычегодские) выступают против первокрестителя многотысячной толпой, как чужеродца и иноверца, посягнувшего на их святыни. Однако, будучи повержены чудом, совершенным равноапостольским миссионером ("всеобщее ослепление"), посрамившим и победившим языческие кумирницы и языческих иноверцев, они, приобщившись к Свету христианства, коллективно расчищают лес и сооружают валы в Усть-Выми - в центре учрежденной вскоре Великопермской епархии. Из "Жития..." Епифания Премудрого следует, что круговая порука ко времени обращения пермян-язычников в истинную веру предполагала

совместное отправление языческих обрядов на так называемых «капищах» и оборону от внешних сил посредством укрепленных сооружений – городищ ("чудских городков"),а также совместное сооружение - строительство "военных городков" и их необходимое снаряжение (4. с.38,39,42).

Спустя столетие Жалованные грамоты великого князя Ивана III от 1490 и 1495 гг. на основе проведенной Ивашкой Гавриловым переписи основных земель Перми Вычегодской четко разграничивают и перечисляют вычегодские, вымские, удорские, сысольские и ужговские (верхнесысольские) этнические группы пермян, сконсолидировавшиеся по общетерриториальному - "земляческому" признаку (5).

Спустя еще столетия - в эпоху царствования Ивана IV, вследствие изменения хозяйственного уклада пермских "земель" - волостей и принципов местного самоуправления на Севере России (Уставная грамота 1555 г.) была реструктуризирована вся система волостного самоуправления. Вместо новгородских волостелей, тиунов и доводчиков Иван IV ввел основную должность главы волостной общины - "сотника", которому впоследствии были приданы два помощника - земские целовальники: должности эти избирались однако на прежней - демократической основе всем населением ("по излюбу") со взаимным поручительством ("крестоцелованием") как избираемых лиц, так и избиравших их однообщинников - т.е. на принципах круговой поруки. Тот же принцип можно видеть и в подходе центральной власти при раскладке податей и повинностей в "Сотницах" 1585-86 гг. Так, в "Сотнице" на Ужгинскую землю в конце документа сообщается: «А по государеву указу велено на них положити оброку за соболи и за белку, и за городовое и засечное и за ямское дело, и за пашню, и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны, и за угодья и за всякие государевы подати з двора по полтине... А промеж себя ужгеничам во всяких государственных податех сщитатеся меж себя (т.е. по взаимной "мирской" договоренности - *В.С.*), смотря по своим животом и промыслом, как они промеж себя в розметы (т.е. в раскладку оброчных податей и повинностей - *В.С.*) преж сего сщитались. А класти им промеж себя в розметы на лутчих людей побольши, а на средних по середнему, а на молотчих людей не класти, чтобы от того молотчие люди не разошлися. А угодьями им владети по старому» (6, с.444).

Последующая - Дозорная книга 1608 г. по поводу общеволостных угодий добавляет: "владети теми озерами и курьями и ловлями всем за один" (7). В последней формулировке недостаточно видеть лишь только равное право пользования общеволостными фаунистическими ресурсами "земель" - волостей. Формулировка эта, как свидетельствует ряд документов последующего времени, опиралась на общепринятые обычно-правовые традиции естественного природопользования, природосберегающие способы эксплуатации и коллективные меры противодействия от внешних (внеобщинных) посягательств соседей, или иноплеменников.

Судя по переписям Яренского уезда 1646 и 1678 гг., при их производстве в каждом погосте, волости (волостке) или вымских третей вместе с московскими писцами Петром Александровичем Граевским и подъячим ездили "выборные люди" (вероятно, выбранные на общей мирской сходке - *В.С.*) (8).

Первые петровские переписи 1707 и 1710 гг. подтвердили общероссийский факт утайки душ и дворов, достигавшей по среднероссийскому показателю до 20 %. Подобное явление как форма пассивного всеобщинного протеста черносошного крестьянства коми против усиливавшегося из десятилетия в десятилетие феодального гнета государственного чиновничества было реально возможно при полной уверенности "выборных людей", как и сотских и целовальников начала XVII в. в абсолютной поддержке их как укрывателей со стороны однообщинников - т.е. в круговой поруке. В немалой степени этому же способствовала подавляющая безграмотность целовальников как первых лиц в погостах в начале XVIII в. Переписные "скаски" подписаны "по велению" (просьбе - *В.С.*) яренчанами - т.е. образованными посадскими жителями (8).

Петр I, введя в 1719 г. принципиально новую форму обложения - подушную, не случайно препоручил проведение переписи, обход дворов и составление "ревизских скасок" военным (офицерам), превентивно гарантируя исполнителям ревизий "отрубание головы" в случаях допущения утайки душ.

Уже с конца XVIII в. древний атрибут общинной круговой поруки в немалой степени "подпитывало" и преобразовало православное чувство соборного единения, в наиболее концентрированном виде проявляющееся в одной из общинных ипостасей - приходской общине при каждом причте в погостах. Отсюда произошло и понятие "приходская община". Переписи 1706 - 07 гг. и 1710 г. повсеместно сопровождаются примечаниями: "а церковь (или часовня - *В.С.*) поставлена свопча мирскими людми". Местное духовенство жило целиком на содержании (продуктовом и денежном) прихожан-общинников, которые в отдельных случаях артельно выполняли для церковнослужителей и некоторые работы земледельческого цикла.

Атрибут круговой поруки в руках православия как механизм, обеспечивавший внесение податей и обязательное выполнение государственных повинностей, стал максимально действенным в пору государственного феодализма - в первой половине XIX в., когда от былого самоуправления и демократизма общины осталась лишь формальная видимость. Периодические сельские сходы сохранили право выбора 3-х кандидатов на ту или иную должность сельского общества, но окончательное решение выносилось более высокими инстанциями - волостным правлением после санкции уездного чиновничества. Приговоры же сходов (не только о выборе

"кандидатов", а по всем их вопросам) принародно оглашались в церквях после окончания воскресной литургии (9).

Тем не менее, отношения общинников коми с духовенством не всегда были гладкими и бесконфликтными. Документально известно, что основанная в середине XVII в. Спасская Ульяновская пустынь - предтеча будущего Троицко-Ульяновского мужского монастыря - вскоре - в 1673 и 1675 гг. была ограблена, а в 1684 г. сожжена окрестными крестьянами смежных волостей. Произведенные сразу же тщательные дознания и "повальный обыск" ни в одном из трех случаев не нашли виновных, т. е. налицо было проявление круговой поруки общинников соседствующих волостей, усмотревших в факте захвата монахами участка в 15 дес. прецедент для дальнейшей экспансии "божьей братии" на их общинные промысловые территории (10, с. 45 – 52).

Тем не менее, уплата фискально-податных обязательств первоначально подворно, а с XVIII в. по числу ревизских душ (мужское трудоспособное население от 15 до 60 лет), производилась большей частью сельских обществ без промедления, несмотря на частые неурожаи и неблагополучия общинного хозяйства, из-за того, что хронические "недоимки" способны были ввергнуть все дворохозяйства общины в непреодолимые долги перед самодержавным государством и беспросветную нищету ее членов. Согласно наблюдениям А.В. Круглова, "сама личность возчика собранной казны у коми считалась персоной неприкосновенной на всем пути следования по территории Коми края, сопровождающего езду покрикиваниями "Казна нуа" ("Казну везу!") (11, с. 206).

Круговая порука коми общинников распространялась и на сферу хозяйственной жизнедеятельности, затрагивающей интересы двух или большинства составляющих общину дворохозяйства - расчистка луговых пространств, осушка болот, содержание дорог, разработка подсек ("Тыла" - коми), наконец, огораживание пастбищных участков. Отклонение от традиционного принципа трудового соучастия в подобного рода мероприятиях предусматривало адекватные, согласно обычному праву, формы взыскания с провинившейся стороны, своего рода - натурализованные штрафы. К примеру, в одном из судебных документов Яренской воеводской канцелярии 1741 года сообщается о существе конфликта между двумя дворами местной общины. В нем говорится, что "пожню онаго Щепетова они, Пархачевы ставили (т.е. скосили сено - *В.С.*) по приговору соцского с товарищи и мирских людей: а отдали они пожню ставить им для того, что помянутый Шепотов своего паю не городил круг мирской поскотины, а городили они – Пархачевы" (12, л. 23 об.).

Круговая порука могла принимать и более узкие формы своего проявления в форме взаимных "ручательств" общинников, практиковавшихся как гарантия выполнения долговых обязательств - при заеме денег. Приме-

ром может служить дело крестьянина Пожегодской волости Карманова. В 1727 году он не смог уплатить в срок занятых денег "за скудостью своею". Его поручитель - крестьянин той же общины также был "не в состоянии" погасить весь долг, оказавшись перед необходимостью заложить все недвижимое имущество. Лишь 4 года спустя (в 1731 г.) приговором мирских людей было решено "оной иск - 50 рублев заплатить оному поверенному (т.е. заимодавцу - *В.С.*), обще той волости мирскими людми" (13, л.34).

Круговая порука охватывала и рекреативную функцию общины - попечительство в форме поочередного содержания больных или нетрудоспособных ее членов, а также платы за лечение в больницах. Документ Яренской воеводской канцелярии за 1744 г. приводил случаи с нищим бобылем Белоголовым. Этот крестьянин, заболев, был устроен своими дочерьми вначале к соседу, а затем, пожив некоторое время у него, был переправлен к другому крестьянину той же волости (14, л.1 об.). Подобного рода случаи, надо полагать, находились в русле общиннородовых норм обычного права общинников коми. Более узкой формой рекреации как формы проявления круговой поруки, взаимовыручки общинников можно считать распространенной вплоть до недавнего времени обычай "Воздасьӧм" (букв. - давание наперед). Заключался он в том, что дворы, имевшие излишки каких-либо продуктов, отсылали их нуждавшимся семьям соседей или родственников, будучи уверены, что по преодолению нужды продукты будут возвращены в той или эквивалентной форме (15, л.5-6).

В рамках традиции круговой поруки и взаимоподдержки у коми крестьян общинников находились и "помочи" - коллективное возведение погорельцам или малосемейным с безвозмездным содействием односельчан (16). Для подобных ситуаций весьма характерны следующие поговорки, весьма распространенные в крестьянской среде. "Ӧтувъя вынӧн бы лекысь мынан" (Для коллектива любая беда нипочем). "Кымын унджык ки, сымын ӧдйӧ удж мунӧ" (Чем больше рук, тем быстрее работа идет), "Ӧтувъя уджыд енджыка содӧ" (Коллективная работа больше спорится), "Чукӧрӧн донтӧмджык" (Обществом дешевле) (17, с.110).

В заключение обзора стадиальной эволюции круговой поруки как исконного общинного атрибута автор обращает внимание на то, что данное явление универсального и повседневного общественного быта производительных сил (преимущественно - крестьянства) являлось не только структурозависимым, но структуроопределяющим свойством общин различных исторических формаций, обеспечивающим их жизнеспособность, стабильное функционирование, воспроизводство в основных формах своего бытования, доказавшее свою приспособляемость и гибкость в зависимости от внутригосударственной политики самодержавия, будучи прежде всего ориентированным на внутриобщинные нужды и общественный интерес.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Устное сообщение научного сотрудника ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН *О.П. Уляшова.*
2. Коми легенды и предания (Сост. *Ю.Г. Рочев*). Сыктывкар, 1984.
3. Полевые материалы автора из этнографических экспедиций 1984-89 гг.
4. Житие Стефана Пермского (пер. Г.И. Тираспольского). Сыктывкар, 1993.
5. Историко-филологический сб. Вып.4. Сыктывкар, 1958.
6. *Зимин А.А., Копанев А.П.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Северный археографический сборник. Вып. I. Вологда, 1970.
7. Акты времени правления Василия Шуйского (Сост. А.В. Гневушев). М., 1914.
8. РГАДА. Ф.350, оп.1, д.477, 478.
9. См. напр.: ЦГА РК, Ф.66, оп.1, д.445.
10. *Мельников С.Е.* Описание Спасской Ульяновской пустыни // ВЕВ. 1867. № 2.
11. *Круглов А.В.* Лесные люди // В дебрях Севера. Сыктывкар, 1983.
12. РГАДА. Ф.609, оп.1, д. 514.
13. РГАДА. Ф.609, оп.2, д. 3.
14. РГАДА. Ф.609, д. 51.
15. *Сидоров А.С.* Пережитки первобытнообщинного строя в быте и языке коми // НА КНЦ УрО РАН. Ф.1, оп.13, д.14.
16. Подр. см.: *Соловьев В.В.* Традиции межсемейной трудовой взаимопомощи у коми крестьянства в прошлом и настоящем // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР / Тр. Ин-та языка, литературы и истории. Вып.37. Сыктывкар, 1985.
17. *Плесовский Ф.В.* Коми пословицы и поговорки. Сыктывкар, 1973.

Vladimir Solovyov

STAGE CHARACTERISTICS OF "KRUGOVAYA PORUKA" OF THE KOMI AS BASIC COMMUNAL ATTRIBUTE

The evolution and examples of the basic attribute of the community of Komi peasantry – "krugovaya poruka" are shown in the article. Stage characteristics of this phenomenon in early phases of historical process and in the epoch of feudalism are considered.

"Финно-угроведение". 1999. № 4.

Вячеслав Абдулаев
Йошкар-Ола

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО АРХИВА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В 1999 году Научным центром финно-угроведения в рамках финансируемого Российским гуманитарным научным фондом проекта «Полнотекстовая база данных и информационно-поисковая система по археологии финно-угров Поволжья и Приуралья» (БД АРФУ) проводились работы по созданию технологии обслуживания основных компонентов базы данных. В данной работе принципы и методы, составляющие основу разрабатываемой технологии, сравниваются с рекомендациями разработчиков аналогичных систем.

1. Общие проблемы электронных архивов.

Разработка технологии создания и ведения электронного архива отчетов о полевых исследованиях в археологии финно-угров велась в соответствии с требованиями, предъявляемыми в теории информационных систем к библиотекам электронных документов (digital library). Эти требования являются в последнее время предметом активных научных исследований. Мощным стимулом для развития теории электронных библиотек послужило принятие правительством США программы создания национальной информационной инфраструктуры, в которой электронные библиотеки (ЭБ) играют роль ключевых приложений. Из 73 проектов ЭБ, предложенных университетами, для реализации программы были отобраны 6 проектов[1]:

University of Illinois at Urbana-Champaign (текстовые документы),
University of California at Berkeley (графические документы),
Carnegie Mellon University (видео и речь),
University of California at Santa Barbara (географические карты),
Stanford University (шлюзы и промежуточное ПО),
University of Michigan (шлюзы и промежуточное ПО).

каждый из которых финансируется в размере 1 миллион долларов в год.

Другим стимулом развития теории и практики ЭБ является быстро растущая глобальная сеть Интернет. Постоянно увеличивающиеся информационные ресурсы Интернет требуют быстрого совершенствования методов их обслуживания и использования.

Приведенный выше перечень проектов ЭБ свидетельствует, что хранилища, различающиеся по типу содержащихся в них электронных документов, требуют различных технологий создания и сопровождения. Вместе с тем имеются общие проблемы электронных библиотек, среди которых специалисты выделяют:

проблему соблюдения авторских прав - после перевода информации в цифровую форму трудно гарантировать соблюдение авторских прав.

проблему «целостности информации» - порождается созданием вторичных документов: рефератов, переводов, конспектов и других материалов, «размывающих» концепции оригиналов.

проблему сохранности опубликованных в ЭБ материалов – исследования показали, что средний срок жизни документа в сети Интернет не превышает двух лет.

проблему быстрого изменения технического и программного обеспечения – эти изменения вынуждают переустанавливать материалы ЭБ, что приводит к их временному или полному изъятию из оборота.

проблему отсутствия организационной инфраструктуры, обслуживающей ЭБ и подобной сложившейся организационной инфраструктуре обычных библиотек, – по мнению ряда авторов, это обстоятельство является чуть ли не самым серьезным препятствием для активного распространения ЭБ и вытеснения ими традиционных библиотек.

2. Проблемы электронных археологических архивов.

Для рассматриваемого в статье проекта особое значение имеют проблемы электронных архивов археологических материалов.

В работе [2] основное внимание уделяется анализу последствий процесса "демократизации" археологических знаний, вызванного практически неограниченными возможностями публикации археологических материалов в Интернет. Выражается опасение того, что выдерживаемый ранее академический уровень публикаций в печати может значительно снизиться. Вместе с тем, предполагается, что появятся механизмы косвенного рецензирования материалов, основанные на регистрации реферативных ссылок. Отмечаются положительные стороны "интернизации" археологических материалов. Созданный при участии автора сайт, отображающий оперативные данные о ходе раскопок, посетили более 2 тысяч человек, в то время как изданную книгу с результатами раскопок удалось пристроить лишь в небольшое число специализированных библиотек.

В работе [3] рассматривается роль метаданных археологических материалов. Обосновывается значение метаданных как основы для эффективной каталогизации материалов вне зависимости от места их создания и хранения. Как положительный пример приводится успешно эксплуатируемая в США система каталогизации MARC. С помощью этой системы в библиотеке Конгресса заполняются электронные карточки на все издания, поступающие в библиотеку (более 10 тыс. ежедневно). Затем эти карточки поступают в электронном виде во все библиотеки, что упрощает работу с комплектацией библиотечных фондов. Проблемы комплектации археологических материалов имеют много общего. Большое разнообразие видов материалов: артефакты, экофакты, зависимости между артефактами и экофактами, аэрофотосъемки, культурные нормы и ценности, цифровые фотографии, инфракрасные фотографии, любой другой вид фотографии, ГИС - базы данных, рисунки и планы, карты (цифровые и бумажные), контуры, стоянки, пейзажи, исторические тексты, распечатки спектрометра, книги (тома), цифровые тексты, электронные журналы, бумажная корреспонденция и т.д! Большой проблемой является то, что археологические материалы распределены по всему миру по многим тысячам мест хранения.

В качестве аналога системы MARC предлагается использовать систему каталогизации Dublin Core. Ее преимуществами являются простота в использовании и большая гибкость. Система имеет 15 полей метаданных, каждое из которых допускает неограниченное дублирование и расширение за счет использования оценочных квалификаторов СХЕМА и ТИП:

п/п	Наименование элемента	Описание элемента
1.	Название	Имя источника
2.	Автор или создатель	Личность, отвечающая за интеллектуальное наполнение источника
3	Предмет и ключевые слова	Тема исследования источника
4.	Описание	Аннотация источника
5	Издательство	Организация, отвечающая за издание источника
6	Другие участники	Другие участники, внесшие существенный вклад в источник
7.	Дата	Дата публикации
8	Тип источника	Отчет, реферат…
9	Формат	Формат распространения (HTML, DOC…)
10	Идентификатор	Уникальный код источника
11	Участие	Связи между источником и другими ресурсами
12.	Предысточник	Предшествующий источник
13.	Язык	Язык содержательной части
14	Эпоха	Временной диапазон
15.	Права доступа	Кому принадлежат права, кто распространяет, другие ограничения

Пример заполнения карточки Dublin Core:

п/п	Наименование элемента	Тип	Описание элемента
1.	Название	-	Отчет о полевых работах МарАЭ за 1958г.
2.	Автор или создатель	Начальник экспедиции	А.Х.Халиков
		Обработка изображений	
3.	Предмет и ключевые слова	-	Памятники эпохи неолита
		-	Железный век
		-	Удельно-Шумецкая I стоянка
		-	Балахнинская культура
4.	Описание	-	Перечисляются археологические отряды с их руководителями и объектами работ, цели и задачи экспедиции и место хранения коллекций. Прилагается карта обследованных памятников
5.	Издательство	-	МарНИИ
6.	Другие участники	Проект	МарНИИ
		Финансирование	Национальный музей
			МарНИИ
7.	Дата	-	1958
8.	Тип источника	-	Отчет
9.	Формат	-	Книга
10.	Идентификатор	-	
11.	Участие	Разделы 1-6,8	А.Х.Халиков
		Раздел 7	Т.А.Хлебникова
		Раздел 8	Г.Архипов
12.	Предысточник	-	
13.	Язык	-	Русский
14.	Эпоха	-	Эпоха бронзы
		-	3 четверть 2 тыс. до н. э. є
15.	Права доступа	-	Все права МарНИИ

Использование системы каталогизации Dublin Core обеспечит включение документов БД АРФУ в международные каталоги археологических документов.

3. Структура данных БД АРФУ.

Электронный архив БД АРФУ относится к смешанному типу ЭБ, так как он состоит из трех компонентов (рис. 1):

- размещенной на клиентской машине первичной коллекцией файлов форматов doc и jpg, содержащих полные тексты отчетов и рисунки к ним;
- размещенной на локальном WEB-сайте вторичной коллекции файлов форматов htm и jpg, содержащих аннотации, фрагменты текстов отчетов, рисунки и гиперссылки, позволяющие «собирать» отчеты из разрозненных файлов;
- размещенной на WEB-сайте сети Интернет публикации коллекции файлов локального WEB-сайта.

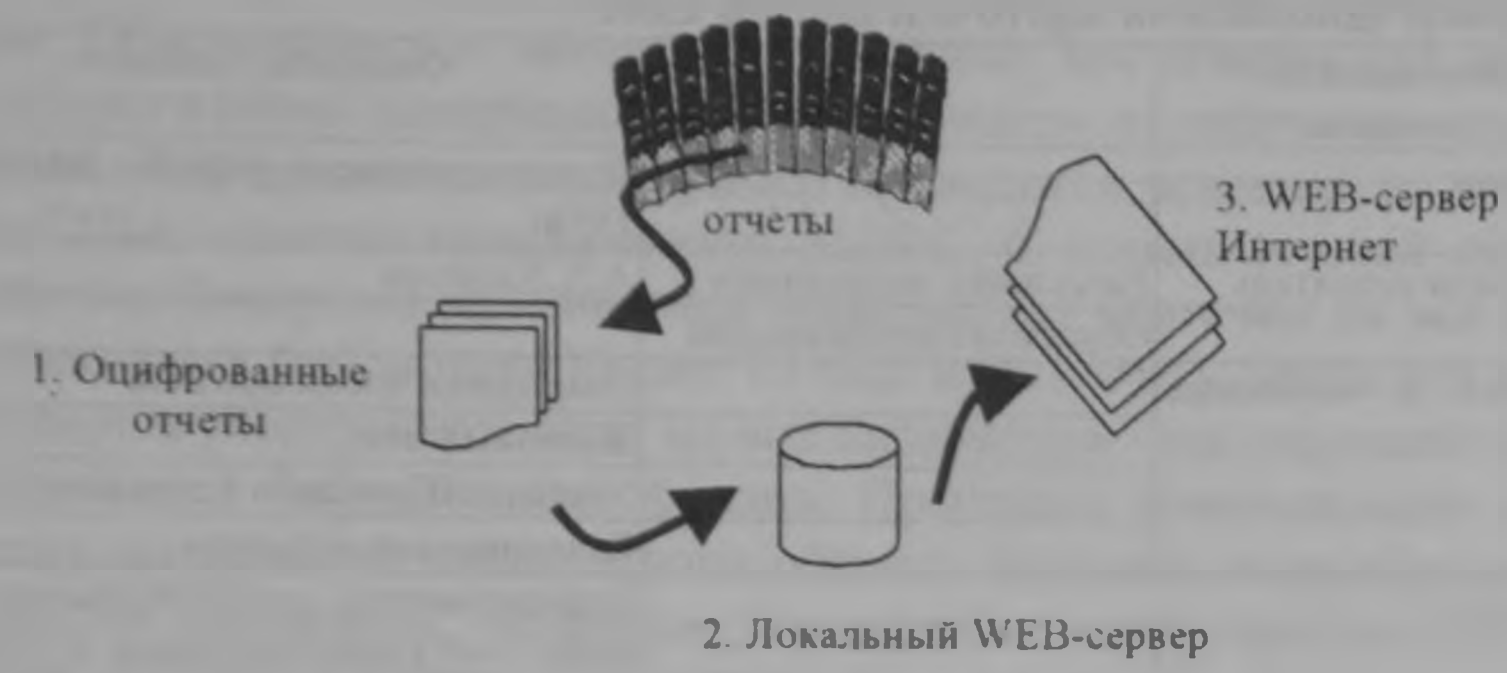

Рис. 1.

Полное представление отчета в БД АРФУ подразумевает его последовательное включение в указанные коллекции файлов и публикацию на WEB-сайте сети Интернет.

Структура данных БД АРФУ создана таким образом, чтобы в наибольшей степени избежать проблем, перечисленных в пункте 1. В самом деле, защита авторских прав обеспечивается на данном этапе тем, что документы в БД АРФУ являются только копиями уже опубликованных отчетов. Целостность информации поддерживается на уровне отдельных документов тем, что с первичной коллекцией работает только администратор БД АРФУ. Таким образом эта компонента является депозитарием эталонных экземпляров документов, что позволяет восстановить любой документ. На уровне всего WEB-сайта целостность обеспечивается копированием на WEB-сервер сразу всех файлов с локального WEB-сервера.

4. Современные технологии программирования и проблемы ЭБ.

Выше были рассмотрены проблемы ЭБ, решение которых достигается за счет выбора подходящих структур данных и организационных правил работы с документами. Рассмотрим те проблемы электронных библиотек, решение которых в основном лежит в области технологии программирования. Формулируя понятие электронной библиотеки в самом общем виде, специалисты выделяют три характерных черты:

в ЭБ выполняется автоматический поиск информации,

доступ к ЭБ возможен отовсюду,

документы ЭБ могут копироваться электронными средствами без ошибок.

Таким образом, кроме упомянутых в пункте 1 проблем быстрого технологического обновления и слабой организационной инфраструктуры ЭБ следует технологически обеспечить важные функции поиска информации в информационных ресурсах ЭБ и сервисы удаленного пользователя. Сложный и многостадийный характер обработки информации в ЭБ требует со-

ответствующего сложного и многокомпонентного программного обеспечения. Классическую проблему обеспечения надежности сложного программного обеспечения в настоящее время наиболее эффективно решают с использованием объектных подходов к программированию. Одной из реализаций такого подхода для ЭБ является метод агентов [4]. Суть его заключается в том, что взаимодействие программы клиента, с помощью которой он направляет в ЭБ запросы и обрабатывает полученные ответы; серверной интерфейсной программы, принимающей запросы от пользователя, передающей их программе поиска и возвращающей найденные отклики клиенту и программы поиска информации в базе данных происходит так, как если бы каждая из программ являлась агентом-исполнителем, способным принять заказ и вернуть результат его выполнения в виде стандартного набора команд. Автор статьи рассматривает архитектуру разрабатываемой системы ЭБ Мичиганского университета (рис. 2).

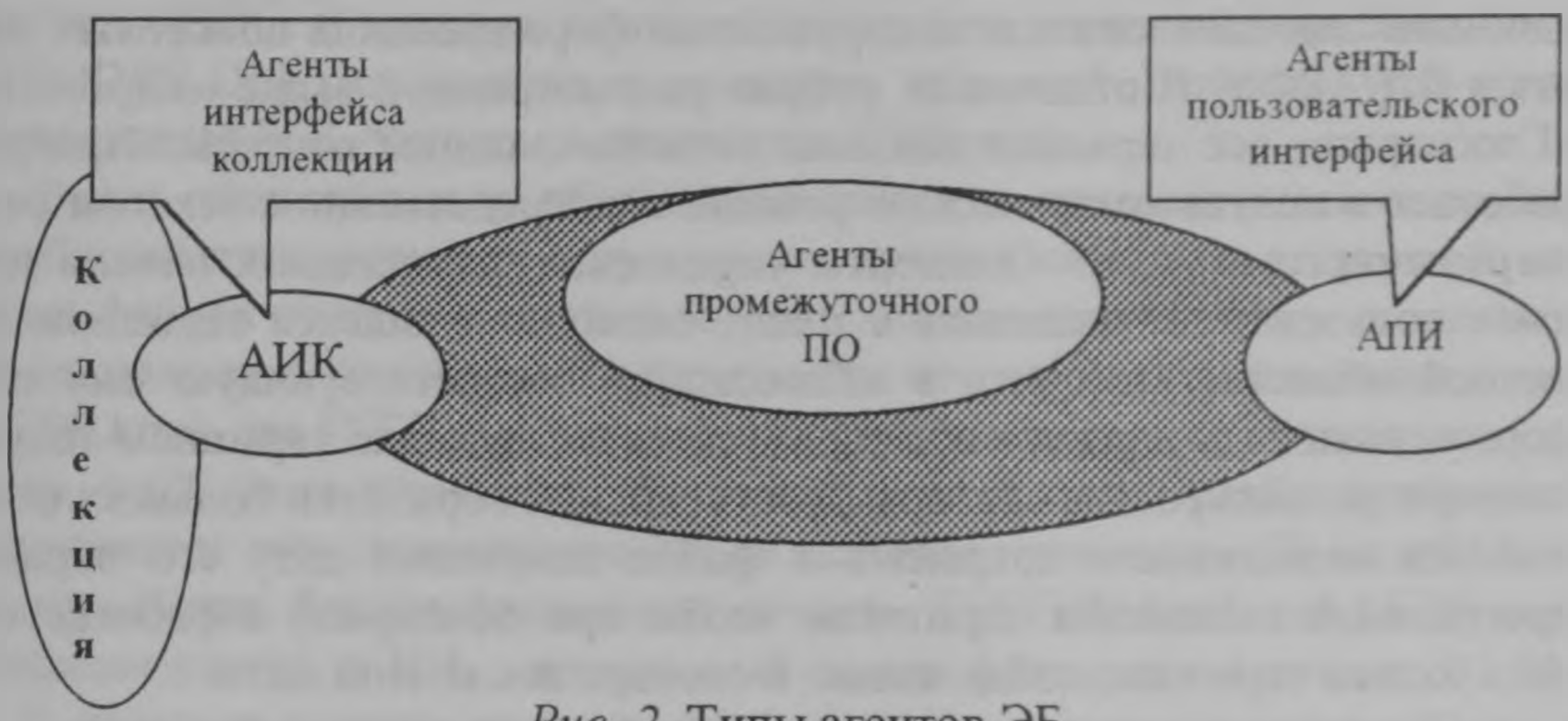

Рис. 2. Типы агентов ЭБ

В ней три класса агентов:

Агенты пользовательского интерфейса (АПИ) являются коммуникационной оболочкой для пользовательского интерфейса. Они выполняют две функции. Во-первых, конвертируют запросы пользователя в форму протокола системы. Во-вторых, публикуют профайл пользователя для того клиента, который под управлением промежуточного ПО будет выполнять поиск.

Промежуточные агенты выполняют множество функций, а именно, все задачи, которые необходимо выполнить для передачи запроса в коллекцию, мониторинга выполнения запроса, передачи результата запроса, разного рода трансляций и записей в журналы.

Агенты интерфейса коллекции являются коммуникационной оболочкой для коллекции.Выполняя задачи трансляции, подобные задачам промежуточных агентов, они еще публикуют содержание и возможности кол-

лекции на специальном языке, который позволяет описать ресурсы коллекции в нормализованной форме.

Средства обработки информации в БД АРФУ состоят из нескольких наборов агентов.

4.1. Средства обработки первичной коллекции файлов.

Программа для ведения картотеки первичной коллекции отчетов.

Каждому фрагменту отчета соответствует одна или несколько записей в базе «Картотека». Для добавления записи в базу нужно заполнить с помощью справочников-рубрикаторов форму, вызываемую нажатием кнопки на дополнительной панели редактора Word. Там же расположены элементы управления, с помощью которых можно пролистать базу, исправить неверные записи, удалить ненужные и др.

Программа для пополнения словаря предметной области.

Словарь предметной области (база данных «Глоссарий») является удобным для пользователя инструментом формирования поисковых запросов к БД АРФУ. В отличие от рубрик рассмотренной выше «Картотеки» в «Глоссарии» все термины связаны хотя бы с одним отчетом. Программа работает в полуавтоматическом режиме непосредственно с текстом отчета, загруженного в Word. Элементы управления специальной панели позволяют пользователю выделить в тексте слово, являющееся термином предметной области, включить в «Глоссарий» соответствующую ему словоформу, выделить в тексте все слова, соответствующие терминам текущего словаря, редактировать словарь. Для ускорения обработки больших отчетов имеется возможность сохранять в файле документа дату его обработки программой выделения терминов, чтобы при повторной обработке выделять только термины, добавленные в словарь после этой даты.

Программа выделения из отчета наиболее значимых слов.

Другая возможность ускорения обработки больших отчетов реализована с помощью метода выделения из текста наиболее значимых слов. В основе метода лежат известные законы Зипфа [5] о частоте появления слов в текстовых документах. Алгоритм с элементами эвристики определяет в тексте отчета слова, являющиеся семантически наиболее значимыми. Эти слова образуют список, в который с большой вероятностью попадают все археологические термины. Затем список размечается программой, рассмотренной в предыдущем пункте. Наконец, специалист, двигаясь по списку слов, включает новые термины в базу «Глоссарий». Применение этого алгоритма значительно уменьшает трудоемкость ручной операции пополнения «Глоссария», т.к. позволяет автоматически отбросить до 90% слов, являющихся служебными (предлоги, союзы) или общеупотребительными (лопата, кирпич и т.п.). На основе данных тестирования программы разработан и подключен список «стоп-слов», применение которого увеличивает точность метода.

4.2. Формирование вторичной коллекции файлов.

Для контроля заполненных баз и оформленных HTML документов используется локальная версия сайта, установленная на Microsoft Personal Web-server. Заполненные при обработке файлов первичной коллекции DBF-файлы и подготовленные HTML-документы по электронной почте отсылаются администратору локального Web-сайта.

Вторичная коллекция файлов отчетов на локальном Web-сайте находится в режиме непрерывного обновления как по составу содержащихся в ней файлов, так и по интерфейсу пользователя, подключению новых механизмов доступа и формирования запросов удаленными пользователями. Как только изменения на локальном сайте достигнут определенного объема и пройдут необходимые испытания, администратор Web-сервера полностью обновляет версию на WEB-сайте сети Интернет.

Доступ к базам вторичной коллекции файлов осуществляется через Microsoft ODBC. В качестве шлюза используется динамическая библиотека HTTPODBC.DLL из комплекта поставки Microsoft Personal Web-server, принимающая SQL-запросы в синтаксисе VBScript.

Ввиду значительного объема большинства археологических отчетов разработана двухуровневая структура их представления во вторичной коллекции файлов отчетов. Стартовый файл для каждого отчета – его аннотация, содержащая ссылки на все фрагменты отчета. Имя файла аннотации – ГГГГ00.html, где ГГГГ – год написания отчета или другое уникальное имя отчета, а 00 – код аннотации. Фрагменты, на которые разбивается отчет, определяются его содержанием, но не должны превышать 50 килобайт по размеру. Имена файлов фрагментов отчета – ГГГГНН.html, где ГГГГ – год написания отчета, а НН – порядковый номер фрагмента в отчете: 01,02 и т.д. В начале и в конце каждого фрагмента присутствуют гиперссылки на аннотацию, предыдущий и последующий фрагменты. Таким образом, получается структура книги, удобная для навигации, где каждый файл загружается за приемлемое для посетителя сайта время.

4.3. Реализация агентов WEB-сайта.

На этапе подготовки к публикации обновленного WEB-сайта желательно участие специалиста по Web-дизайну и администратора сервера. Web-дизайнер контролирует и правит возможные погрешности в оформлении отчетов, а администратор сервера загружает информацию из DBF-файлов в базу MySQL и размещает HTML-документы на Web-сервере.

Для разработки программного обеспечения Web-сервера были использованы бесплатные и свободно распространяемые продукты:

операционная система FreeBSD;

Web-сервер Apache;

база данных MySQL,

поисковая программа Swish-E.

В качестве шлюза для доступа к базам данных был использован язык разработки на стороне сервера PHP3, интегрированный с Web-сервером.

Как показали проведенные испытания, этот набор программных продуктов обеспечивает удовлетворительную скорость реакции системы на запрос посетителя Web-сервера.

Поиск документа возможен тремя различными способами:

полнотекстовый произвольный поиск непосредственно по всем HTML документам;

поиск по электронной картотеке;

поиск по тематическому словарю - «Глоссарию».

Полнотекстовый поиск документа выполняет программа Swish-E по заранее подготовленному индексу документов. Индексирование документов проводится администратором WEB-сервера сразу после публикации новой версии WEB-сайта. В запросе пользователь может использовать любые слова, соединенные, возможно, логическими связками AND, OR, NOT (И, ИЛИ, НЕ соответственно). Результат поиска представляет собой список ссылок на HTML-документы (фрагменты отчетов), отсортированный по релевантности документов.

Поиск по базе данных «Картотека отчетов» для формирования критерия поиска предлагает списки, представляющие собой выборки из базы данных по отдельным полям базы. Так, например, выбрав пункт «Оглавление по авторам», пользователь видит список авторов отчетов, занесенных в картотеку. Далее, выбрав нужного автора, пользователь получает список ссылок на аннотации к отчетам выбранного автора. Точно так же организованы оглавления по эпохам, периодам, культурам, найденным объектам / артефактам. Наиболее точный результат дает запрос к базе по полной совокупности полей базы. При формировании запроса для каждого поля предлагаются списки, заранее подготовленные по базе данных.

Поиск по тематическому словарю использует базу данных «Глоссарий». Пользователю предлагается для выбора список терминов, отсортированный по алфавиту. Выбранное слово передается программе полнотекстового поиска Swish-E. Результат поиска представляет собой список ссылок на HTML-документы (фрагменты отчетов), отсортированный по релевантности документов.

Для ограничения доступа на начальном этапе эксплуатации вход на сайт защищен паролем. Для учета обращений к БД АРФУ создана программа, ведущая файл посещений. В файл заносятся имя посетителя, дата и время ввода пароля и признак успешного входа на сайт.

Адрес WEB-сайта БД АРФУ- http://gov.mari.ru/arheo

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Schatz B., Chen H.* Building Large-Scale Digital Libraries
http://church.computer.org/com-puter/dli/index.html
2. *Hodder I.* Archaeology and global information systems.
http://intarch.ac.uk/journal/issue6/hodder_toc.html (8.08.99)
3. *Weibel S., Miller E.* The Dublin Core Metadata Element Set Home Page, URL:
http://www.oclc.org:5046/research/dublin_core/
4. *William P.* An Agent-Based Architecture for Digital Libraries. Birmingham. D-Lib Magazine, July, 1995.
5. *Солтон Дж.* Динамические библиотечно-информационные системы. М., 1979.

Vyacheslav Abdulaev

PROBLEMS OF FORMING DIGITAL ARCHIVES **OF ARCHAEOLOGICAL MATERIALS**

Elaboration of technology of forming and usage of digital archives of reports of field investigations in the archaeology of Finno–Ugric people was carried out in accordance to all requirements of the theory of information system to digital libraries.

Rapidly expanding Internet is another stimulus of development of the theory and practice of DL. The role of metadata of archaeological materials is covered in the article.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Владимир Логинов, Александр Пермяков
р.п.. Березово, Екатеринбург

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭТНОПРИРОДНОГО ПАРКА "ЛЯПИНСКИЙ"

В Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) малочисленные народы Севера (МНС) составляют 2 % от общей численности населения округа. Значительно выше удельный вес МНС в ареалах их проживания, представляющих собой территории компактно (населенные пункты) и дисперсно (юрты, чумы, избы) расселенных этнических меньшинств, где их доля равна 45 %.

В отношении малочисленных народов Севера в ХМАО принято временное Положение о статусе территории приоритетного природопользования коренного населения, разработано Положение о родовых угодьях и принят в первом чтении Закон о родовых угодьях, где очерчен лишь круг прав малочисленных народов Севера. В данных нормативных актах много противоречащих друг другу положений, а сама процедура решения вопросов отличается длительностью и значительной сложностью даже в отношении пользования биологическими ресурсами, т.к. связана с получением ряда лицензий и требует многочисленных согласований.

С 1992 г. в пределах территорий приоритетного природопользования и помимо их стали создаваться родовые угодья коренного населения.

Владельцами родовых угодий являются отдельные семьи или родовые общины представителей малочисленных народов Севера. Размеры границы родовых угодий определялись со слов коренных жителей, предки которых издавна занимались здесь оленеводством, охотой и рыбной ловлей, по так называемому обычному праву. При этом не учитывались естественная продуктивность тех или иных угодий и кадастровая оценка природных ресурсов. Отсутствие четкого регламента отвода родовых угодий послужило причиной многочисленных споров между владельцами угодий и недро-

пользователями, т.к. в пределах многих родовых угодий оказались действующие и потенциальные месторождения углеводородного сырья.

Более чем пятилетний срок становления семейных и общинных родовых угодий свидетельствует о низкой эффективности функционирования их, особенно общинных, из-за отсутствия специалистов по управлению и экономике. Некоторые родовые общинные угодья прекратили существование по этой причине.

В целом приходится констатировать, что институт родовых угодий задачу сохранения коренных этносов и природной среды в силу объективных и субъективных причин не смог решить. В связи с этим возникла необходимость поиска иных форм.

Действующее законодательство позволяет выйти на качественно новую форму организации мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных коренных народов – этноприродный парк.

Правовой базой организации этноприродного парка служат Федеральный закон "Об особо охраняемых природных территориях", в частности раздел IV - природные парки и ст. 2, допускающая образование не предусмотренных законом иных форм организации территории (1) и Федеральный закон "Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации" - ст. 12 (2), в котором предусматривается выделение в районах проживания малочисленных народов этноэкологических зон.

Термин "этноприродный парк" впервые в нормативно-правовых актах появился пока на региональном уровне в законе "Об особо охраняемых природных территориях Ямало-Ненецкого автономного округа", в котором в статьях 40 и 41 определяются статус, задачи и режим этноприродных парков (3).

Этноприродный парк – это новая форма организации и управления территорией, интегрированная в систему органов местного самоуправления, созданная для защиты интересов малочисленных народов Севера и традиционного образа жизни.

С организационно-правовой точки зрения этноприродный парк – это юридическое лицо, которое создается по решению учредителя или учредителей - общин, находящихся в границах территории этноприродного парка, в целях использования биологических ресурсов и охраны природной среды в местах проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов.

В отличие от заповедников, национальных и природных парков, заказников, основной задачей которых является охрана природы, охранные задачи этноприродного парка подчиняются цели сохранения этносов и создания условий для их жизнеобеспечения.

Подобные задачи не смогут выполнить другие виды природоохранных территорий. В одних (заповедники) традиционная деятельность согласно действующему законодательству запрещается, в других (национальные парки, природные парки, заказники), хотя традиционная деятельность и не запрещена, все отдается на откуп дирекции, которая по своему усмотрению может разрешить или не разрешить занятие традиционными отраслями: "На специально выделенных участках допускается традиционная хозяйственная деятельность ... по согласованию с дирекцией национальных парков" - ст. 15, п.3 (1). Даже на территориях заказников, "где проживают малочисленные этнические общности, допускается (**а не разрешается**) использование природных ресурсов в формах, обеспечивающих защиту исконной среды обитания указанных этнических общностей и сохранения традиционного образа их жизни" - ст. 24, п. 4 (1). Кроме того, в природных парках, форма которых наиболее приемлема для ведения традиционного хозяйства, малочисленные этносы не имеют правовой защиты в случае открытия и разработки здесь минерально-сырьевых или топливно-энергетических ресурсов. Недропользователи без труда получают в этом случае лицензию на разработку месторождений, даже без согласования с представителями коренных малочисленных народов, здесь проживающих. Данные вопросы решаются напрямую с дирекцией природного парка.

В отличие от вышеупомянутых особо охраняемых природных территорий в этноприродных парках для их управления образуются Наблюдательные советы, в состав которых входят представители общин и ассоциаций коренных малочисленных народов, органов местного самоуправления и государственной власти субъекта Федерации. Директор этноприродного парка назначается Наблюдательным советом и подотчетен ему. Все вопросы по отводу земель, разработке природных ресурсов в пределах этноприродного парка и другие должны быть согласованы с Наблюдательным советом. На наш взгляд, наиболее благоприятные предпосылки для создания этноприродных парков имеются на территории Березовского и Белоярского районов округа, которые являются наименее освоенными в промышленно-транспортном отношении частями округа и имеют самый высокий удельный вес коренного населения (в сельской местности соответственно 27 и 26,3 %), что делает их наиболее привлекательными по созданию условий для развития и сохранения малочисленных этносов.

Здесь проживает 9,1 тыс. представителей северных народов, или 32,3% от их общей численности в округе.

Из нетрадиционных отраслей ведущее место в экономике занимает трубопроводный транспорт, посредством которого осуществляется транзит природного газа с ямальских месторождений в центральные и западные районы страны. Имеющиеся ресурсы природного газа на территории Березовского района отработаны еще до начала 80-х годов, а с уходом предпри-

ятия "СУ Игримэнергогаз" из крупных предприятий осталась "Сосьвапромгеология". Перспективы развития Березовского района связывают с освоением минерально-сырьевых ресурсов Северного и Приполярного Урала. Это, на наш взгляд, длительный процесс. Еще в советский период предлагались различные проекты освоения здесь месторождений полезных ископаемых и транспортного строительства, однако даже в тот, наиболее благоприятный период для реализации капиталоемких инвестиционных проектов, они не были по экономическим причинам реализованы. В Белоярском районе, который получает больше финансовых благ из-за своего транзитного положения, перспективы связаны с открытием и освоением нефтяных месторождений, что более реально.

Из традиционных отраслей хозяйства на территории этих районов получили развитие все основные отрасли: оленеводство, рыболовство, охотничий промысел, сбор дикоросов и звероводство.

Состояние природно-ресурсного потенциала территории данных районов позволяет сохранить традиционный сектор и в перспективе, а при становлении новых форм организации хозяйства (фактории и др.) сделать его рентабельным. Для сохранения традиционного уклада жизни и ареалов живой культуры манси и хантов нами предлагается организация здесь сети этноприродных парков. На территории Березовского района: в пределах сельских администраций Саранпаульской, Сосьвинской, Няксимвольской, Тегинской и Ванзетурской; в пределах Белоярского района - Казымской и Полноватской СА.

При реализации предложенных проектов организации этноприродных парков удельный вес их в площади Белоярского района составит 17.5 %, Березовского района в зависимости от вариантов (совместно с территорией этноприродного парка "Ляпинский") - от 38.4 до 46.3 %.

Социально-экономическое обоснование этноприродного парка было выполнено на примере территории "Ляпинский" (Саранпаульская сельская администрация Березовского района).

Предпосылками для создания этноприродного парка являются:

а) компактное проживание малочисленных народов Севера и других этнических групп;

б) наличие достаточного природно-ресурсного потенциала для традиционного природопользования. Особенно для рыболовства, в бассейне р. Ляпин находятся лучшие нерестилища крупнейших в мире стад сиговых рыб;

в) на данной территории представлен весь комплекс традиционных отраслей хозяйства: оленеводство, рыбный промысел, охота и сбор дикоросов;

г) территория Саранпаульской сельской администрации является одним из основных ареалов сохранения живой культуры народа манси;

е) стремление общественных организаций, представляющих малочисленные народы Севера, к созданию особо охраняемой этнической территории в данном регионе.

В целом следует резюмировать, что данная территория в силу своей природной уникальности уже на протяжении по крайней мере двух последних десятилетий находится в сфере интересов организаций, занимающихся природоохранной деятельностью. Все вышеназванные природоохранные территории различного уровня оказываются полностью или частично в границах предлагаемого нами этноприродного парка "Ляпинский", который должен стать многофункциональным резерватом как для проживающего здесь населения, так и для природной среды.

Территория этноприродного парка "Ляпинский" не является резервацией в классическом плане, т.к. большая часть населения Саранпаульской сельской администрации коренные жители. К ним относятся не только малочисленные народы Севера: ханты, манси, ненцы, но и коми-зыряне и старожильческое русское население. Каждая из этих трех групп населения примерно равна по численности.

В этой связи население, проживающее на данной территории, должно иметь равные права и возможности для занятия традиционными другими видами хозяйственной деятельности независимо от национальной принадлежности.

Общая численность населения, проживающего на данной территории, составляла (на 1.01.1998 г.) 3095 чел. Изменение численности населения Саранпаульской СА происходило под влиянием естественного прироста у МНС и коми и механического прироста у остального населения. Убыль населения во второй половине 90-х годов была обусловлена отрицательным сальдо миграции и отрицательным естественным приростом как в целом у всего населения, так и среди МНС. У последних одной из основных причин высокой смертности осталась значительная доля по причине несчастных случаев. Прирост малочисленных народов Севера в последние годы был вызван сменой национальности лицами, до этого не отождествлявшими себя с коренным этносом. Следует отметить высокий уровень этнически смешанных браков на территории Саранпаульской СА как среди МНС (по нашим данным, на начало 1997 г. 39,4 % от общего количества семей), так и среди коми.

Основными сферами приложения труда у представителей малочисленных народов и коми являются традиционные отрасли (32,8 и 23,1 % от общего числа занятых) и такие отрасли социальной сферы, как здравоохранение, образование и культура (24,7 и 25,8 % соответственно). Остальное население наиболее полно представлено в промышленности - 62,2 % от общего числа занятых в этой группе работают на предприятии "Сосьва-

промгеология". Значительная часть трудоспособного населения является в настоящее время безработными.

Уровень безработицы среди национального населения в 2.5 раза выше, чем у остального населения администрации.

Сложившаяся структура производства и сложное финансово-экономическое положение предприятий материальной сферы обусловили низкие доходы населения. Так, средний уровень заработной платы здесь составляет всего лишь 42,7 % от среднерайонного уровня.

Все это свидетельствует о крайне низких доходах работающего населения, которые составляют менее половины от средних показателей по району в целом, и были ниже прожиточного минимума по ХМАО. Отстает население данной территории также по величине получаемых пособий по безработице (50 % от общерайонных показателей), которая напрямую зависит от оплаты труда.

Основанием для социально-экономического обоснования этноприродного парка послужило то, что в настоящее время в правовом аспекте на федеральном и региональном уровнях решены вопросы только природоохранных территорий без учета интересов народов, проживающих на данных территориях. В отношении специального субъекта права - малочисленных народов Севера, проблем их сохранения, социально-экономического и культурного развития, имеющиеся федеральные региональные нормативные акты являются не достаточно разработанными. Одной из возможных и наиболее приемлемых форм сохранения развития этносов и среды их обитания является этноприродный парк.

В результате данного исследования был разработан проект Положения об этноприродном парке, который рекомендуется к утверждению в качестве временного на период формирования и становления экспериментальных этноприродных парков. По мере их функционирования и совершенствования федерального и окружного законодательства Положение подлежит уточнению.

Наиболее сложной проблемой, которую предстоит решить в ходе завершения настоящего научно-исследовательского проекта и его реализации, является соблюдение принципа согласования интересов всех заинтересованных сторон: представителей национальностей, населяющих данную территорию; интересов округа, района и этноприродного парка; сохранения окружающей среды с приоритетной целью создания наиболее благоприятных условий для социально-экономического развития коренных малочисленных народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон "Об особо охраняемых природных территориях" // Собрание законодательства РФ № 12. 20 марта, 1995.

2. Федеральный закон "Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации" // Российская газета. 1996. 2 июля.

3. Закон "Об особо охраняемых природных территориях Ямало-Ненецкого автономного округа" // Красный Север. 1997. 30 октября.

Vladimir Loginov, Alexander Permyakov

SOCIAL–ECONOMIC SUBSTANTIATION OF THE ETHNO-NATURAL PARK "LAPINSKY"

We should admit that the Institute of generic arable land couldn`t solve the problem of preserving of native ethnos and natural environment due to objective and subjective reasons. For the present the term "ethno–natural park" first appeared in normative legal acts on regional level in the bill "About especially preserved nature territories of Yamalo – Nenetsky autonomous region" where in articles 40 and 41 status, perspectives and regime of ethno - natural parks are determined.

In contrast to above mentioned especially preserved nature territories in ethno-natural parks Observation Councils, including representatives from communities and associations of small in number native peoples, institutions of local government and state power of Subject of Federation for their management are formed. On the territory of Berezovsky region: in rural administrations of Saranpaulskaya, Sosvinskaya, Nyaksimvolskaya, Teginskaya and Vanzeturskaya; in Beloyarsky region: in Kazymskaya and Polnovatovskaya rural administrations.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Николай Бутылов
Саранск

К ПРОБЛЕМЕ МОРДОВСКО-ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Языковые контакты и результаты взаимодействия языков разных народов издавна являются объектом языкознания и этнографии.

Мордовский народ испокон веков находился в близком соседстве и контакте с различными племенами и народами - ираноязычными и булгарскими племенами, чувашами, татарами, русскими. Эти контакты оставили след в виде многочисленных лексических заимствований.

После русских, тюркские заимствования составляют наиболее внушительный пласт заимствованной лексики мордовских языков.

Мордовско-тюркские языковые контакты своими корнями уходят в глубокое прошлое. По мнению многих ученых, они начались в III-IV вв. н.э. во время гуннского нашествия. В VII-VIII вв. после образования Хазарской державы, в непосредственном подчинении которой находилась часть мордвы, происходит усиление этих контактов. А после появления булгар в Среднем Поволжье, создавших в этом регионе мощное государство - Волжскую Булгарию, и особенно после монголо-татарского завоевания, мордовско-тюркские контакты приняли непрерывный характер.

Следуя исторической последовательности и принимая во внимание различные источники проникновения, тюркизмы в мордовском языке подразделяются нами на следующие группы:

I. Древнетюркские заимствования

II. Булгаро-чувашские заимствования

III. Татарские заимствования

IV. Тюркские заимствования, вошедшие через русский язык.

Тюркизмы мордовского языка далеко не однородны по семантике. Находясь почти во всех тематических группах лексики, они отражают различ-

ные стороны жизни и деятельности человека, окружающей природы. Они классифицируются нами на следующие разделы и тематические группы.

I. Человек и общество. В этот раздел входят слова, обозначающие взаимоотношения людей, товарно-денежные отношения и социальные понятия, анатомические и физиологические понятия, болезни: *ака* 'тетя', *базя* 'свояк', *балдуз* 'свояченица', *пакарь* 'кость', *таз* 'чесотка', *уцез* 'деше-вый', *гарець* 'плата за обмол' и др.

II. Природа и животный мир. Здесь объединены тюркизмы, обозначающие - предметы и явления животного мира, растительный мир, географические понятия: *алаша* 'лошадь', *арлан* 'хомяк', *курка* 'индейка', *гурь* 'хорек', *покра* 'бобы', *давол* 'буря', *дёба* 'холм', *куяр* 'огурец' и др.

III. Духовная и материальная культура. Проживая на протяжении нескольких веков в соседстве с тюркоязычными народами Поволжья, мордовский народ поддерживал с ними тесные культурные и экономические связи. Совершавшиеся в течение нескольких веков процессы культурно - экономического взаимодействия нашли отражение в следующих лексических заимствованиях: слова, обозначающие надворные постройки и предметы домашнего обихода; одежду, обувь, украшения и наряды; обозначения пищи и напитков; слова, относящиеся к культуре, названия праздников, игр, обрядов, гаданий: *кереметь* 'место жертвоприношений', *карька* 'ковш', *корам* 'двор', *сумань* 'зипун, кафтан', *поза* 'брага, квас', *зиблек* 'занавеска', *зепе* 'карман', *цёмара* 'пельмени из ржаной муки', *юрт* 'поселение, основание дома' и др.

IV. Трудовая деятельность человека. Сюда входят слова и термины, связанные с сельским хозяйством, с обозначением средств передвижения и их принадлежностей, с обозначением ремесла и каких-то др. занятий человека: *кальдерькс* 'деталь ткацкого станка', *аржа* 'зазубрина', *нокта/новта* 'недоуздок', *ael(ь)* 'подпруга', *улав* 'воз, подвода', *цётмар* 'молотило', *кильдемс* 'запрягать' и др.

Результатом взаимных контактов и взаимовлияния явились также мордовские лексические заимствования в татарском языке.

Мордовские заимствования в татарском языке еще не учтены в полном объеме и не кодифицированы. К ним относятся следующие:

а) названия растительного и животного мира, обозначения природных явлений: *пизел* 'рябина', *пангы* 'гриб', *мошко* 'конопля', *чирәхман* 'град', *псякай* 'кошка', *савыскан/сэзгэн* 'сорока', *ырнау/унау* 'выть', *мукорь* 'пень, чурбан', *валака* 'дубина', *нэв/нэвле* 'слизь, слизистый', *пэжу* 'вянуть', *сэлге* 'волокно';

б) термины родства и этнонимические названия: *пуна зэмле* 'дедушка', *ур'аш* 'невестка', *мукши* 'мокша', *эрз'э* 'эрзя', *куйгырыш* 'мифическое существо', *кода* 'сват';

в) слова общего значения, связанные с духовной и материальной культурой: *челги* 'бородавка. прыщ', *лапама* 'большой. огромный', *потяй/поти* 'грудь, сосок', *путмо* 'внутренность', *черке* 'голень', *камакыш* 'десна. коренной зуб', *пача* 'гребень (у петуха)', *пуколь* 'ком, кусок', *кэркеш* 'пояс, бечевка', *селэги* 'плевок, слюни', *валом* 'постепенно', *гамозом* 'все вместе', *курька* 'ковш', *пэрэв* 'глухой, непонятливый', *сулкнау* 'дрожать(от боли)', *вана* 'вот', *вызыйлату* 'натравить', *шава* 'миска, чашка', *ялан* 'все же, все еще', *мешке* 'творог', *озак чай симилий* 'садись пить чай'.

Мордовские заимствования в татарском языке претерпели значительные фонетические и семантические изменения. Они почти полностью заменили собственно татарские термины и вошли в различные сочетания с татарскими словами.

Лексические заимствования из мордовского в татарский – тема, требующая внимания и татароведов и финно-угроведов. Данная тема очень близка проблемам этнографии и археологии.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Анатолий Патрушев
Йошкар-Ола

КУЛЬТУРА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ МАРИЙЦЕВ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В популярной, пропагандистской литературе уровень дооктябрьского сельского хозяйства Марийского края долгое время трактовался необъективно, очень часто он показывался приниженным, отрицалось зачастую даже все то, что отмечалось дореволюционной литературой и статистическими материалами как положительное. В последние же годы наоборот наблюдается преувеличение успехов сельскохозяйственного производства досоветского и особенно доколхозного периода. Все это требует более пристального изучения сельского хозяйства, культуры земледелия на грани веков.

В конце XIX - начале XX века марийское население проживало компактно в Казанской, Вятской, Нижегородской, Уфимской, Пермской губерниях. В отдельных уездах перечисленных губерний оно составляло значительное количество (в Казанской губернии в Царевококшайском уезде 56,4 %, Козьмодемьянском уезде 39,5 %, в Вятской губернии в Уржумском уезде 25,2 % от общего числа жителей). Земельная обеспеченность марийских крестьян была неодинаковой. Так, в Рязанской губернии в 1907 году среди марийцев на одну душу мужского пола приходилось удобной общинной земли (в %): не более 2 десятин - 2,2, от 2 до 4 дес. - 80,4, более 4 дес. - 17,4. В то же время по сравнению с другими народами безземельные среди марийцев составляли лишь 1,1 % (среди русских 9,9, татар 4,3). Другая особенность крестьян-марийцев этой губернии заключалась в наличии у них сложных земельных общин - из 135 общин сложных было 82 (60,7 %), в то время как из 1377 русских было сложных всего 34 (2,4 %) (1, с. 38, 56, 69-88). Все это, безусловно, накладывало отпечаток и на культуру земледелия у марийцев. При таких сложных общинах весьма четко наблюдались некоторые наиболее отрицательные черты тогдашнего землепользования

(дальнеземелье, невозможность удобрения всех участков, непроизводительная трата времени для переезда с одного участка на другой в связи с чересполосицей и мелкополосицей и др.). Редким, однако классическим примером такого явления было землевладение крестьян Малошурмарского общества Больше-Юнгинской волости Козьмодемьянского уезда, земельные участки которого находились не только в пределах своей, но и соседних Мало-Карачкинской, Кулаковской, Виловатовражской волостей, на расстоянии сорока и более верст. Наделы обществ крестьян других волостей имелись в центре владений Малошурмарского же общества (2). Эта Троицкая община (марийцы называли ее "Большой веревкой"), насчитывавшая 15774 дес. удобной земли, состояла из 42 обществ четырех волостей с 111 селениями (3, с. 49; 4, с. 368). К счастью, сложные общины с их дальноземельем встречались не повсеместно (кроме Козьмодемьянского, в Царевококшайском и Чебоксарском уездах Казанской губернии), в Уржумском уезде Вятской губернии земельные наделы крестьян находились сравнительно недалеко от их места жительства.

Являясь одним из коренных народов Среднего Поволжья, марийцы столетиями накапливали опыт возделывания земли и различных сельскохозяйственных культур.* Письменные источники показывают марийцев как весьма старательных земледельцев. Член Рязанской губернской земской управы К.П. Белькович при обследовании крестьянских хозяйств Шеклянур-Пектугановского общества Арбанской волости Царевококшайского уезда в 1887 году отмечал, что крестьяне "обрабатывают землю очень хорошо" (5, с. 128-129). В своих ежегодных отчетах казанский губернатор постоянно подчеркивал, что в губернии "природными земледельцами являются чуваши и черемисы".

Марийцы с испокон веков к зеленой растительности относились весьма бережно. Лес был для них как бы родным домом. К дереву относились как к живому существу. До сих пор сохранились молитвы, обращенные к отдельному дереву, которое острая нужда заставляла вырубить для строительства. При расчистке леса и кустарников под пашню они тщательно изучали состав лесных участков, их пригодность для выращивания сельскохозяйственных культур. В вводном первом томе "Материалов по статистике Вятской губернии" имеется интересное описание о выборе леса под расчистку: "Далеко не все лесные пространства годны под расчистку, а только некоторые из них. Опытный земледелец всегда хорошо определяет: где сделать новь и где нет. По породам лесов, а также по некоторым признакам, он наперед укажет, какая земля боится засухи, какая нет, каков верхний грунт и каков нижний, какой плодосмен употребить и какой нель-

---

* В историческом плане этот процесс исследован И.А. Андреевым, Г.А. Сепеевым и другими.

зя. Лучшими для расчистки под новь считаются места, покрытые орешником; хорошими также признаются для нови места из-под черного лиственного леса (дуб, вяз, липа); несколько хуже считаются земли, покрытые елью и пихтой; еще хуже - суборью (ель и сосна) и сметником (смешанный лес, состоящий из ели, березы и сосны); сосна, если она заседает по сухим песчаным местам и на дресвяных почвах такого же механического строения, как и песок, всегда избегается при расчистке, - в особенности бракуется "чапыжная", "мутовочная" сосна, это явный признак сыпучего крупнозернистого, хрящеватого, сухого песка; но если та же сосна растет на суглинке, известном у черемис под именем "кула рок", "кула пургож", то такая сосна охотно срубается и выкорчевывается под новинку; березовые, отличного роста, заросли, растущие на почвах, богатых перегноем, охотно расчищаются, но березовые заросли на песчаных местах, большей частью избегаются..."(6, с. 62).

Те же исследователи писали, что марийцы различали семь сортов почвы и с учетом ее качества высевали те или иные соответствующие сельскохозяйственные культуры.

По данным исследований 1880-1890 годов, крестьяне Марийского края возделывали на своих наделах в основном десять сельскохозяйственных культур: озимая рожь, овес, ячмень, пшеница, полба, гречиха, горох, лен, конопля, картофель. Кроме озимой ржи, правда незначительную площадь, в Козьмодемьянском уезде занимала яровая рожь (0,8 % посевной площади). Половину пахотной крестьянской земли в уездах Марийского края - Козьмодемьянском, Царевококшайском, Уржумском, Яранском - занимала рожь, площадь под этой культурой в них составляла от 49,7 до 50,7 %. Среди яровых культур на первом месте находился овес (29,8-39,3 % ярового поля), лишь в Козьмодемьянском уезде с ним успешно конкурировал ячмень, здесь под овсом находилось 20 , под ячменем 20,5 % площади.

Технические культуры занимали незначительное место и выращивались главным образом для домашних нужд. В Яранском уезде лен занимал 6, в Уржумском уезде 2,4, в Царевококшайском - 0,8, Козьмодемьянском - 0,3 % ярового клина. По посеву конопли на первом месте стоял среди уездов Козьмодемьянский - 1,3, затем Царевококшайский - 0,8, Уржумский - 0,5, Яранский - 0,1 % надела в яровом поле. Исследования показывают, что лен и конопля выращивались в основном для получения семени, а не волокна. Под картофелем находилось от 0,8 до 1,6 % площади пахотной земли. Из ныне почти забытых культур полба занимала в Козьмодемьянском уезде 1,4, в Царевококшайском - 1,3, в Уржумском - 0,1, в Яранском - 0,5 % посевной площади. Только в Козьмодемьянском уезде отмечена чечевица - 0,4 посевной земли (7, с. 257, 258, 277, 283).

В начале XX века в размещении сельскохозяйственных культур произошли некоторые изменения. По данным 1912 года, в Уржумском уезде

наблюдается некоторый рост посевов ржи, ячменя, гороха, льна, площадь же под овсом сократилась (8, с. 1192-1195). В Царевококшайском уезде по сравнению с 80-ми годами XIX века посевы гречихи возросли в три с лишним раза (9, с. 27).

С конца 80-х годов отдельные крестьяне стали сеять различные кормовые травы. В Уржумском уезде в 1916 году под такими травами было 1557 десятин, в Яранском - 3126 (10, с. 125-133, 148-149.). В 1915 году по всей Казанской губернии было засеяно травами 240,4 десятины, из них в Царевококшайском уезде 155,8, в Козьмодемьянском - 9,5 десятины. С началом травосеяния стали возникать вместо трехпольного многопольные севообороты.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Крестьянское землевладение Казанской губернии. Выпуск 13. Свод по губернии. Казань. 1913. .Диаграмма № 1.

2. Земельное положение крестьян-черемис Козьмодемьянского уезда // Казанская газета. 1909, 1 ноября.

3. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Вып. 10. Уезд Козьмодемьянский. Казань. 1891.

4. Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования Казанской губернии. Часть экономическая. Казань. 1896.

5. Отчет о положении некоторых селений Царевококшайского уезда (По обследованию члена Казанской губернской земской управы К.П. Бельковича. Казань, 1887.

6. Материалы по статистике Вятской губернии. Т.1. Малмыжский уезд. М, 1886. Отдел 1.

7. Культурный уровень крестьянского полеводства на надельной земле и его значение в земельном вопросе. С поуездными данными по 46 губерниям Европейской России. Исследование П.Н. Соковнина. СПб., 1908.

8. Журнал Уржумского уездного земского собрания XLVI очередной сессии 1912 года и экстренных сессий 26 и 27 января 1913 года (с приложениями). Уржум. 1913.

9. Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1916 год. Казань. 1919.

10. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии. Вятка. 1916.

11. Сельскохозяйственные обзоры Казанской губернии за 1915 и 1916 годы. Казань. 1917 и 1919.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

ПЕРСОНАЛИИ

Иван Иванов
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ ПАУЛЯ КОКЛА

Этого обаятельного человека, известного в финно-угорском мире ученого, знатока многих финно-угорских и европейских языков, я знаю более сорока лет. Познакомились мы с ним во время его первого приезда в Йошкар-Олу летом 1950 года. Тогда он был молодым аспирантом и работал над кандидатской диссертацией, а я, мало что еще понимающий студент, оказался одним из его информаторов. Об этой встрече мне напомнил томик эстонско-русского словаря, который он любезно подарил мне тогда с дарственной надписью на эстонском языке. Я тогда, конечно, ничего не понимал по-эстонски и очень удивился, как легко перевела эту надпись стоявшая рядом Л. Васикова, в то время аспирантка Тартуского университета, и впервые понял, как, оказывается, полезно знать языки.

Этому человеку недавно исполнилось 70 лет. И имя его стало широко известно не только у нас в Марий Эл и на его родине в Эстонии, но и далеко за их пределами. Это – известный ученый, финно-угровед в истинном смысле этого слова, автор многих научных исследований, доктор философии Пауль Кокла.

П. Кокла родился 17 августа 1929 года в г. Кярдла в Эстонии. Городок расположен на острове Хиюмаа, откуда рукой подать до Швеции. И потому здесь многие знают шведский язык. Не был исключением и Пауль. Второй иностранный, который он выучил, немецкий, - в Эстонии не редкость, его там знают почти все. В школьные годы выучил русский язык. А затем английский, финский, венгерский... Так формировался будущий филолог. И еще одно обстоятельство, которое, наверняка, сыграло свою роль в его судьбе – это встреча еще в детстве с будущей лингвистической знаменитостью Паулем Аристэ, тогда еще аспирантом, приехавшим изучать островной диалект, о чем впоследствии с присущим ему юмором вспоминал сам академик. Так или иначе, но молодой Пауль в 1950 году попадает в Тарту-

ский университет и оказывается учеником того самого профессора, с которым встретился много лет назад у себя на родном острове. В университете он изучает эстонскую и финно-угорскую филологию.

В Тартуском университете в то время учились первые марийские аспиранты. Может быть, встреча с ними повлияла и на то, что он стал специализироваться в университете по марийскому языку.

После окончания университета в 1955 году в течение двух лет П. Кокла работал на эстонском радио, вел передачи на Швецию, разумеется, на шведском языке. Затем в 1957-60 годах свои филологические знания пополнял в аспирантуре при кафедре финно-угорских языков Тартуского университета под руководством своего прежнего профессора П. Аристэ. В качестве темы исследования выбрал уже знакомый по специализации марийский язык, в частности, тогда еще совсем не изученную его категорию притяжательности. Написал диссертацию на тему «Притяжательные суффиксы в марийском языке» и успешно защитил ее в 1963 году.

После аспирантуры П. Кокла некоторое время работал научным сотрудником в Институте языка и литературы Академии наук Эстонии, в секторе финно-угорских языков продолжал исследовать проблемы марийского языка. В 1965 году, когда в Таллине был образован новый международный журнал «Советское финно-угроведение», его главный редактор П. Аристэ пригласил молодого ученого в редакцию в качестве своего заместителя. Так, оказавшись в гуще советской финно-угорской научной мысли, он существенным образом повлиял на развитие, как тогда называли, советского финно-угроведения. Значительную часть своей научной жизни он отдал этому журналу, работая сначала заместителем главного редактора (с 1965 г.), а затем с 1990 года главным редактором его. Российские финно-угроведы многих поколений с благодарностью вспоминают то время, когда журнал издавался под его редактированием. П. Кокла успешно продолжал линию, начатую своим учителем. Журнал стал центром финно-угорской научной мысли тогдашнего Советского Союза, школой научного исследования финно-угорских языков, находящихся на территории России, знакомил российских ученых с новыми зарубежными исследованиями. П. Кокла всегда с пониманием относился к его авторам, особенно начинающим, молодым, помогал им найти свое место в научном мире.

П. Кокла – финно-угровед широкого профиля. Занимается исследованием многих финно-угорских языков. Но в финно-угроведении он получил известность как исследователь марийского языка. Марийскому языку посвящено большинство его научных изысканий. Он впервые детально изучил и описал особенности притяжательных суффиксов марийского языка, дал научный анализ их функций, происхождения и истории развития. Этой проблеме он посвятил свою кандидатскую диссертацию, опубликовал около 20 научных работ. Исследователь сумел правильно понять все тонкости

этой своеобразной грамматической категории марийского языка, установил закономерности ее проявления, особенности функционирования в современном марийском языке. Словом, проблему посессивности так подробно, со всех сторон в марийском языкознании еще никто не освещал.

П. Кокла занимался также другими проблемами марийского языкознания. В частности, представляют существенный научный интерес такие его исследования, как «О системе падежей в первой марийской грамматике» (Йошкар-Ола, 1977), «К вопросу системы падежей марийского языка» (Висбаден, 1979), «Гласные основы слова в ПФУ и гласные марийского языка» (Упсала, 1996) и др. Немало исследований он посвятил также изучению глагольных форм марийского языка. В их числе можно назвать статьи «Инфинитивная глагольная форма на -mV в марийском языке» (Сыктывкар, 1977), «К проблеме инфинитива в марийском языке» (Турку, 1981), «Глагольные формы на -m la и s la в марийском языке» (Таллинн, 1986), «Системы инфинитивных форм в марийском языке» (Гамбург, 1986), «Некоторые морфологические проблемы марийского языка» (Гамбург, 1989), «Морфологическая структура агентконструкций марийского языка» (Будапешт, 1988), «Унифицированная система описания диалектов в применении к коми и марийским глагольным формам» (Таллинн, 1988) и др., в которых дана глубоко научная характеристика марийских глагольных форм.

Много внимания уделял П. Кокла вопросам марийского литературного языка. Он убежденный сторонник необходимости для марийцев единого общенационального литературного языка. Как ученый, имеющий глубокие научные познания по истории многих литературных языков, считает необходимым и возможным создание такого языка для всех говорящих на марийском языке. В отличие от некоторых современных марийских исследователей, П. Кокла, как и все зарубежные финно-угроведы вообще, никогда не разделял марийский на два самостоятельных языка. Он правильно представляет пути развития марийского литературного языка на современном этапе и видит его будущее в совершенствовании за счет собственных лексико-грамматических возможностей. Об этом, в частности, рассуждает в таких научных статьях, как «К проблеме единого литературного языка» (Будапешт, 1981), «О возможности создания единого литературного языка» (Будапешт, 1985) и др. Следует отметить, что к проблемам современных литературных языков П. Кокла проявляет весьма серьезный интерес. Есть у него исследования и по истории эстонского и других литературных языков.

Говоря о вкладе П. Кокла в марийское языкознание, необходимо отметить еще одну сторону его научной деятельности. Мы имеем в виду его многочисленные публикации, связанные с ознакомлением зарубежных исследователей с достижениями марийского языкознания – рецензии, обзоры, отзывы о трудах марийских ученых. Он опубликовал их в различных зарубежных изданиях – в Германии, Венгрии, Финляндии, Швеции, Эстонии и

т.д. Большинство из этих трудов написаны на немецком и других иностранных языках. В их числе можно назвать рецензии на «Словарь северо-западного наречия» И.Г. Иванова и Г.М. Тужарова (Висбаден, 1973), на «Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.М.Васильева» (СФУ, 1986), а также на диссертации Е.Н. Мустаева (СФУ, 1975), Г.Н. Валитова (СФУ, 1979), А.Н. Куклина (СФУ, 1983), С.С. Сибатровой (СФУ, 1988) и др.

В этих заметках мы больше коснулись научной деятельности П. Кокла, связанной с марийским языком. Это естественно, он нам, марийцам, дорог прежде всего как исследователь и пропагандист марийского языка, сам прекрасно владеющий разговорной (он хорошо знает все диалекты марийского языка) и литературной марийской речью.

Но в то же время мы все хорошо знаем, что П. Кокла, хотя получил известность в научном мире как исследователь марийского языка, душой и сердцем он все же остается эстонцем, он сын эстонского народа, эстонский ученый-языковед. Во многих областях эстонского языкознания он показал себя блестящим исследователем. Велики его заслуги в области лексикографии. Он один из авторов изданного в Финляндии большого «Финско-эстонского словаря» (1971) и изданного в Таллинне «Эстонско-финского словаря» (1972). И сейчас он занят подготовкой большого двухтомного финско-эстонского словаря. Немало его заслуг и в области развития современного эстонского литературного языка.

Значительную часть своей жизни наш юбиляр провел за пределами своей любимой Эстонии. Читал лекции по проблемам финно-угроведения, в т.ч. и марийского языкознания, в университетах городов Гёттинген, Гамбург (Германия) в 1972-73, 1997 годах, Турку (Финляндия) в 1980-82 годах, Хельсинки в 1981 году, в католическом университете П. Пазмани (Венгрия) в 1994 году, долгое время заведовал кафедрой финно-угорских языков в университете г. Печ (Венгрия).

За заслуги в области финно-угроведения многие зарубежные научные общества избрали его своим иностранным членом. Он член Финно-угорского общества (Хельсинки), Общества финского языка (Турку), Общества (Társasag) венгерского языка (Будапешт), Урало-Алтайского общества (Гамбург) и т.д. А ученый совет университета г. Сегеда (Венгрия) в 1996 году присвоил ему ученую степень доктора философии.

После смерти своего учителя профессора П. Аристэ в Эстонии П. Кокла остался единственным исследователем марийского языка. Он продолжает дело, начатое профессором П. Аристэ, основавшим целую школу марийских языковедов. Как и его учитель, он активно занимается с молодыми марийскими студентами, обучающимися сейчас в вузах Эстонии.

Сейчас, по прошествии многих лет, я все больше общего нахожу между двумя Паулями - нашим общим учителем академиком Паулем Аристэ

и нашим юбиляром, нашим другом Паулем Кокла. Та же простота, эрудированность, неподдельная скромность, знание многих языков, широта интересов, масштабность мышления.

Юбиляр полон сил и энергии, одержим новыми научными идеями. Пожелаем ему здоровья, творческого долголетия и много добрых и надежных друзей в жизни!

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Евгений Игушев
Сыктывкар

ЮБИЛЕЙ А.Н. РАКИНА

В июне 1999 года исполнилось 50 лет известному исследователю пермских языков, доктору филологических наук Анатолию Николаевичу Ракину.

А.Н. Ракин родился 18 июня 1949 года в селе Деревянск Усть-Куломского района Коми АССР в семье учителя. В 1956-1967 годах учился в Деревянской средней школе, затем поступил на историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института. В студенческие годы А.Н. Ракин не только упорно осваивал учебные дисциплины, но и был активным участником литературно-творческого кружка, членом редколлегии литературной стенгазеты "Первопуток" и рукописного журнала "Запев". Писать стихи А.Н. Ракин начал ещё в школьные годы, первая поэтическая публикация относится к 1968 году. Подборки его стихов в различные годы выходили в журнале "Войвыв кодзув", в республиканских газетах "Югыд туй", "Красное знамя", районной газете "Ленин туйöд", в коллективном сборнике "Парма гор".

После окончания пединститута в 1971 году молодой филолог был приглашён на работу в Институт языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. В октябре его направляют в Москву для поступления в целевую аспирантуру при Институте языкознания АН СССР по специальности "Финно-угорские и самодийские языки". Научным руководителем аспиранта становится один из самых выдающихся финно-угроведов страны профессор В.И. Лыткин, возглавлявший в то время в Институте языкознания сектор финно-угорских языков. До завершения первого года учёбы А.Н. Ракина призывают на военную службу. После возвращения из армии он восстанавливается в аспирантуре и продолжает работу над диссертацией. С целью сбора фактического материала для диссертации А.Н. Ракин каждое лето выезжает в составе диалектологической экспедиции Коми фи-

лиала АН СССР в различные районы Коми АССР, в последующие годы полевые исследования он проводит также за её пределами - в Пермской и Мурманской областях. В феврале 1976 года завершается курс аспирантуры А.Н. Ракина, он возвращается в Сыктывкар и устраивается на работу в качестве младшего научного сотрудника в секторе языка Института языка, литературы и истории. В 1978 году Анатолий Николаевич в Тартуском государственном университете успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему "Лексика флоры коми языка". Официальными оппонентами выступили известные в финно-угорском мире учёные - эстонский профессор П. Альвре и удмуртский лексиколог кандидат филологических наук С.В. Соколов. Следует отметить, что в то время данная тема относилась к числу неизученных не только в коми, но и в других финно-угорских языках. Впоследствии по примеру А.Н. Ракина аналогичные диссертации были подготовлены по карельскому, марийскому и мордовским языкам.

В 1982 году, в очень ответственный для Института языка, литературы и истории период времени, когда началась подготовка к очередному VI Международному конгрессу финно-угроведов, Анатолий Николаевич становится учёным секретарём Института, т.е. вторым должностным лицом в руководстве учреждения, в сфере деятельности которого оказываются не только организационное обеспечение исследований по языкознанию, фольклористике, литературоведению, искусствознанию, истории, археологии, этнографии и социологии целого научного коллектива, но и решение конкретных вопросов по проведению самого крупного научного форума финно-угроведов всего мира. VI МКФУ состоялся в Сыктывкаре в августе 1985 года. По мнению большинства участников конгресса, он был организован на самом высоком уровне и заметно отличался от всех предыдущих. С конца 1985 года А.Н. Ракин работает заведующим сектором языка Института языка, литературы и истории, затем старшим научным сотрудником данного подразделения.

В первый период своей научной деятельности А.Н. Ракин ведёт исследования в составе исполнителей коллективных тем "Лексикология коми языка", "Словарь коми языка", "Научный справочник Коми АССР", "Энциклопедия коми языка". Проводимые учёным исследования представляют собой новое направление в коми и пермском языкознании. Одним из первых среди коми лингвистов он приступает к изучению стилистики. Результатом многолетних изысканий в данной сфере явился раздел "Функционально-стилистическая характеристика лексики коми языка" в коллективной монографии "Современный коми язык. Лексикология", вышедшей в Москве в издательстве "Наука" в 1985 году. В этой книге дана характеристика всех основных стилей коми литературного языка - художественного, публицистического, официально-делового, научного, разговорно-бы-

но-бытового, определены как функциональные, так и экспрессивно-стилистические признаки каждого из них

С 1990 года А.Н. Ракин проводит исследования по индивидуальным плановым темам "Антропотоминимическая лексика в пермских языках" (1990-1995), "Словарный фонд отраслевой лексики пермских языков" (1996-1998), "Сравнительный словарь биологической лексики пермских языков" (с 1999 года). По результатам выполнения первой темы составлен заключительный научный отчёт и издана монография. В итоге завершения второй темы впервые создан уникальный картотечный фонд народной естествоведческой терминологии, позволяющий проводить разносторонние исследования по коми-зырянской, коми-пермяцкой и удмуртской отраслевой лексике.

Докторскую диссертацию "Антропотоминимическая лексика в пермских языках" в виде научного доклада А.Н. Ракин защитил в Марийском государственном университете в октябре 1997 года. Оппонировали её профессор Сыктывкарского госуниверситета Е.А. Игушев, профессор Елабужского пединститута Л.Ш. Арсланов и доктор филологических наук из Ижевска М.Г. Атаманов. При обсуждении диссертации высокую оценку дали такие крупные учёные, как марийский профессор Ф.И. Гордеев и удмуртский профессор И.В. Тараканов. Данное исследование А.Н. Ракина представляет собой комплексный лингвистический анализ анатомической лексики коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков, составляющей единую систему и относящейся к основному словарному фонду. Значимость диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые в финно-угроведении прослеживается эволюция формирования и развития антропотоминимической системы на всех важнейших этапах истории пермских языков: в прауральскую, прафинно-угорскую, прафинно-пермскую, прапермскую, пракоми и современную эпохи. После получения диплома доктора филологических наук А.Н. Ракин избирается на должность ведущего научного сотрудника.

В 1998 году в Московском издательстве ДИК вышла энциклопедия "Коми язык", подготовленная группой коми лингвистов. Для этой книги по различным проблемам лексикологии, лексикографии, стилистики, топонимии, диалектологии, синтаксиса, пунктуации, этимологии и истории коми языка А.Н. Ракиным написано более 40 статей, в том числе такие основополагающие статьи, как "Коми язык", "Коми-пермяцкий язык", "Коми-язьвинское наречие", "Пермские языки", "Общие черты пермских языков", "Прапермский язык", "Родство финно-угорских языков", "Финно-угорский праязык", "Уральский праязык".

Общий список научных трудов А.Н. Ракина состоит из 150 наименований, большинство из них опубликовано, десять работ вышло отдельными изданиями. Публикации Анатолия Николаевича получили высокую оценку

в нашей стране и за рубежом. Большой популярностью среди читателей пользуются такие книги, как "Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь", "Коми анатомический словарь", "Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь", "Ботаническая терминология коми языка". С целью внедрения результатов своих исследований в языковую практику А.Н. Ракин выступает в периодической печати, оказывает консультативную помощь работникам коми телевидения и радио, газет и журналов, принимает участие в подготовке специалистов по коми филологии в Сыктывкарском государственном университете, читает спецкурсы на кафедре коми и финно-угорского языкознания, работает председателем Государственной аттестационной комиссии на финно-угорском факультете, руководит дипломными работами студентов, научно-исследовательской работой аспирантов. А.Н. Ракин известен своей переводческой деятельностью, на протяжении многих лет он сотрудничает с финскими специалистами по переводу на коми язык и подготовке к изданию библейских текстов.

А.Н. Ракин активно участвует в работе всесоюзных и региональных конференций и симпозиумов по финно-угорским и пермским языкам, выступал с докладами на V, VI, VII и VIII Международных конгрессах финно-угроведов в Турку (1980), Сыктывкаре (1985), Дебрецене (1990) и Ювяскюля (1995). По приглашению Министерства просвещения Финляндии в 1991 и 1992 годах выезжал в Рованиеми и Куопио на летние курсы финского языка.

Благодаря плодотворной научной деятельности А.Н. Ракин заслужил большой авторитет и получил признание среди учёных. В 1982-1987 годах он являлся членом учёного совета Института языка, литературы и истории Коми научного центра, в 1985 году Президиумом АН СССР ему присвоено звание старшего научного сотрудника, с 1994 года - член редколлегии журнала "Финно-угроведение", издающегося в Йошкар-Оле, в 1997 году избран зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки). А.Н. Ракин награждён почётными грамотами Совета Министров Коми АССР, Президиума Коми научного центра УрО РАН, ему присуждена премия и звание Лауреата Коми комсомола в области науки за 1981 год.

Коллеги, друзья и аспиранты поздравляют Анатолия Николаевича с юбилеем, желают крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Иван Автайкин
Саранск

ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ ЕФИМОВУ 70 ЛЕТ

Известный историк, кандидат исторических наук, заслуженный работник высшей школы Республики Мордовия, профессор кафедры новейшей истории народов России Историко-социологического института Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарева, академик Финно-угорской Академии, член исполкома Совета съезда мордовского народа Иван Андреевич Ефимов родился 16 ноября 1929 г. в с. Чукалы Атяшевского района Республики Мордовия.

Детство Ивана Андреевича было крайне тяжелым. Семи лет остался без матери. Мать Матрена Яковлевна в 1936 г. умерла. Три года спустя отец Андрей Петрович переехал жить в Дагестан, в г. Махачкалу. С собой взял двух сыновей: Ивана и Трофима. Наверное, не зря говорят, что беда не ходит одна: в 1940 г. умирает и отец.

Осенью 1940 г. старший брат Михаил приехал за братьями в Дагестан и увез их обратно в Мордовию, в родные Чукалы. Михаилу самому тогда было только 17 лет, но нельзя было оставлять братьев на произвол судьбы. Учился Михаил тогда в Козловском педучилище. Как только началась Великая Отечественная война, его взяли на фронт, он был офицером, в 1944 г. погиб. В 1943 г. в Красную Армию призвали и второго брата - Трофима. Сестра постарше, Анна, в то время находилась в Москве.

Ивана вынуждена была приютить родственница-монашка. Она была очень верующим человеком - ходила пешком в Иерусалим и два раза в Киево-Печорскую лавру. И опять беда: в 1944 г. умерла и эта тетка. Ивана Андреевича в свою семью взяла старшая сестра Фекла Андреевна. У нее самой было четверо детей. Муж с первых же дней войны погиб. Деваться было некуда, пришлось приютить у себя младшего брата, одной воспитывать своих четверых детей да еще брата - пятого было крайне тяжело. Так Иван Андреевич с племянниками рядом рос, посещал школу, учился, от то-

варищей не отставал. Учеба ему давалась легко. В 1945 г. по стопам старшего брата Михаила Иван Андреевич поступает в Козловское педучилище.

В педучилище, как вспоминает сокурсник, теперь доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества Мордовского госуниверситета Н. Е. Адушкин, Иван Андреевич стремился хорошо учиться. Правда, пропускал занятия, подрабатывал. Однако он прилагал усилия, чтобы не отставать от товарищей, был активным комсомольцем, выполнял многочисленные поручения.

После окончания педучилища в 1948 году молодой учитель получил направление в Аловскую среднюю школу Атяшевского района. Здесь он начинал осваивать азы любимого педагогического труда. Но уже в 1949 г. был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке в Морфлоте и одновременно учился на историческом факультете Дальневосточного университета. Окончил 4 курса.

В 1954 г., после службы во флоте, вернулся в родные края, в родную Мордовию. 7 лет, до 1961 г., проработал учителем в Явасской школе и заочно продолжал учебу в Мордовском пединституте на историческом факультете, который окончил в 1956 г. В 1961 г. выехал в г. Шахтинск Карагандинской области. В школе № 2 этого города стал работать директором, но в 1962 г. вернулся в Мордовию. До 1964 г. работал директором школы в пос. Явас.

В 1964 в жизни Ивана Андреевича начинается новый этап, новые заботы, новые волнения, но уже иного плана. В этом году он успешно выдерживает экзамены и поступает в аспирантуру Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР.

И.А. Ефимов под научным руководством Н.С. Мутовкина написал кандидатскую диссертацию о событиях гражданской войны в Мордовии, которую в 1968 г. успешно защитил в Московском педагогическом институте им. Н.К. Крупской.

В аспирантуре Иван Андреевич нашел не только научное призвание, но и счастье в личной жизни. Здесь он встретил аспирантку Марию Федоровну Ватанину. Они поженились, вырастили дочь и сына. Дочь Анна Ивановна пошла по стопам отца. Она теперь доцент, кандидат исторических наук, работает с отцом на одной кафедре. Мария Федоровна работает на филологическом факультете Мордовского университета, доцент, кандидат филологических наук. У них растут два внука.

Ивану Андреевичу в аспирантуре посчастливилось и в том, что с ним учились великолепные товарищи, люди ищущие, устремленные. Особая близость соединяла его с Д.Т. Надькиным. Они уже в те аспирантские годы немало говорили о национальных проблемах эрзи и мокши, об их истории, культуре. Ведь не случайно впоследствии Д.Т. Надькин и И.А. Ефимов в

конце 1980 – 1990 гг. оказались одними из лидеров национального движения «За подлинное возрождение культуры эрзян и мокшан».

В 1967 г. после окончания аспирантуры И.А. Ефимов стал работать ассистентом кафедры истории КПСС, а в 1968 г. был переведен старшим преподавателем этой же кафедры. В 1970 г. его избрали доцентом кафедры истории СССР. Вскоре он был избран деканом исторического факультета.

В 1972 г. Высшая аттестационная комиссия утвердила его в ученом звании доцента. И с 1973г. он работает доцентом кафедры истории СССР, которая переименована в кафедру новейшей истории народов России, на которой успешно трудится и в настоящее время.

За более чем тридцать лет работы на историческом факультете Мордовского государственного университета он обучил не одну сотню студентов-историков, которые сегодня успешно трудятся не только в школах Мордовии, но и всей России. Среди них учителя истории, завучи, директора школ и преподаватели вузов.

Профессор И.А. Ефимов успешно ведет руководство аспирантами. Под его руководством аспиранты успешно защищают кандидатские диссертации. Смело можно утверждать, что у него появилась своя научная школа.

Студенты и аспиранты знают его как многоопытного, квалифицированного, требовательного и справедливого преподавателя высшей школы, с глубокими знаниями ученого. Его лекции и семинары интересны, глубоко научны. Они заставляют слушателя размышлять о законах истории.

В научно-педагогической деятельности профессора И.А. Ефимова видное место занимает работа по разработке и изданию научно-методической литературы: учебных планов, программ, методических указаний, пособий. В 1989 г. он опубликовал учебное пособие "Аграрный строй Поволжья накануне 1917 г.: историография проблемы и методы исследования". Книга с интересом была встречена не только студентами, но и широким кругом читателей. Автор на основе тщательного и глубокого анализа многочисленных и разнообразных источников показывает свое видение аграрной политики и практики в Поволжском крае.

И.А. Ефимов является одним из авторов вузовского учебного пособия "История Мордовской АССР", изданной в 1976 г. У профессора широки и многогранны научные интересы. Его исследования идут по двум основным направлениям: аграрная революция и гражданская война в Мордовии и на Средней Волге; национальные проблемы финно-угорских народов России. Всего им опубликовано свыше 50 содержательных научных исследований. Среди них и брошюра "Мордва", изданная в 1990 г. в Венгрии издательством Будапештского университета.

Он является активным участником международных, российских, межвузовских и вузовских научных и научно-практических конференций. Его выступления постоянно встречаются с большим интересом из-за новизны и актуальности рассматриваемых проблем.

И.А. Ефимова знают не только в Мордовии, но и во всем финно-угорском мире как одного из лидеров национального движения мокшан и эрзян. Невозможно умалить его большой вклад в подготовку и проведение трех съездов мордовского народа, в подготовку проектов документов, принятых съездами и Советами съездов. Иван Андреевич был одним из организаторов двух съездов финно-угорских народов России, двух конгрессов финно-угорских народов мира. Он избирался сопредседателем Совета съездов мордовского народа, сопредседателем ассоциации финно-угорских народов России, членом консультативного комитета финно-угорских народов мира, является членом исполнительного комитета Совета съездов мордовского народа. Во всех этих общественных организациях он неутомимо трудится, выдвигая и добиваясь решения важнейших проблем возрождения культуры эрзян и мокшан.

3 октября 1995 г. Совет Государственного собрания Республики Мордовия присвоил Ивану Андреевичу Ефимову почетное звание Заслуженный работник высшей школы Мордовии, а в 1998 г. он избран действительным членом Финно-угорской академии наук.

Крупный ученый, опытный педагог, известный общественный деятель полон творческой энергии и больших надежд в возрождении родного народа.

Пожелаем Ивану Андреевичу крепкого здоровья, больших творческих удач в работе и много-много счастья.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Геннадий Сепеев
Йошкар-Ола

Т.А. КРЮКОВА И ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ МАРИЙЦЕВ
(к 95-летию со дня рождения)

Татьяна Александровна Крюкова (1904-1978) - известный ученый финно-угровед, специалист по этнографии народов Поволжья и Приуралья, видный практик музейной собирательской и исследовательской работы. Ее деятельность в основном связана с Государственным музеем этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей, Санкт-Петербург), где она трудилась 45 лет, в т.ч. с 1944 г. возглавляла отдел народов Поволжья и Приуралья.

Родилась Т.А. Крюкова 30 декабря 1904 года в г. Минусинске Енисейской губернии, в семье лесничего. Через несколько лет ее отец перевелся в Козьмодемьянское уездное лесничество, и детство и юность Татьяны Крюковой прошли в Козьмодемьянске, который она считала своей второй родиной. Здесь она училась в гимназии, получила среднее образование, была очевидцем исторических событий 10 – 20 гг. (войны, революции, образование автономии). Показ картин Волго-Камской передвижной выставки, размещенной в залах женской гимназии, затем навечно оставшейся в городе, открытие художником А.В. Григорьевым на ее основе первого в крае музея, дополненного предметами хозяйства, быта, декоративного искусства, пробудили у девушки интерес к народному и профессиональному искусству. В 1922-1925 гг. она училась на этнолингвистическом отделении Ленинградского университета, увлеченно занималась этнографией и музееведением. После нескольких лет стажировки в Карловом университете в г. Праге она вернулась в Козьмодемьянск, с музеем которого сотрудничала в студенческие годы. Она опубликовала брошюру о принципах построения экспозиции Козьмодемьянского музея (М., 1928). Основатель музея А.В. Григорьев, в то время уже Председатель Союза советских художников, в письме директору музея и канткому партии рекомендовал Т.А. Крюкову в

качестве научного сотрудника музея со словами: «Очень ценный работник!». Несколько документов из Госархива РМЭ свидетельствуют об успешной работе специалистки в Козьмодемьянском музее и кантонном отделении Марийского общества краеведения. Она способствовала значительному обогащению фондов музея, расширила экспозицию музея по шести отделам, привлекала и знакомила местных краеведов с методикой сбора и изучения краеведческих материалов. Ей было поручено составление отчета кантонного отделения краеведческого общества съезду краеведов области. Козьмодемьянское отделение было признано на съезде в числе лучших в области, в чем есть и ее заслуга.

Это предопределило ее дальнейшую работу - Т.А. Крюкову пригласили в Госмузей этнографии народов СССР в Ленинграде, где она вскоре определилась в отдел народов Поволжья и Приуралья. За годы работы в музее она осуществила значительный и разнообразный круг работ по собиранию этнографических материалов в этом многонациональном регионе. Она создавала и обновляла экспозиции и выставки в залах музея, изучала материальную и духовную культуру народов региона. Наибольший вклад она сделала в исследование этнографии марийцев.

Свою работу в музее Т.А. Крюкова начала с изучения марийских коллекций фонда. Пораженная богатой коллекцией около 1 тыс. предметов одежды тоншаевских марийцев, украшенной великолепной вышивкой (из коллекции археолога П.П. Ефименко 1911 г. без аннотированной описи), она выехала в первую экспедицию (1934 г.) для идентификации вещей и составления квалифицированной описи. С фотокопиями вещей она обошла марийские деревни Тоншаевского района Горьковского края и собрала богатый материал. Это вдохновило ее на научное изучение одежды и вышивки марийцев. После выполнения заданий по созданию новой экспозиции музея по народам Поволжья Т.А. Крюкова, изучив соответствующую литературу, проведя другую подготовительную работу, осуществила в 1938-1940 гг. экспедиционные поездки в Марийскую АССР.

Результатом анализа одежды и вышивки марийцев, собранных ею и ее предшественниками, явилась монография – альбом «Марийская вышивка», подготовленная ею на средства ГМЭ и МарНИИ в 1941 г., к 20-летию республики. Но от бомбы пострадало здание типографии в блокадном Ленинграде, и матрицы книги были утрачены. Автору, занятому и другой работой в музее, пришлось по существу заново восстанавливать проделанную ранее работу по изданию книги. Она была опубликована через 10 лет после первичной готовности. Книга "Марийская вышивка" (Ленинград, 1951) вышла к 30-летию Марийской АССР. Она получила высокую оценку научной общественности и специалистов в республике и за ее пределами, вызвала новый всплеск интереса к использованию ее материалов в практике художников, модельеров и вышивальщиц.

Продолжая сотрудничество с МарНИИ, музеями г. Йошкар-Олы и Козьмодемьянска, Т. А. Крюкова провела в 50 – 60 гг. ряд экспедиций в республике, привлекая местных сотрудников. Фонды института пополнялись полевыми материалами (отчеты, фотографии), его издания - статьями в научных сборниках МарНИИ, а фонды музеев - новыми вещевыми коллекциями. Результатом дальнейшего изучения этнографии марийцев явилась монография Т.А. Крюковой "Материальная культура марийцев XIX века" (Йошкар-Ола, 1956), представляющая собой первую после революции детальную характеристику традиционного внешнего быта марийского населения (занятия и промыслы, поселения и жилища, средства передвижения и костюм, пища и утварь). Как одному из лучших в то время знатоков этнографии марийцев, ей было поручено написать очерк "Марийцы" для тома "Неславянские народы Европейской части СССР», издаваемой Институтом этнографии АН СССР многотомной серии "Народы мира". Этот очерк, опубликованный во II томе двухтомника "Народы Европейской части СССР" (М., 1964), обобщил результаты изучения традиционной и современной материальной и духовной культуры, хозяйственного, общественного и семейного быта, обычаев и обрядов марийцев. достижений их в профессиональных сферах культуры и искусства.

В 60-70-х гг. Т.А. Крюкова активно занималась исследованиями этногенеза, этнической истории и межэтнических взаимосвязей народов Поволжья и Приуралья. На эту тему она неоднократно выступала на различных научных конференциях - всесоюзных, региональных, республиканских и т.д., опубликовала ряд статей в центральных и республиканских изданиях. Так, она дважды выступала на конференциях в Йошкар-Оле: на научной сессии по этногенезу марийского народа (1965 г.) и на Всесоюзной конференции по финно-угроведению (1969 г.) с докладами, посвященными проблемам происхождения марийцев по данным материальной культуры и этнографических параллелей финно-угров Поволжья и Западной Сибири. Вопросы этнической истории марийцев в докладах и публикациях, посвященных истории и культуре других народов Поволжья и Приуралья.

Значительный вклад Т.А. Крюковой в исследование этнографии марийского народа руководством и научной общественностью республики был отмечен награждением "Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Марийской АССР" и присуждением звания "Заслуженный работник культуры Марийской АССР».

В последние годы (перед кончиной в 1978 году) Т.А. Крюкова работала над монографией "Народная одежда марийцев (XIX-середина XX вв.)", которую она не успела завершить. Она написала лишь одну главу - "Комплексы костюма марийцев". Эту тему она считала наиболее слабо разработанной в предшествующих исследованиях.

В памяти работников науки и всех тех, кто ее знал и общался, она остается как плодотворный исследователь-подвижник, своим примером вдохновлявший марийских коллег на дальнейшее развитие исследований культуры и быта родного народа.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Сергей Кузьминых
Москва

ПАМЯТИ ВЛАДИСЛАВА ЕВГЕНЬЕВИЧА СТОЯНОВА

26 февраля 1999 года на 65-м году жизни остановилось сердце В.Е. Стоянова – известного археолога, музейного работника, педагога, научного редактора, Советника государственной службы 3-го класса Министерства культуры Российской Федерации, автора более 40 печатных работ. В этом перечне не все, но основные вехи его жизненного и творческого пути.

В.Е. Стоянов родился 2 сентября 1934 года в г. Днепропетровске, но корни семьи были московскими. Отец – военнослужащий – колесил по стране, а с ним и семья. Владиславу Евгеньевичу пришлось учиться в школах Казани, Москвы и Кинешмы. В 1953 – 58 гг. он студент истфилфака Казанского университета, где специализируется по археологии, будучи одним из последних учеников Н.Ф. Калинина – основателя Казанской археологической школы. Но уже в студенческие годы Владислав Евгеньевич становится близким сотрудником А.Х. Халикова и В.Ф. Генинга, принимая участие в полевых изысканиях Куйбышевской, Марийской и Удмуртской археологических экспедиций. После окончания университета, будучи лаборантом КГУ, он продолжил в 1958 – 59 гг. работы в Марийской экспедиции. В 1959 – 60 гг. Владислав Евгеньевич – в Государственном музее ТАССР, помогая А.М. Ефимовой в создании и строительстве новой археологической экспозиции. На этом заканчивается казанский период его жизни и деятельности, а с декабря 1960 г. начинается свердловский – основной в его творческой биографии, продолжавшийся 25 лет, полный взлетов, удач и разочарований.

В 1960 г. К.В. Сальников в очередной раз решительно направляет свою судьбу, переезжая по приглашению Р.Г. Кузеева на работу в Уфу. Вакантное место в Уральском университете предлагается В.Ф. Генингу, который хотел бы сохранить часть своей казанской команды, предлагая пере-

ехать вместе с ним В.Е. Стоянову и Е.П. Казакову. Последний, поколебавшись, отказался, Стоянов – решился. На историческом факультете УрГУ он прошел путь от ассистента до доцента, заведующего хозрасчетной лабораторией. Читал курс лекций по истории первобытного общества, археологии, этнографии, истории Урала и музееведению; руководил десятками курсовых и дипломных работ, несколькими кандидатскими диссертациями. В его арсенале этих лет – прекрасно раскопанные памятники поздней бронзы, раннего железного века и средневековья в Удмуртии и в Зауралье, кандидатская диссертация «Ранний железный век Западной Сибири».

Приходится сожалеть, что из нее опубликованы только выжимки, хотя эта работа в 60 – 70-е гг. задала столь высокую планку, что и спустя десятилетия многие обращавшиеся к проблематике РЖВ Западно-Сибирской равнины по сути не вышли за рамки идей и подходов, предложенных В.Е. Стояновым. Особо следует отметить интуицию Владислава Евгеньевича, направлявшего и своих учеников на разработку казалось бы невыигрышных проблем уральской археологии. Но с годами эти проблемы и темы, выполненные В.А. Борзуновым, Л.Н. Коряковой, Г.В. Бельтиковой и др., составили тот научный задел, без которого ныне немыслима история Урала в РЖВ. Однако сам Владислав Евгеньевич, отдавая должное успеху учеников, и годы спустя, уже в Москве, продолжал предъявлять к их идеям и методическим подходам еще более строгие оценки.

К сожалению, плодотворное научное сотрудничество В.Ф. Генинга и В.Е. Стоянова в Свердловске оказалось недолгим. Стоянов защищал кандидатскую диссертацию уже без научного руководства Генинга, консультируясь с А.П. Смирновым и В.Н. Чернецовым. Я не хочу вдаваться в суть их разногласий, но пользы археологии Уральского университета этот раскол не принес, сломав немало судеб их учеников.

После переезда В.Ф Генинга в Киев в 1974 г. В.Е. Стоянов возглавил уже сложившийся коллектив хозрасчетной археологической лаборатории, стал научным редактором серии «Вопросы археологии Урала», расширил круг спецкурсов по археологии и смежным дисциплинам, приглашая для чтения лекций известных и мыслящих специалистов – М.П. Грязнова, Г.П. Григорьева, Е.Н. Черных, И.С. Каменецкого и многих других (программы некоторых спецкурсов были изданы, являясь ныне раритетом). Попытался расшевелить коллектив: кого-то ушедших из археологии вернул в него, кому-то помог определиться с темой, кого-то уже с готовой темой «сосватал» для прикрепления в Москву или Питер и т. д. По сути он стремился как-то ослабить генинговский авторитарный дух и стиль руководства, но это ему не удалось. «Гены» В.Ф. Генинга оказались прочнее и глубже. Коллектив – в большей своей части – не поддержал «реформы» Стоянова, и ему в итоге пришлось оставить руководство лабораторией.

Пожалуй, с этого момента что-то не заладилось в его внутреннем ми-

ре, а затем и в научной и преподавательской карьере. Не пошла работа над историографической темой, связанной с археологией РЖВ Волго-Камья, Урала и Западной Сибири, испортились отношения в лаборатории и на кафедре, начался разлад в семье, радость и огорчения – все вместе – приносят и немногие ученики. С ними он старался выбраться в экспедиции – в Воробьево, на Думную и на другие памятники. Но это не спасает положения, и в конце 1985 г. В.Е. Стоянов увольняется из Уральского университета. С февраля 1996 г. начинается его московский период жизни – период главным образом редакторской работы в издательстве «Наука», а с 1993 г. в центральном аппарате Министерства культуры РФ в должности ведущего специалиста и главного государственного инспектора.

Эти 13 московских лет не были для В.Е. Стоянова легкими. Но он с полной отдачей и ответственностью занимался любимой редакторской работой в «Науке», благословив в свет немало достойных книг. Владислав Евгеньевич был на своем месте и в управлениях по охране культурного наследия и недвижимых памятников истории и культуры Минкульта РФ. Он был признанным экспертом законодательных тонкостей, и его с благодарностью вспоминают не только сотрудники Министерства, но и многие работники областных и республиканских управлений культуры, включая археологов. Будучи профессионалом, Владислав Евгеньевич мог найти самый верный законодательный ход к необходимой формулировке в защиту той или иной охранной акции. Он не мог оставаться равнодушным, когда дело касалось гибели памятников. В чиновничьей среде такое рвение часто бывает наказуемым. Под благовидным предлогом – в связи с достижением предельного возраста – в апреле 1998 г. его увольняют из Министерства культуры, и в последние месяцы своей жизни В.Е. Стоянов включается в работу сектора научно-методических проблем сохранения культурного наследия Российского НИИ культурного и природного наследия.

Я познакомился с Владиславом Евгеньевичем в конце января 1970 года. В связи с моим докладом о Н.Ф. Калинине на конференции, посвященной 25-летнему юбилею студенческого археологического кружка Казанского университета. С годами я узнал его ближе, более того – проникся к нему симпатией, несмотря на его порою несносный характер и снобизм. Мне дороги воспоминания о наших совместных полевых сезонах на Думной, раскопки которой он возобновил вместе с Г.В. Бельтиковой. Участие в них оказалось важным как в методическом плане, так и в чисто познавательном. Ведь это край Баженовских былинок: Гумёшки, Азов, Думная, Караульная, Баженова. Но еще более важными, как вспоминается сейчас, были долгие, часто ночные, разговоры об археологии и людях в ней, и еще – полюбившиеся ему поэтические строки, тем более, что я оказался благодарным слушателем. Он любил в ту пору пиджаки с большими карманами (размещая в них целую поэтическую библиотеку) и соевые конфеты, ода-

ряя ими в хорошем расположении духа.

В.Е. Стоянов останется в моей памяти прежде всего как первоклассный специалист в области археологии раннего железного века Волго-Камья, Урала и Западной Сибири. Его раскопки Богородского и Русинихинского городищ на Ветлуге в 50-е гг. по сей день остаются единственным полноценным источником для изучения культуры этого края в РЖВ. Они многое дали и для характеристики древнемарийской культуры региона. И хотя Владислав Евгеньевич так и не опубликовал свои отчеты, результаты его разысканий занимают важное место в работах А.Х. Халикова и Г.А. Архипова. В.Е. Стоянов создал первую подлинно научную периодизацию памятников ананьинской культуры Удмуртского Прикамья. Немало им сделано и для изучения средневековых древностей этого региона. Но главный его вклад в науку связан с РЖВ Урала и Западной Сибири. Предложенные Владиславом Евгеньевичем систематизация и периодизация погребальных памятников стали ориентиром для всех последующих опытов. По своему уровню та работа вполне заслуживала присуждения не кандидатской, а докторской степени.

В.Е. Стоянов многое из задуманного не сумел реализовать. Хотелось бы увидеть опубликованными его ветлужские отчеты и рукописи монографии о РЖВ Западной Сибири: она не только факт историографии, а предмет пристального и заинтересованного внимания специалистов. Стоянов имеет право на участие в диспуте. Многие идеи Владислава Евгеньевича питали и будут питать поиски его учеников.

"Финно-угроведение". 1999. № 4.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: BEKE ÖDÖN. Mari nyelvjarasi szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) t. 1 – 3. Savariae, 1997–1998.

В 1998 году увидел свет третий том словаря марийских диалектов венгерского академика Эдена Беке, посвятившего всю свою сознательную жизнь изучению марийского языка. Первые два тома были опубликованы в 1997 г. Все три тома словаря включают в себя марийские слова на буквы: а, б, в, е, ы, ы, и, й, к, г. В предпосланном словарю предисловии профессор Габор Берецки пишет, что составление этого словаря Э. Беке посвятил 40 лет своей жизни. В последнее время ему помогали София Веленяк и Йожеф Эрдеди. После смерти академика словарь редактировал Г. Берецки, а Маргарита Кузнецова корректировала и вносила поправки. Бывший ректор Сомбатхейского педагогического института Янош Пустаи взял на себя инициативу по изданию словаря. Материал для словаря Э. Беке собирал в течение двух с половиной лет в 1916 – 1918 гг. по заданию Венгерской академии наук от 29 марийцев-солдат, попавших в плен в первую империалистическую войну. Солдаты были из разных регионов России: 1- из Пермской области, 3 – с Бирской стороны, 3 – из Малмыжской стороны, 4 – из Уржумской и Сернурской стороны, 3 – со стороны Йошкар-Олы, Морков, 2 – из Звениговской стороны, 1 – из Ветлужской и 7 – горномарийской стороны.

Было бы весьма интересно узнать краеведам: все ли вернулись они домой, например, Рыбаков Дмитрий из д. Туршымучаш Медведевского района, Кириллов Кузьма из с. Исменцы Звениговского района, Ивайков Федор – из Чихайдарова (ныне входит в состав г. Йошкар-Олы), Александров Григорий из с. Еласы Горномарийского района, Андрианов Василий из д. Староорьебаш Бирского района Башкирии, Николаев Григорий из д. Большие Маламасы Звениговского района, Лебедев Данил – из д. Петрушкино Уржумского района Кировской области, Ахтулов Николай – из д. Отюково Яранского района Нижегородской области, Никитин Илья – из д. Арба Тоншаевского района Нижегородской области, Никитин Игнатий – из д. Кюшнур Медведевского района Марий Эл, Николаев Кирилл – из д.

Юшуттур Моркинского района Марий Эл, Кузьминых, Михайлов – из д. Средний Ядыкбеляк Новоторъяльского района Марий Эл. Э. Беке почему-то не указал фамилии всех его информаторов. Диалектологические и фольклорные материалы очень богаты. Еще при жизни Э. Беке издал их восемью томами. Кроме того, после его смерти Янош Пустаи издал два тома его материалов. Материалы включают в себя все жанры марийского фольклора. В своем кратком предисловии к словарю Маргарита Кузнецова исключительно правильно отметила, что этот словарь по сравнению с до сих пор изданными марийскими словарями диалектов самый богатый и имеет очень большое значение для науки. Словарь может быть использован при исследовании фонетической, морфологической и синтаксической систем марийского языка, их пути развития, ареал распространения марийских диалектов, процесс их взаимоперехода. Иллюстративные примеры словаря могут быть использованы и фольклористами, и этнографами.

Действительно, словарь полностью построен на основе материалов устного народного творчества марийского народа, здесь нет ни одного примера из художественного произведения или периодической печати. Это дает возможность исследователю изучить структуру и богатство народно-разговорной речи марийцев 80-летней давности. Однако мне, как читателю и потенциальному пользователю этим словарем, хотелось бы высказать некоторые свои замечания по поводу словаря. Во-первых, в отношении построения словника, вернее, о принципе построения его. Я не очень согласен с тем, что словарь построен гнездовым способом, как пишет в своем предисловии М. Кузнецова. На мой взгляд, здесь твердого принципа нет: гнездовой и алфавитный принцип смешаны. Э. Беке свой материал старался подать в алфавитном порядке, пользуясь главным образом финно-угорской транскрипцией, но в то же время в эту же словарную статью он включил и грамматические формы заглавного слова, сложные слова, образованные с участием этого слова и даже словосочетания, например: *ава, ӓвӓ, авай, ави, ӓви, ачат-ават, ававел, ававелшудо, ава-комбо, ӓвӓ-комбы, авапун, ава-сӧсна, вес-ава, изава, кресм-ава, сасна-ӓвӓ* (с. 19). В то же время такие слова, как *авагумдыр, авалийше* даны отдельными словарными статьями (с. 19-20). Мне кажется, словарь диалектов построить по алфавитному принципу было бы лучше: удобнее пользоваться и легче понять читателю, а не так, например: *вӱчкем* 'похлопываю по спине' (все глаголы в словаре даны в форме 1-го лица ед. числа) имеет свой фонетический вариант без начального согласного в других диалектах. Этот фонетический вариант не включен в одну словарную статью с *вӱчкем*, выделен в отдельную словарную статью: *учкалам*, тут же *вӱчкалам* (с. 254). Такой необходимости, на мой взгляд, нет. Было бы лучше, как мне кажется, сложные и составные слова дать отдельными словарными статьями: это бы облегчило пользование словарем. Наверно, нет необходимости включать в одну словарную статью

ававелшудо – название травы, *авапун* 'пушок под перьями', *изава* 'мачеха' и *ававел* 'мачеха': ведь они самостоятельные слова.

В марийском языке нередко конечный гласный действительного причастия при употреблении его в значении имени существительного перед притяжательным суффиксом, употребленным в непритяжательном значении, выпадает, поэтому такую краткую форму нельзя выделить в отдельную словарную статью, как это сделано в словаре Э. Беке, а нужно бы в скобках привести его полную форму: *ажыш (е)*: *ажышет адакат тӱнале тӧрш-тылаш*. В словаре же дана краткая форма *ажыш* и переведена как «неистовство, ярость, разгул», «бешенство», тогда как *ажыше* имеет значение «бешеный, взбесившийся (о пьяном человеке)».

Указанные выше недочеты в целом технического характера, и они часто зависят от замысла автора. Если их оставить в стороне, а автор вполне вправе это сделать, то нужно сказать, что рецензируемый словарь исключительно качественный и полезен для всех. Взять хотя бы одну словарную статью *юмо* «бог», каких только названий марийских богов там нет! Исследователь марийской религии здесь найдет для себя богатейший материал для своих раздумий. С нетерпением будут ждать ученые появления следующих томов словаря. А марийские языковеды, думается, подготовят и в скором будущем издадут сравнительный словарь современных марийских диалектов, который будет отражать современное состояние богатства марийского языка.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

Рец.: JORMA LUUTONEN. The Variation of Morpheme Order in Mari Declension. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. 226. Suomalais-ugrilainen Seura, Helsinki, 1997. 201 p.

Рецензируемая книга посвящена изучению свободной вариации в порядке суффиксов склонения в марийском языке, которая считается универсально редким лингвистическим явлением.

Монография состоит из 9 глав, введения, 7 приложений. Каждая глава монографии содержит от 5 до 11 разделов, в которых с достаточной полнотой и ясностью изложения характеризуются все стороны анализируемого объекта.

В первом разделе введения традиционно для работ зарубежных исследователей предлагается информация о марийском языке и его носителях, затем обосновывается актуальность и необходимость объекта анализа, мотивируется цель работы. Автор называет исследуемое явление **морфотаксической вариацией** и предлагает описание характерных черт, границ морфотаксических чередований. В этой же части монографии автор кратко останавливается на результатах работ финских и зарубежных ученых, которые послужили теоретическим базисом книги. Монография основывается на применении теории грамматикализации, теории языковой вариации, классической лингвистической типологии. Во введении также кратко перечисляются ключевые понятия, источники материала и методы исследования. Морфотаксическая вариация была изучена автором путем подсчета частотности разных вариантов в текстах, а также проведением тестирования с ответом информантов на вопросы о приемлемости и взаимной предпочтительности разных альтернативных форм. Достоверность результатов тестирования не подлежит сомнению, так как в нем приняли участие несколько сот марийских студентов - носителей языка.

В девяти главах объекты исследования получили глубокое и всестороннее изучение, что позволило автору отделить редкие маргинальные варианты от нормальных форм и определить относительную популярность нормальных вариантов.

В первых трех главах автор определяет суффиксальные элементы марийского языка, которые участвуют в вариации. К ним относятся **падежные окончания, показатели множественности и притяжательные суффиксы.** Автор предлагает перечень вариантов, встречающихся в литературе, в одном из приложений к работе. В комбинации показателя множественности (автор обозначает его Pl) и притяжательного суффикса (Px) встречаются два возможных варианта - основа P x Pl versus основа PlPx. В сочетаниях падежного окончания (Cx) и притяжательного суффикса порядок следования зависит от падежа. Автор подробно описывает три типичных варианта. Если же сочетаются три морфемы, то и среди них существует также три нормальных морфотаксических варианта.

Автор увязывает частотность и распространенность разных нормальных морфотаксических вариантов с рядом причин, к которым относит:

-диалект (в разных диалектах употребляются разные показатели множественности);

- лексический разряд склоняемого слова (принадлежность к части речи);

- лицо притяжательного суффикса - функцию притяжательного суффикса. Данные выводы получили подтверждение в таблице одной из глав исследования.

Большое внимание в работе уделяется описанию комбинации показателя множественности и притяжательного суффикса. Самыми предпочтительными вариантами в диалектах автор называет следующие формы:

- в горном наречии притяжательные суффиксы имеют основу PlPx, в восточном наречии частотна основа PxPl, а в луговом - сравнительно распространены оба варианта;

- в горном наречии в области звательно-притяжательных суффиксов предпочтительного варианта нет, в луговом и восточном наречиях - основа PxPl;

- в горном наречии определительно-притяжательные суффиксы характеризуются следующим порядком: основа PlPx, в луговом наречии - основа PlPx; в восточном наречии относительно распространены оба варианта.

Рассматривая относительную популярность комбинации трех суффиксов, автор констатирует, что их основой служат закономерности в частотных отношениях двухкомпонентных комбинаций. Автор называет этот правило **принципом редукции**. Согласно этому принципу, если частью суффиксальной формы с тремя суффиксами является какая-то часто встречающаяся в текстах двухсуффиксальная комбинация, то частотность этой трехкомпонентной комбинации также относительно высока.

По мнению автора, морфотаксическая вариация в марийском языке считается результатом существования в языке противоположных правил

порядка следования морфем. В рецензируемой работе высказывается предположение, что эти противоречивые морфотаксические правила действуют в условиях, созданных относительно аналитическим характером склонения и введением в язык релятивно аналитических форм множественного числа. Существование группы очень подвижных морфем - притяжательных суффиксов - служит условием возникновения морфотаксической вариации. Все случаи вариации автор объясняет внутриязыковыми конфликтами морфотаксических правил без влияния других языков.

В последующих шести главах автор показывает большую аналитичность форм склонения марийского языка по сравнению с соответствующими формами в финском и мокшанском языках. Фактором, повышающим частотность длинных аналитических форм, является более частое употребление конструкций, содержащих и показатель множественности и показатель притяжательности. Автор приходит к выводу, что в марийском языке происходит грамматикализация показателей множественного числа: элементы - *влак* и - *влӓ*, - *шамыч* занимают промежуточное положение между словами и суффиксами.

С точки зрения автора, самые значительные конфликты, противоположных морфотаксических вариаций могут быть описаны следующим образом. Вариация в 1-м и 2-м лицах множественного числа в комбинации окончания дательного падежа и притяжательного суффикса (Dat. + Px) является результатом сходного влияния частного варианта (DatPx) в формах личных и возвратных местоимений. Диалектная вариация в личных местоимениях встречается также внутри лугового наречия. Если рассмотреть горное и восточное наречия, то наблюдается следующая картина: в комбинации показателя множественности и притяжательного суффикса (P1 + Px) доминирующий вариант в горном наречии - P1Px, а в восточном наречии - PxP1. Эти диалекты характеризуются морфотаксическим контрастом. По мнению автора, в луговом наречии, которое географически расположено между двумя упомянутыми диалектами, вариативность в порядке суффиксов сильнее, чем в других диалектах. Он рассматривает разные специальные функции притяжательных суффиксов в связи с определенными морфотаксическими тенденциями. Звательные притяжательные суффиксы часто присоединяются к слову непосредственно к основе, перед показателем множественного числа (PxP1), а притяжательные суффиксы в определительной функции часто занимают позицию в конце словоформы (P1Px). В работе указывается на расширение употребления суффикса множественности - 1a, который, с точки зрения автора, поддерживает порядок P1Px, в связи с чем почти всегда встречается вариант P1Px.

Автор высказывает предположение о том, что морфотаксическая вариация в комбинациях Pl + Px и Pl + Cx + Px не может быть старше показателей множественного числа. Морфемы - *влак*, - *влӓ* и - *шамыч* имеют

тюркское происхождение, и географическая дистрибуция этих элементов доказывает, что морфема - *шамыч* моложе и, возможно, она была введена в язык после массовой миграции, результатом которой является восточное наречие марийского языка. Ссылаясь на ранние источники, автор указывает, что раньше притяжательные суффиксы редко присоединялись к словам, содержащим показатель множественного числа. Автор делает вывод, что сама морфотаксическая вариация - довольно позднее явление и появилась вначале в горном наречии, а затем - в луговом диалекте. На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что если в горном наречии можно наблюдать тенденцию к фиксированному порядку морфем, то в луговом варианте марийского языка изменения в последние 100 лет наблюдаются в обратном направлении, то есть в сторону более сильной вариации.

Юрий Андуганов, Наталья Глухова
Йошкар-Ола.

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Рец.: СОФЬЯ ЧЕСНОКОВА. Марийская поэма. Тарту, 1998. 162 с.

Тема монографии (диссертационного исследования) Софьи Чесноковой, безусловно, актуальна и научно значима. Она предполагала широкий, но целенаправленный взгляд на историю марийской поэмы, начиная с ее истоков и, завершая современным этапом развития, - именно такой взгляд и представлен в рецензируемой работе. До настоящего времени не было специального исследования, посвященного выявлению общей картины формирования и становления марийской поэмы, изучению художественных достижений этого жанра в наиболее характерных конкретных его проявлениях. Соискатель, таким образом, в своей работе реализует не только свой давний личный интерес к марийской поэзии и её жанрам, но и давно назревшую потребность всего марийского литературоведения в необходимости осмысления такого важного направления в развитии индивидуально-художественного творчества народа мари, как лиро-эпика.

Важность диссертационного исследования Софьи Чесноковой усиливается ещё и тем, что аналогичные работы у других российских финно-угорских (коми, удмуртов, мордвы) и соседних тюркоязычных народов (чувашей, татар) давно уже созданы. В настоящее время всё большую актуальность приобретает сравнительно-типологическое изучение литератур этих народов, в том числе и жанра поэмы, что практически невозможно осуществить, если не заложена для этого основа, т.е. не завершен процесс подробного, хотя бы описательно-эмпирического, исследования каждой отдельно взятой литературы. Что касается описательности, то и Софье Чесноковой не удалось её полностью избежать. Но это, на наш взгляд, не снижает ценности представленной на защиту работы, структура и содержание которой в целом соответствуют требованиям, предъявляемым к подобного рода исследованиям.

Структура диссертационной рукописи отличается продуманностью и четкостью. Она максимально способствует решению основных задач, которые ставит перед собой автор, позволяет проследить истоки, этапы эволюции и своеобразие марийской поэмы. Разделы внутри глав призваны выде-

лить наиболее характерные в историко-литературном плане и "классические" с точки зрения художественно-эстетической значимости имена и произведения. Оправданна и стереотипность в построении почти всех глав диссертации (анализ общественной ситуации и литературной жизни в целом; с вариацией в порядке расположения материала — общий обзор с выявлением характерных особенностей развития поэмы и анализ произведений, наиболее полно отразивших особенности поэмы в рассматриваемый период; обобщение), что также продиктовано основными задачами исследования.

Первые две главы диссертации связаны с изучением генезиса марийской поэмы, особенностей её развития в 1917-1930 годах. При определении фольклорных истоков марийской поэмы соискатель осуществляет целенаправленный анализ фольклорного материала с точки зрения эпического и лирического начал, которые в поэме образовали художественный сплав. Выделяя литературную основу марийской поэмы в традициях русской литературы, С. Чеснокова не без оснований свое внимание сосредотачивает на значении работы по созданию поэтических переводов на марийском языке. Бережно собран ею и кратко охарактеризован поэтический материал до 1917 года (Сайн Эрге Сайгелде, Ф. Егорова, Т. Ефремова, С. Чавайна), который можно было бы рассматривать как "прообразы" литературного жанра поэмы. Анализ первой марийской поэмы - "Сарбика" К. Маныкаева - соискатель, на наш взгляд, правильно заключает мыслью, что "в ней отразились все характерные особенности марийской словесности дооктябрьского периода", т.е. близости её к "прообразам" поэмы.

Справедливо 20-е годы рассматриваются как продолжение периода формирования марийской поэмы. Лишь к началу 30-х годов складывается весь "арсенал" художественных форм и средств марийских поэтов, но, к сожалению, особенно вторая половина десятилетия не дала возможности для закрепления этих достижений. Анализируя 30-е годы как очередной этап в истории марийской поэмы, Софья Чеснокова подробно характеризует состояние этого жанра, выделяя идейно-тематическую направленность, затрагивает вопросы поэтики жанра; при этом она пытается дать объективную оценку творчеству марийских поэтов с учетом особенностей общественной ситуации.

Не вызывает возражений деление на периоды последующего развития марийской поэмы (военное время и послевоенное десятилетие; современный этап), характеристика которых представлена в двух последних главах диссертации.

Все главы, касающиеся как формирования, так и последующего развития жанра поэмы в марийской литературе, содержат богатейший историко-литературный и фактический материал; С. Чеснокова называет в своей работе массу имён и произведений. Вполне понятно желание соискателя дать

как можно более полную картину функционирования интересующего её жанра в творчестве марийских поэтов разных времен — и это, безусловно, даёт право говорить о научной основательности труда соискателя, о скрупулезном прочтении ею всего художественного материала по теме. Однако, при знакомстве с обзорными разделами глав диссертации, видимо, небезосновательно возникает желание (все же видеть) дифференциации материала по художественной значимости.

О серьезной научно-теоретической и практической значимости исследования С. Чесноковой свидетельствуют её обобщения по главам и выводы в заключении, охватывающие вопросы как идейно-тематического содержания, так и художественной структуры и стиля (поэтики жанра) поэм. Заслуживают внимания размышления соискателя о недостатках поэм и их причинах.

В целом работа С. Чесноковой представляет собой законченное самостоятельное научное исследование. Автор впервые вводит в научный оборот многие литературные факты, связанные с истоками и историей развития марийской поэмы. В нем содержатся зачатки нового подхода к истории развития всей марийской литературы, которая до недавнего времени оценивалась, в основном, с вульгарно-социологическим уклоном; наметилась тенденция к созданию новой периодизации марийской литературы.

В качестве замечания, в дополнение к тем, которые уже были высказаны выше, можно было бы указать на следующее. Не совпадают дословно некоторые названия глав и параграфов в оглавлении и тексте диссертации. Обращают на себя внимание языковые погрешности, стилистические неточности.

Высказанные нами замечания отнюдь не умаляют историко-литературного, теоретико-литературного и практического значения монографического исследования Софьи Чесноковой, которое вызовет интерес у литературоведов, культурологов, учителей и студентов.

Раиса Кудрявцева
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Рец.: Т.Г. ВЛАДЫКИНА. Удмуртский фольклор: Синкретизм и функциональная специфика жанров: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1999. 44 с.

Фольклористика на данном этапе своего развития представляет собой, пожалуй, наименее разработанную область современной удмуртской филологической науки, о чем недвусмысленно свидетельствует крайняя скудость теоретических публикаций монографического характера как по вопросам отдельных жанров удмуртского устного народного творчества, так и общим проблемам. В этом кроется весьма серьезнейшая опасность безвозвратной утраты многих фактов и явлений. Размывание целых пластов, жанров и произведений удмуртского фольклора (да и не только удмуртского) идет начиная с 30-х годов XX века угрожающими темпами, обусловленными, как пишет диссертантка: 1) коллективизацией крестьянских хозяйств, 2) укрупнением деревень (с. 22) и переводом многих населенных пунктов в разряд неперспективных и - что не нашло упоминания в автореферате - 3) весьма неудачной из-за своих непредсказуемых для духовной культуры народа (в особенности сельского населения) последствий антиалкогольной кампании с запретом на многие народные обычаи и обряды (с их специфичными вербальными компонентами). В этих условиях появление любой текстовой публикации произведений фольклора или каждого теоретического исследования воспринимается с огромным воодушевлением. Сказанное, несомненно, касается и фундаментального теоретического исследования Т.Г. Владыкиной "Удмуртский фольклор: Синкретизм и функциональная специфика жанров", выполненного в отделе фольклора и литературы Удмуртского института ИЯЛ УрО РАН, которое в определенных вариациях нашло печатное воплощение в серии ее статей и монографии "Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики" (Ижевск, 1998. 356 с.).

Работа на вышеуказанную тему - "Удмуртский фольклор: Синкретизм

и функциональная специфика жанров" - и была защищена Т. Г. Владыкиной 3 марта 1999 года на заседании Диссертационного совета Д 113.25.02 по защите докторских диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Московском государственном открытом педагогическом университете. В качестве официальных оппонентов выступили доктора филологических наук профессора В.М. Гацак, Б.П. Кирдан и Т.А. Золотова; ведущее учреждение - кафедра русской и зарубежной литературы Московского педагогического университета.

Автор ставит целью разработать такую глобальную проблему, как "характеристика системной целостности удмуртского фольклора в исторической ретроспекции и современном состоянии" (с. 3), что при отсутствии монографических исследований по удмуртскому фольклору[1] следовало бы рассматривать как своего рода героизм. По существу так оно и есть, однако в данном случае надежным залогом исполнения автором своей поставленной цели явилось огромное количество научных и текстовых публикаций диссертанта Т.Г. Владыкиной (см. с. 41-44). Немало способствовало этому то, что диссертант в полной мере использовал также и "нефольклористические" публикации не только зарубежных (Т.Г. Аминофф, Б. Мункачи, Ю. Вихманн), но и отечественных (А.А. Алашеева, В.К. Кельмаков, М.И. Федотов и др.) диалектологов. Что касается последней группы текстовых публикаций, то она до недавнего времени нередко несправедливо игнорировалась удмуртскими фольклористами и литературоведами.

Рассматривая совокупность жанров современного удмуртского фольклора в ретроспекции и в тесной связи с породившими их ритуалами и мифологическим сознанием, и в то же время стремясь "избежать господствующего литературоведческого родового деления", диссертант выявила в устно-поэтическом творчестве удмуртского народа "три собственно фольклорных блока жанров: магические, познавательно-дидактические, развлекательно-игровые" (с. 5). В дальнейшем анализу формирования системы этих жанров, функциональной и формальной трансформации их в различ-

---

[1] Из исследований диссертационного уровня в области фольклористики можно назвать лишь следующие: 1) *Д.А. Яшин*. Удмуртская народная сказка: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1967; *его же*. Удмуртская народная сказка: Автореф. дис. канд. филол. наук / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1967. 22 с.; 2) *Т.Г. Перевозчикова*. Удмуртские народные загадки: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980; *ее же*. Удмуртские народные загадки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т миров. лит. им. А.М. Горького. М., 1980. 18 с.; 3) *М.Т. Слесарева*. Сравнительная поэтика обрядовых песен восточных финно-угорских народов (Свадебные жанры): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АНСССР. Ин-т миров. лит. им. А.М. Горького. М., 1984. 23 с.; 4) *Л.Н. Долганова*. Удмуртский детский фольклор: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / АН Эстонии. Ин-т языка и лит. Таллинн, 1990. 16 с.; 5) *Г.Н. Шушакова*. Удмуртская волшебная сказка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990; *ее же*. Удмуртская волшебная сказка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1990. 16 с.

ные этапы своего развития вплоть до современности и посвящены, судя по автореферату, три главы диссертации Т. Г. Владыкиной.

Новаторской для удмуртской фольклористики является II глава - "Магические жанры", включающая такие жанры сакрального характера, как заговоры, присушки, куриськоны (языческие молитвы) (с. 14 - 19), которые до относительно недавнего времени не могли быть объектом научного исследования в Удмуртии. Помнится, что одна только лишь запись в полевых условиях языческих куриськонов - этих весьма специфичных и поэтически наиболее насыщенных произведений удмуртского фольклора во время диалектологической экспедиции к периферийным удмуртам в начале 70-х годов послужила поводом для "кровавых" разборов работы НИИ в Удмуртском обкоме КПСС с последующими оргвыводами касательно неосторожного диалектолога.

Огромный интерес для меня представляют в этой же главе и разделы, посвященные календарно-обрядовым песням (с. 19 - 23), жанровым метаморфозам свадебных песен (с. 23-28) и формированию на их основе определенной группы лирических песен, формированию эстетической категории комического на базе ритуального смеха (с. 28), а также все разделы III главы (с. 34 - 41), посвященные формированию и функциональной нагрузке в духовной жизни патриархального общества преданий, поверий примет и др.

Я считаю долгом выразить свое удовлетворение стилистически и научно точными фразами и предложениями автора, логичностью изложения теоретического материала, строгой аргументированностью выводов фактами и примерами из удмуртских (и не только) фольклорных текстов и т. д. Все это говорит о том, что перед нами работа зрелого ученого, способного и в дальнейшем решать многие спорные, нетронутые проблемы удмуртской фольклористики.

Из замеченных мною в работе неточностей и неполноты (возможно, только с моей точки зрения) я хотел бы заострить внимание на следующих.

1. Довольно много нареканий, с моей точки зрения, вызывают этимологические штудии диссертанта. Так, в фонетическом отношении едва ли можно вывести удм. *кыреӟ* (*кырезь, кърэз*) «гусли; мелодия, напев» из сочетания *кыр-/кър-/gor- и өз/өʒ/öz* — финальные палатальные *ӟ ~ з'* в удмуртском языке не возводимы к велярному з (в данном случае мы могли получить формы типа *кырез, гырез* и т. д.) (с. 9). В фонетическом отношении — из-за наличия в одном случае и отсутствия в другом анлаутного *к-* — этимологически не соотносимы, вопреки мнению Т.Г. Владыкиной (с. 9), формы *кӳй* и *уйн* «голос, звук, окрик, крик, пение». "Слово *пӧртмаськон*... имеет самую тесную связь со словом **орт/*урт* «душа», «душа-двойник»..." (с. 11). Если автор в данном случае имеет в виду "этимологическую связь ",

то я вынужден не согласиться с ней: вышеназванные формы фонетически (да, собственно, и семантически!) не возводимы друг к другу.

2. Создается впечатление, что из двух компонентов — мелодии и текста — календарно-обрядовых песен первый является главенствующим: собственно приуроченные тексты весьма "недоразвиты", лапидарны, сжаты, однако при наличии определенной мелодии к этим обрядово-маркированным текстам могут быть "притянуты" нейтральные, не имеющие никакого отношения к данному календарному празднику. Хотя автор и замечает, что "Все определения употребляются в значении «напев», «мелодия», *подчеркивая таким образом доминантную роль эмоционально-акустического кода обряда и отражая древнее логическое отношение не только к слову, но и к музыке* (выделено мною. - *В.К.*)" (с. 9), все же хотелось бы подробнее ознакомиться с авторским мнением относительно того, почему мелодия имеет доминантное значение в большинстве удмуртских календарных обрядов.

3. Я теоретически не могу не согласиться с утверждением Т.Г. Владыкиной о том, что "с достаточной полнотой рассмотрено... не все существующее многообразие жанров, каждый из которых монографичен" (с. 7), да иначе и быть не могло. Однако на практике наиболее популярные в современном удмуртском устно-поэтическом творчестве жанры, как лирические песни и былички, несправедливо обойдены вниманием автора.

Высказанные мною замечания ни в коей мере не снижают научного уровня исследования Т.Г. Владыкиной "Удмуртский фольклор: Синкретизм и функциональная специфика жанров», которое является солидным вкладом не только в удмуртскую, но и в финно-угорскую фольклористику.

Валентин Кельмаков
Ижевск

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Рец.: Г.А. НИКИТИНА. Удмуртская община в советский период. Ижевск, 1998. 222 с.

Историческая наука пополнилась монографией Г.А. Никитиной "Удмуртская община в советский период". Автор книги - воспитанница Удмуртского госуниверситета, окончила аспирантуру при Московском госуниверситете им. М.В. Ломоносова.

До появления этой книги не было развернутого анализа удмуртской общины в советской доколхозной деревне. Необходимость в таком исследовании ощущалась давно, на протяжении всех лет, когда началась систематическая разработка истории Удмуртской республики. Появление ее сегодня объясняется не только данной потребностью самой науки, но и тем, что среди ученых страны идет бурная дискуссия по коренным проблемам деревни - о коллективизации, фермеризации, крестьянских традициях. Симптоматично то, что эта научная полемика протекает в условиях существующих ныне противоречий, свидетельствующих не просто о критическом, а катастрофическом положении современной деревни. Взяться за разработку темы автора заставило, по-видимому, и то, что община и присущие ей особенности коллективного сознания, по мнению автора книги, обретают в настоящее время новое дыхание.

В названной книге Г.А. Никитиной дается всесторонний, глубокий анализ роли, функций, деятельности, исторической динамики общины в жизни удмуртской деревни.

Исследователь тщательно прослеживает изменения, происходившие в регулировании вопросов землепользования. В годы советской власти в отличие от предшествующих лет земельные переделы стали проводиться под контролем советских органов. Это исходило из необходимости улучшения культуры земледелия, защиты интересов трудовой массы деревни, прежде всего бедноты. С конца 20-х годов началось целенаправленное свертывание общинных начал в аграрном секторе страны, был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства. Уравнительно-передельный механизм общины был сломан. Община была приведена к "взрыву" изнутри.

В главе, посвященной анализу хозяйственно-культурной деятельности общинников, отмечается тот факт, что в ходе аграрной революции неизбежной трансформации подверглись и крестьянские традиции хозяйствования, появились новые нюансы в социально-психологическом восприятии новшеств. Но в то же время, быть носителями прогресса крестьянам мешали традиции, социальная система, иногда - просто невежество и предубеждения.

Отдельная глава в книге отведена освещению общественных традиций и модернизации удмуртской деревни. Читателю дается возможность ознакомиться с культурой удмуртского деревенского быта, отношением крестьян к власти, религии и положению женщин в обществе. Рассматривая эти вопросы, исследователь отмечает, что вместе с насильственной ломкой жизненного уклада шел процесс деформации традиционного сознания, традиционного мировосприятия и мироощущения. В этой же главе есть параграф, отведенный рассмотрению межнациональных отношений. Курс на ликвидацию фактического неравенства народов, взятый советским и партийным руководством области, объективно отвечал чаяниям удмуртского народа, но претворение его в жизнь, сопровождавшееся ошибками и недостатками, привело к обострению межнациональных отношений.

"Община в условиях принуждения и террора" - так названа глава, в которой показывается, как советская власть укрепляет свои позиции в жизни деревни. Правительственными законами сельсоветам были предоставлены права руководителя и главного организатора хозяйственно-политической жизни в деревне. Ставилась цель разрушить традиционную систему местного крестьянского управления, создать ей замену в лице сельских советов, ибо полновластное функционирование общинного схода делало советы попросту ненужными. Свертывание общинных начал происходило также через разного рода хозяйственно-политические кампании. Самый сильный и решающий удар по общине нанесли форсированные темпы коллективизации и раскулачивания.

В данной главе выделен параграф о судьбе удмуртского кенеша - сельского схода. В нем читатель узнает, как из органа самоуправления кенеш искусственно был превращен в орудие контрреволюционного кулачества, в классового врага, с которым велась беспощадная борьба.

Сильной стороной исследования является то, что автору удалось четко показать противоречия в самой жизнедеятельности сельской общины, ее дуализм. Причем на всем протяжении исследования отмечаются плюсы и минусы проистекающих событий, фактов, и автор говорит о них открыто, смело, без обтекающих фраз и формулировок. В этом проявляется искренность исследователя, позволяющая достичь объективности в раскрытии темы.

Удмуртская деревня, впрочем, как и все деревни страны, в 30-х годах оказалась в горниле суровых испытаний. При изучении подобных процессов перед исследователем возникают задачи по раскрытию сути происходящих событий, в их оценке и особенно выступить против устоявшихся в науке мнений, стереотипов. Г.А. Никитина, к ее чести, блестяще справилась и с этой трудной задачей. Она показала умение идти не только по течению, но и там, где это нужно, идти против течения.

Есть еще одно высокое достоинство книги. Анализируя события давно минувших лет, автор постоянно держит свой взор на происходящих ныне событиях. Часто напоминает о них, оценивает их, и это позволяет ей сказать: в сложной системе ныне существующих и взаимопроникающих союзов и ассоциаций, крупных и малых хозяйств имеется прямая возможность для использования положительного опыта сельских общин. Дельный совет для практических работников. И еще один вывод автора: бессмысленно и вредно заменять одни догмы другими и навязывать сельскому обществу волю извне. Историческая практика наглядно показала, насколько опасно насильственное разрушение какой бы то ни было органической целостности, даже если она кажется не очень совершенной.

Автор книги настолько вжилась в тему своего исследования, что порою ее эмоционально-психологический настрой воспринимается читателем как причастность к описываемым событиям.

Г.А. Никитиной написано немало научных трудов. При знакомстве с ними каждый раз убеждаешься в ее умении полемизировать с авторами других произведений. Уважительным, корректным, спокойным, убедительным отношением к ним она невольно вызывает уважение к себе. В этом отношении ее пример весьма поучителен для амбициозных ученых с горячей головой.

У Г.А. Никитиной богатый словарный багаж, отточенный стиль письма и безупречная логика суждений. Это особенно отчетливо видно в рецензируемой монографии и является свидетельством упорной работы автора над усовершенствованием своего профессионального мастерства.

Монография Г.А. Никитиной представляет ценный вклад в историческую науку и, несомненно, будет способствовать написанию полновесной истории Удмуртской Республики.

Н. Павлов
Ижевск

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Рец.: Земляной братец. Екатеринбург, 1997. 136 с.

В 1997 г. в Средне-Уральском книжном издательстве вышла в свет книга под названием «Земляной братец», содержащая некоторые мансийские сказки, предания, песни и загадки в переводе на русский язык. Она подготовлена в печать известным этнографом, историком Н.В. Лукиной, ею же осуществлено научное редактирование сборника. Издание опубликовано на хорошей бумаге, переплет твердый, красочный.

Выход в свет не только книги, но и каждого фольклорного текста на обско-угорских языках – событие значимое, нужное, так как эти народы утрачивают свой традиционный уклад жизни и фольклор.

Изданная книга рассчитана на русскоязычного читателя - тексты-оригиналы не прилагаются, что несомненно снижает научную ценность публикации и почти устраняет возможность судить о точности перевода того или иного фольклорного произведения, его языке и стиле. Со слов научного редактора Н.В. Лукиной, «это издание объединяет архивные рукописи исследователя В.Н. Чернецова» (с. 3). Отмечается, что часть текстов сам собиратель фольклора перевел на русский язык, но не указывается, какие именно тексты перевел сам В.Н. Чернецов, а какие кто-то другой.

Переводы текстов весьма неровные, в некоторых из них язык и стиль не мансийской сказки.

По всей видимости, некоторые переводы текстов заимствованы из опубликованных работ, например: 5. Воробушек, 6. Акврись, 9. Сказка про оленя и мышь, 10. Зайчик, 16. Эква пыгрысь (запускает стрелу), 17. Трое мужчин (три брата), 24. Земляной братец (мышонок путешествует), 27. Кошечка, 29. Кукушка, 33. Бабушка – бабушка (на русский язык в свое время были переведены нами и опубликованы)*.

---

* Маньси мойтыт – Мансийские сказки: для детей дошкольного возраста / Сост. Е.И. Ромбандеева. СПб : Просвещение, 1992, 24 с. – На мансийском и русском языках; Маньси мойтыт – Мансийские сказки: для детей младшего школьного возраста / Сост. Е.И. Ромбандеева. СПб.: Алфавит, 1996, 47 с. – На мансийском и русском языках.

Тексты под № 7, 22, 31 публиковались в учебниках в 30-х годах. Сказка № 33 «Бабушка – бабушка» была переведена нами и передана Н.В. Лукиной еще в 70-х годах, когда она собирала у хантыйской и мансийской интеллигенции фольклорные тексты на русском языке для своего сборника (Мифы, предания, сказки хантов и манси, сост.: Н.В. Лукина. М., 1990). Ответственному редактору анализируемого сборника следовало бы оговорить все это в соответствующем месте.

Песни: 1. Колыбельная, 2. Песня Аленушки и Даши. 3. Песенка Кати и Даши, 4. Песня девушки и эпические песни про медведя переведены хорошо, в них сохранен стиль параллелизма, образность языка. Приятно было читать тексты и под №№ 12, 13, 18, 22, 23, 34 – 43, в них сохраняется стиль мансийских сказок, язык ровный, нет наносной речевой грубости.

Тексты, помещенные под №№ 14, 15, 32, похоже, заимствованы из русского языка, в них изобилуют такие термины, как **старуха, бабка, старик.** Следует отметить, что эта же терминология русских сказок перенесена на язык мансийских сказок (см., например, тексты под №№ 8, 11, 14 – 17, 19 – 21). Переводчик, возможно, этим самым хотел выразить свое отношение к героям сказок. В мансийских сказках, мифах и иных произведениях эквивалентных терминов нет. О пожилом мужчине манси говорят: *матум ойка* "состарившийся мужчина"; о женщине – *матум эква* "состарившаяся женщина", т.е. пожилая, тем самым выражается тактичное отношение к человеку. Мансийская речь в сказках ровная, корректная даже по отношению к противнику. Не только в сказках для детей, но и для взрослых сказитель не вкладывает своего отношения к героям песен, сказок, мифов. Таким образом, сам сказитель и его сказка вынуждают слушателей думать, размышлять и давать оценку героям сказок самим. И по этой причине мансийские сказки живут веками, передаются из уст в уста, и они занимательны. Люди идут слушать только к талантливому сказителю. Так было и так будет, пока живы манси.

В переводе текстов, представленных под №№ 16, 17, 20 – 22, 24 – 27 наблюдаются пропуски, порой в содержании перевода не отражена суть оригинала (см., напр. 25. Ворона, 26. Щегол, 30. Колыбельная и др.).

Несколько примеров из того, насколько искаженно толкуются значения отдельных слов и словосочетаний в "Приложении" (с. 123 – 131). Начнем с названия самой книги. Оно, как отмечалось выше, именуется "Земляной братец"! Надо сказать прямо, что такого понятия в отношении мыши и вообще в мансийском языке не существует. Такое объяснение представлено словосочетанием *мат āпрись* (*матāпрись*) "не́кий брати́шка (или бра́тец)", называющий мышонка в сыгвинском диалекте мансийского языка; это словосочетание состоит из морфем: *мат* "некий", *āп- (си)* "младший" (брат), - *рись* – суффикс пренебрежительности. В сложном слове *мат āпрись* термин *мат* – это бессуффиксальная, местоименная, корне-

вая морфема со значением "некий", "нечто", ср.: *та мат нэ̄* "та не́кая женщина", *мат нак* "не́кое время"; *хоса мат хāп* "длинная некая лодка"; или в идиоме: *мат хомл* "нет, ни за что" – от *мат* "некий", *хом (хум)* "человек", *-л-* суфф. социатива, букв. "с неким человеком (не пойду)".

Термин же *мā* "земля" – имя существительное. В функции определяемого или определения оно употребляется без всякого суффиксального оформления, как и любое другое имя в этом значении в мансийском языке, например: *ёмас мā* "хорошая земля", "хорошее место", *тэ̄пкан мā* "место для огорода" – в этих словосочетаниях *мā* "земля, место" – существительное; *мā кол* – "земляной дом", *мā пāкрип* "погреб" – здесь *мā* в функции определения "земляной". Таким образом, слова *мат* и *мā* – это две разные лексические категории: первое из них – местоимение, второе – имя существительное.

Н.В. Лукина, не разобравшись в том, почему манси разных регионов мышонка называют по-разному, заявляет, что "земляной братец" – это точный перевод одного из мансийских названий мыши (с. 127). Это совсем не так. Мышь в мансийском языке имеет несколько названий, объясняемых, во-первых, разновидностью их видов: *нāр кāт* "гололапка", *нёлын* "носастый (узкомордый)" и обычная мышь – вредитель, грызун, имеющая несколько вариантов диалектических названий, ср.: *мāхр ӯй* – в Верхней Сосьве, от *мā хар ӯй* "зверь земной поверхности"; *мā порс* – в Нижней Сосьве – "мусор земли"; *мāт ялн ӯй* – в Средней Сосьве и Сыгве "в земле, по земле ходящий зверь". Здесь глагольное имя *ялн* "ходящий" управляет локативным (местным) падежом с суффиксом *–т*, отсюда следует понятие *мā + т* "по земле", "в земле, на земле" (ходящий), *ӯй* "зверь (существо)". Сыгвинские манси, кроме того, обыкновенного мышонка называют еще *мат āпрись* "некий братишка". Почему? Да потому, что в их поверии мышонок – это воплощение души медведя, и поэтому он напоминает медведя в миниатюре. А медведь для сыгвинских манси *пупа (апа) āпсикве* "грозный младший братик", отсюда мышонок тоже младший брат, но не грозный, а "некий", "неопределенный" (табуированный)*.

Ученым, особенно начинающим, необходимо помнить, если одно и то же понятие называется несколькими именами, то это неспроста, например, медведь: *пупакве* "грозненький", *вōртōлнут* "в лесу живущий"; *кантын – аква* "единственный сердитый", *пупа (апа) āпсьтēв* "грозный, опасный братик", *сасыгкēв* (нижн. Сосьва) "дядя (по материнской линии)".

Слово **Аврись** (с. 126), якобы, обозначает мансийскую *богиню Калтась*, жену верховного бога Нуми Тōрума. Какая фантазия! В мансийском фольклоре *Аврись* – это отрицательный персонаж – небрежная бабушка,

---

* *Ромбандеева Е.И.* История народов манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут, 1993. С. 16 – 19.

которая не сумела уследить даже за своим *тучаӈ* – нужным мешочком со швейными принадлежностями, унесла его собака в лес... Слово *Акврись* образовано из морфем: *а̄кв* "бабушка", - *рись* – уничижительный суффикс. И это слово соотносилось с понятием Калтась - оскорбительным для манси.

Слово *Э̄ква пыгрись* [22] (с. 127) толкуется как "сын женщины". В действительности оно значит "внук женщины" < *Э̄ква апыгрись* от *э̄ква* "женщина", *апыгрись* "внучек". Здесь проигнорирован морфосинтаксис и искажено понятие этого словосочетания.

Слово *о̄йка* "мужчина", "муж", "господин" везде переводится как "старик". Термин **старик** выражает состарившегося, немощного человека, *о̄йка* же "мужчина" – это дееспособный человек, ему может быть всего 20 лет (если он женат, назовут тоже *о̄йка*).

[13] Стелька от мансийского *ва̄йпат пум* – легко воспламеняемая стелька из соломы в (мансийской) обуви, а не в "русском башмаке", как толкует составитель.

[23] *Кэ̄р-па̄йпыӈ-э̄ква* "женщина с железным кузовом" – сказочный персонаж детской сказки и *Кирт-нёлп-э̄ква* "женщина с длинным утиным носом" (или *Тирп нёлп э̄ква* "женщина с костлявым носом") – это разные величины; последние из них были скорее представительницы какой-то этнической группы, наравне с Мо̄сь, Пор, Ӯсыӈ о̄тыр о̄йки, То̄нтон о̄йки, Сэ̄тап паль э̄квы и т. д.

[31] Сказочная страна – так объясняется термин *мо̄ртым ма̄* – "теплый южный край, расположенный за теплым морем". Туда провожают манси одну из 4-х (5-ти) душ своего покойного на вечную жизнь. В их представлении – это родина дедов-прадедов (прародина).

[34] Не "через три дня после прилета щегла", а через три крепких заморозка. Такие заморозки могут состояться по очереди через несколько дней. После снег уплотняется, крепнет, человек на насте держится, не проваливается, собирают серу с ёлок для смолы, замазать лодки.

[58] Лиственница, якобы, священное дерево. Для кого? Если бы это дерево было священно, из него люди не строили бы дома и плоты.

[66] Береза, якобы, священное дерево. Манси каждый день его рубят на дрова, на топорища, для изготовления иных вещей. Со священным предметом так не поступают.

[76] Медведь – выращен на небе! Дочь небесного Нуми То̄рума превращается в медведицу, шагая по чащобам и болотам на Земле. Так трактуют манси.

[84] *Кайыг – увиг* – тут описка, точнее: *Кайыг – уйиг*, что значит "Эй – зверь!"

[85] Легенда народа манси говорит, что сын женщины со временем покрывается шерстью, и мать отправила его в лес, там он при нечеловеческих условиях превращается в медведя, а не сын женщины в сожительстве с

медведем. Это домыслы не выходца народа манси. Известно, что приблизиться к медведю или медведице при их течи невозможно. Чужой запах они слышат в это время за три км. И никого близко не допускают, они звереют. Манси это знают и избегают с ними встречи в это время.

Все отмеченные выше погрешности можно было бы избежать, если бы Н.В. Лукина посчитала нужным обратиться за консультацией к носителям языка.

Евдокия Ромбандеева
Ханты-Мансийск

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Рец.: Т.Б. НИКИТИНА. История населения Марийского края в I тыс. н.э.: По материалам могильников // Тр. МарАЭ. т. V. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.: илл.

Раннесредневековые погребальные древности Марийского Поволжья изучены хорошо. Материалы, относящиеся к IX-XI и XII - началу XIII вв., подробно опубликованы Г.А. Архиповым.* В его научные планы входила также полная систематизация всех данных по грунтовым могильникам IV-VII вв., однако преждевременная смерть не позволила ему осуществить задуманное. Эту работу выполнила его ученица - Т.Б. Никитина. И выполнила она ее, на мой взгляд, блестяще.

Монографическая характеристика древних некрополей автором дается по традиционной для археологов схеме. В небольшом по объему введении читатель знакомится с историей изучения памятников. Далее, в первой главе анализируются планиграфия могильников, погребальный обряд и инвентарь. Исследовательница достаточно детально рассматривает расположение могильных ям относительно друг друга на площадках кладбищ, основу которых составляла система параллельных рядов, ориентировку и устройство самих могил, различия в способах захоронения трупов (ингумация, кремация, вторичные). Характеристика и систематизация вещественных находок, наоборот, излагается предельно кратко и сухо, "математизированным языком", если так можно выразиться. Этот принцип подачи информации оправдан: лишнее и утомительное описание индивидуальных особенностей громадного количества вещей опускается, но сохраняется четкость и лаконичность их атрибуции.

---

* *Архипов Г.А.* Марийцы IX-XI вв.: К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973. *Он же.* Марийцы XII-XIII вв.: К этнокультурной истории Поветлужья. Йошкар-Ола, 1986.

Вторая глава - ключевая в аналитической части монографии. Здесь автор акцентирует внимание на датировках каждого могильника, причем делает это с привлечением широкого круга аналогий и на основании последних разработок по хронологии раннего средневековья Восточной Европы. Выводы, к которым пришла Т.Б. Никитина, достаточно убедительны и вряд ли могут быть поставлены под сомнение в ближайшем будущем. Это же можно сказать и о выводах исследовательницы относительно этнокультурной принадлежности рассматриваемых некрополей. По ее мнению, с которым согласен рецензент, кладбища, расположенные в восточной и центральной частях Марий Эл, оставлены племенами азелинской культуры в IV - начале VI вв. (Уржумкинский, Мари-Луговской, Арзебелякский, Лушморский, а также Шор-Уньжинский могильники), а некрополи западной окраины (Младший Ахмыловский и разрушенный Юльяльский) - финским населением второй половины VI-VII вв., "имевшим культуру западноволжского облика" (с.39). Последнюю фразу я бы на месте автора конкретизировал: "имевшим облик культуры ранней муромы". Дело в том, что материалы таких памятников, как Подболотьевский и Малышевский кладбища, чья муромская культурная принадлежность признается всеми исследователями, фиксируют беспрерывность развития муромского этнографического костюма с VI по XI вв., вещественные наборы металлических украшений которого абсолютно тождественны младшеахмыловским. Другими словами, по моему убеждению, Младший Ахмыловский и Юльяльский могильники - это известные на сегодняшний день пункты, указывающие на расселение ранней муромы на восток, которая в будущем станет одним из основных компонентов в формировании собственно марийской народности.

Третья глава монографии, являющаяся фактически самостоятельной частью, точнее базой исследования, объединяет развернутые описания погребений пяти могильников и графические иллюстрации находок из них. Эта работа, проделанная Т.Б. Никитиной, в общем-то, рутинна и, одновременно, уникальна. Автором по разрозненным полевым отчетам, дневникам и зарисовкам различных исследователей собрана, воссоздана и литературно обработана первичная информация о каждом конкретном захоронении. Описание их дается в едином стилистическом ключе, в едином штрихе выполнены и рисунки вещей. Полагаю, данный труд будет высоко оценен будущими исследователями. По крайней мере, у них не будет особой нужды копаться в архивах и пыльных музейных собраниях - все материалы скрупулезно изложены в работе Т.Б. Никитиной.

В целом, рецензируемая монография являет собой весомый вклад в изучение погребальных древностей эпохи раннего средневековья Восточной Европы. Единственно, о чем можно сожалеть, так это об отсутствии в книге резюме на английском языке.

Александр Уткин
Иваново

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

Рец.: Л. С. ХРИСТОЛЮБОВА. Ученые-удмурты: Биобиблиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1997. 860 с.

Биобиблиографический справочник известного этнографа Л.С. Христолюбовой является результатом долгого кропотливого труда автора и представляет собой единственную и уникальную подобного рода работу в наше время.

В справочнике приведены сведения об ученых-удмуртах (более 420 имен) России с конца XIX века и до наших дней, включающие биографии ученых, списки их основных трудов. Перечень имен составлен и распределен по отраслям наук: общественные и гуманитарные, естественные, технические, сельскохозяйственные, медицинские. По научным интересам исследователи распределены следующим образом: 74 человека представляют медицинские науки, 63 - филологические (языкознание, литературоведение, фольклористику) , 60 - технические, 56 -исторические, 32 - педагогические, 27 - физико-математические, 27 -сельскохозяйственные, 23 - экономические, 15 - биологические, 13 -философские, 9 - химические, 7 - искусствоведческие, 6 - географические, 5 - психологические, 4 - юридические, 3 - ветеринарные, 2 -богословские, 1 - геолого-минералогические науки и 1 - архитектуру.

Книга знакомит с подробной информацией о знаменитых исследователях удмуртов конца XIX - начала XX вв. - Г.Е. Верещагине, И.С. Михееве, И.В. Яковлеве, И.В. Васильеве, Т.К. Борисове, М.И. Ильине. Далее представлены последующие поколения ученых. Здесь также показана динамика роста научных кадров начиная с 1920-х гг. и до конца столетия. Приведена карта-схема, на которой распределены ученые по месту рождения.

В данном справочнике можно узнать не только о знаменитых личностях прошлого и настоящего, но также получить представление об удмуртском народе в целом. Представители же научной общественности других регионов могут встретить в нем единомышленников и коллег, занимающихся идентичными проблемами. Как пишет сама автор, "Биографические

сведения об ученых даются в предельно сжатом виде. За каждой строкой скрываются годы напряженного труда, участие в научной и общественной жизни институтов, республики, народа. Каждый из них - представитель своего времени, богатого разнообразными событиями. В их жизненном пути отражается биография поколений и страны».

Ясно, что в одном лишь издании невозможно охватить все. Нам, читателям, остается выразить признательность и пожелать творческого вдохновения автору.

Татьяна Миннияхметова
Уфа

"Финно-угроведение". 1999. № 4.

Рец.: Марийское краеведение в школе: Материалы республиканской научно-практической конференции. Йошкар-Ола: Марийский институт образования, 1995; Марийское краеведение: опыт и перспективы его использования в школе: Материалы 2-й республиканской научно-практической конференции. Йошкар-Ола: Марийский институт образования, 1997; Марийское краеведение: опыт и перспективы его использования в школе: Материалы 3-й республиканской научно-практической конференции, 1998.

Начиная с 1995 года проводится республиканская научно-практическая конференция по марийскому краеведению в школе. Идея проведения ставшей уже традиционной конференции зародилась в лаборатории «Марийская школа» МарГПИ им. Н.К. Крупской и была поддержана Министерством образования и воспитания Республики Марий Эл, Марийским институтом образования и Марийским филиалом института национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации. По первоначальному замыслу такая конференция должна была заниматься только лингвокраеведческими проблемами. Но интерес, проявленный к ней со стороны историков, литераторов и других ученых, расширил рамки конференции за счет появления секций по историческому, литературному, культурно-этнографическому, этнопедагогическому краеведению. Следует отметить, что названия секций уточнялись и корректировались от конференции к конференции. Подобная коррекция свидетельствует о том, что организаторы конференции шли навстречу всем желающим поделиться своим опытом работы по краеведению. Способствовали интегрированию различных аспектов исследования по научному и практическому краеведению. К настоящему времени названия секций формулируются следующим образом: «Общие вопросы обучения и воспитания на материале краеведения», «Культурно-этнографическое краеведение». Они и составляют структуру сборников материалов конференций.

В представленных в сборниках статьях поставлены теоретические проблемы, отражен имеющийся в республике практический опыт использования всех аспектов краеведческого материала в образовательных учреждениях.

К настоящему времени вышли три сборника по марийскому краеведению. Готов к изданию четвертый, посвященный 110-летию со дня выхода первого марийского букваря и 75-летию со дня рождения известного марийского ученого-методиста В.Ф. Сапаева.

Особенность рецензируемых сборников заключается в том, что в них представлены не только научные статьи ведущих ученых Республики Марий Эл, но и учителей, воспитателей и методистов. Таким образом, происходит конструктивный диалог между учеными и учителями-практиками. Аспиранты и студенты также имеют возможность научно обобщить свою исследовательскую деятельность. Значимость издания подобного рода сборников усиливается постановкой вопроса о воспитании личности современного школьника, на краеведческом материале.

Относительно содержательной стороны статей сборников следует указать на то, что статьи учителей-практиков большей частью носят констатирующий характер, ученые склонны к академическому изложению своих исследований. В этом отношении примечательны статьи тех ученых, которые свою исследовательскую деятельность обобщают в сообщениях методического характера, оказывая тем самым помощь учителям. Таковыми являются, например, статьи "Йот элласе шымлызе-влакын ожно погымо материалыштым краеведческий пашаште кучылтмаш" И.Г. Иванова (№ 3), «Краеведческий материал при изучении русской литературы в национальной школе (к проблеме постижения гуманистических воззрений Чехова-драматурга)" Л.И. Степановой (№ 2), "Место ономастики в школьном краеведении" И.С. Галкина (№ 2) и другие.

Собственно научные статьи также призваны оказывать помощь учителям-практикам. В этом отношении вызывают интерес сообщения К.Н. Санукова «Культура марийского народа в историческом освещении» (№ 3), В.С. Патрушева "Археология и краеведение" (№ 3), А.Н. Куклина "Краеведение в теоретическом и методическом аспектах (лингвокраеведние в рамках теории топономастики)» (№ 1) и др.

Встречаются очень интересные обобщения исследовательских работ учителей: «Освоение долины реки Рутки (на материале лингвокраеведения)» (№ 2) и «Издалека долго течет река Волга» (№ 3) Л.И. Хлебниковой, «Школьный археологический кружок – средство формирования интереса учащихся к истории» И.И. Панова (№ 2) и др.

Думается, что сборники статей, способствуя консолидации ученых и учителей-практиков в процессе воспитания личности, знающей и ценящей историю и культуру своего родного края и уважительно относящейся к традициям народов Республики Марий Эл, послужат плодотворной основой для реализации национально-регионального компонента образования в рамках изучаемых в школе предметов.

Нина Кулалаева
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛЕВОЙ СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ 100-ЛЕТИЮ А.П. СМИРНОВА И 25-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕУДМУРТСКОГО ГОРОДИЩА ИДНАКАР

(Глазов, 15–18 июня 1999 г.)

15–18 июня 1999 г. в г. Глазове Удмуртской Республики состоялся Международный полевой симпозиум, посвященный 100-летию А.П. Смирнова и 25-летию исследований древнеудмуртского городища Иднакар. Он проходил на базе археологической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, Историко-культурного музея-заповедника "Иднакар", финансовую поддержку оказал Российский гуманитарный научный фонд (код проекта 99-01-14008г).

Эти две знаменательные для археологии Удмуртии даты органично совпали и действительно тесно связаны друг с другом. Алексей Петрович Смирнов – выдающийся археолог–финно-угровед, подготовивший целую плеяду учеников, работающих сегодня во многих научных центрах Урала, России и за рубежом, в том числе и в Удмуртии. 29 мая 1999 г. исполнилось 100 лет со дня его рождения. С изучением в 1920–1930-е гг. средневековых памятников Удмуртии, в том числе и городища Иднакар, началась научная деятельность замечательного ученого, крупного организатора науки, создателя научной школы, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и культуры Татарской и Чувашской АССР А.П. Смирнова. В честь его памяти научные центры Москвы, Республики Татарстан уже провели научные конференции с участием его учеников и последователей, где обсуждались проблемы средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы, в исследование которых он внес неоценимый вклад. И тем не менее более 40 исследователей 18 научных центров из 8 городов нашей страны и Финляндии нашли возможным принять участие в работе симпозиума в г. Глазове.

Круг проблем, вынесенных на обсуждение, непосредственно связан с основными направлениями исследований А.П. Смирнова (формирование

финно-угорских этносоциальных образований, развитие социально-экономических отношений населения Поволжья и Приуралья, аспекты духовной культуры), а также тех, которые особенно выпукло обозначились в последние годы (применение компьютерных технологий в археологии, сохранение археологического наследия и музеефикации памятников). Заслушано 36 докладов.

Работу симпозиума открыл доклад директора Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН *К.И. Куликова*, посвященный анализу деятельности А.П. Смирнова по исследованию археологических памятников Удмуртии и месту городища Иднакар в системе удмуртской науки и культуры. Он отметил, что труды ученого по древней истории еще при жизни стали настольной книгой археологов, но деятельность Алексея Петровича Смирнова, истинного гражданина России, открывала другому народу – удмуртам – их Историю, помогала обретать гордость за свое историческое прошлое. Он впервые наиболее ярко продемонстрировал то, какую великую миссию несет в себе вся наука народоведения и одна из ее составных частей – археология.

Докладчик особо подчеркнул, что благодаря многолетним систематическим исследованиям экспедиции института под руководством его ученицы М.Г. Ивановой, активному введению материалов в научный оборот, в практику культурной жизни республики, городище Иднакар стало символом удмуртских древностей. Полученные коллекции позволили создать Историко-культурный музей-заповедник, новую культуру по возрождению народных промыслов и использованию богатейших археологических материалов в современном декоративно-прикладном искусстве Удмуртии.

Далее на пленарном заседании *Э.А. Савельева* (г. Сыктывкар) и *М.Г. Иванова* (г. Ижевск), *Т.Б. Никитина* (г. Йошкар-Ола) осветили вклад А.П. Смирнова в изучение пермских и поволжских финно-угров. Отдельный доклад *М.Г. Ивановой* (г. Ижевск) был посвящен раскрытию итогов и перспектив изучения городища Иднакар, изложению концепции его развития в русле градообразовательных процессов в лесной зоне Восточной Европы. *Т.И. Останина* (г. Ижевск) осветила перспективы развития Историко-культурного музея-заповедника.

Большая часть докладов была посвящена этнокультурным процессам, проходившим в эпоху средневековья в лесной зоне Восточной Европы. Проф. *К. Карпелан* (г. Хельсинки) на археологических материалах проанализировал характер и эволюцию связей между Финляндией и Восточной Россией с эпохи бронзы до позднего средневековья. *Н.А. Макаров* (г. Москва) на основе новейших полевых работ представил сложную, многомерную и противоречивую картину славяно-финского культурного взаимодействия на Северо-Западе и Северо-Востоке Древней Руси. *Э.А. Савельева* (г. Сыктывкар) изложила концепцию сложной этнокультурной истории населения Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья. *А.Е. Леонтьев*

(г. Москва) познакомил с археологическими материалами по расселению мери и муромы, которые подтверждая летописный источник, в некоторой степени входят в противоречие с современными научными данными о расселении средневековых народов. По мнению автора, можно подразумевать существование мерянской этнической общности в регионе Верхнего Поволжья и западной части Волго-Окского междуречья, и муромской, в соприкосновении с мордвой, по нижнему течению Оки до ее устья.

А.М. Белавин (г. Пермь) на основе анализа новых керамических материалов, преимущественно булгарского и древнерусского происхождения. проследил этнокультурные и экономические контакты средневекового населения Предуралья. Наблюдения за планиграфическим и стратиграфическим распределением болгарской посуды на Рождественском городище, по его мнению, позволяет предполагать, что возведение городища в целом связано с деятельностью болгар. Значительное преобладание болгарской керамики в Предуралье наглядно демонстрирует основную направленность экономических и этнокультурных связей ее жителей в X–XIV вв. Крупные комплексы древнерусской керамики XII–XIV вв., выявленные на ряде памятников, свидетельствуют о появлении здесь оседлого древнерусского населения с XIII в., а с XIV в. бассейн Вычегды стал русской землей. Новые материалы, свидетельствующие о включении поломско-чепецкого компонента в культуру Волжской Булгарии, показали исследователи из Казани *Е.П. Казаков* и *К.А. Руденко*.

В ряде докладов рассматривались итоги изучения некоторых городищ и их материалов. *П. Уйно* (г. Хельсинки) представила анализ 70 древних городищ в пределах современной Финляндии и 40 фортов, находящихся на территории Карелии и в северо-восточной части Ладожского озера, которые входили в состав Финляндии до 1944 г., их топографические особенности, характер укреплений, хронологию, коснулась некоторых проблем социального характера и функциональной типологии.

К.А. Руденко (г. Казань) изложил итоги исследования городища Кашан в контексте формирования булгарских городов и протогородов, *Д.Г. Бугров* (г. Казань) – с укреплениями Тойгузинского II городища пьяноборского времени.

А.Г. Иванов (г. Ижевск) в материалах Кушманского городища из раскопок А.П. Смирнова в 1930 г., кроме основного комплекса X–XIII вв. выделил более ранние культурные комплексы эпохи раннего металла (энеолит?), ананьинской культуры, скорее всего, периода V–III вв. до н. э. (по керамике), эпохи раннего средневековья, где в свою очередь могут быть выделены постазелинский комплекс третьей четверти I тысячелетия н. э. (по "кладу украшений" и керамике) и позднеломский конца I тысячелетия н. э. (по керамике).

Н.Б. Крыласова (г. Пермь) обратила внимание исследователей на проблемы определения функциональной принадлежности некоторых предметов из коллекций городищ, связанных с изготовлением одежды и обуви: разбильников, пряслиц, коромысел-ремизок, костяных игл, кочедыков, пуговиц, копоушек, ложек, амулетов. На ее взгляд, не только предметы утилитарного назначения выполняли магические функции, но и предметы, в первую очередь, магического назначения могли использоваться в практических целях. *Г.Т. Ленц* (г. Пермь) познакомила с результатами трасологического изучения изделий из кости верхнекамских городищ. *О.В. Игнатьева* (г. Пермь) проанализировала вклад А.П. Смирнова в изучение пермского звериного стиля.

В.И. Завьялов (г. Москва) на основе металлографического изучения 16 железных изделий Мокинского грунтового могильника – памятника переходного времени от гляденовской культуры к ломоватовской, пришел к выводу, что основной технологической схемой, как и в гляденовское время, остается выковка предметов из цельнометаллических заготовок. Процесс освоения таких приемов, как технологическая сварка и термообработка находится в самой начальной стадии. Какого-то заметного прогресса в области черной металлообработки по сравнению с предшествующим временем не наблюдается. Единственной новацией в кузнечном деле можно считать освоение специального получения твердой (до 0,7%) стали.

С.Я. Алибеков, Е.В. Ермакова, А.И. Шадрин (г. Йошкар-Ола) остановились на способах предварительной консервации археологических предметов до попадания их в реставрационные лаборатории.

Цикл докладов был посвящен новым направлениям работ по разработке методов исследований культурного слоя неразрушающими методами и созданию компьютерных баз данных. Сотрудники Физико-технического института УрО РАН *И.В. Журбин, А.В. Зелинский* изложили результаты многолетних электрометрических исследований планировочной структуры городища Иднакар 1992–1998 гг. и обрисовали дальнейшие перспективы. Опыты поисков методики отбора и камеральной обработки первичной информации с широким использованием новых компьютерных технологий с целью максимально возможного отражения и сохранения информации при исследованиях городища Иднакар осветили в своих докладах *М.Г. Смагин* и *Г.А. Степанова, А.В. Будин* и *М.В. Косарева.*

Е.А. Беговатов, А.Ф. Кочкина, А.Г. Петренко (г. Казань) предложили разработанные компьютерные программы по восстановлению утраченных размеров керамических изделий по фрагменту, высоты в холке крупного рогатого скота по метаподии или его фрагменту и т. п.; определению пола крупного рогатого скота по метаподии. *Н.А. Лифанов, О.И. Бражник* (г. Самара) предложили некоторые рекомендации по применению программного пакета *TYPE* для типологизации археологического материала.

Руководители Управления по охране памятников истории и культуры Удмуртской Республики *Н.П. Девятова и Л.Ф. Князева* (г. Ижевск) осветили основные направления республиканской политики в сфере сохранения историко-культурного наследия Удмуртии и состояние археологического наследия. *А.Е. Старков* (г. Пермь) изложил проект организации особо охраняемой историко-культурной территории "Парк Андроново" в черте г. Перми.

Весьма интересно прозвучали доклады этнографов *Л.А. Волковой* (г. Глазов), *Е.В. Поповой* (г. Ижевск), посвященные анализу культовой топонимики в современной этнокультурной системе ценностей удмуртов и бесермян и обрядам аграрного и поминального цикла, совершаемым поблизости от средневековых памятников *бигершай. Н.И. Шутова* (г. Ижевск) изложила предварительные итоги изысканий о роли и месте гор и возвышенностей в обрядовой жизни и мифологии удмуртского населения.

В период работы симпозиума состоялось официальное открытие постоянной экспозиции музея-заповедника, участники имели возможность познакомиться с городищем Иднакар в процессе раскопок, посетить окружающие археологические памятники. Была организована выставка полевых материалов и фотографий А.П. Смирнова из фондов Национального музея Удмуртской Республики. В дни работы симпозиума вышла в свет монография М.Г. Ивановой "Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.", изданная Удмуртским ИИЯЛ УрО РАН и посвященная систематизации и обобщению обширных материалов этого уникального памятника Волго-Камья. Материалы полевого симпозиума подготовлены к печати в отдельном сборнике "Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья", который сдан в производство в декабре 1999 г.

Маргарита Иванова
Ижевск

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ИСТОРИИ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Изучение финно-угорских народов имеет давние традиции. Но до недавнего времени оно носило в основном лингвистический характер. Всесторонней историко-культурной характеристике этих народов уделялось мало внимания. Поэтому среди историков назревало желание собраться вместе и обсудить проблемы истории финно-угров. Инициатором и организатором в реализации такого стремления выступил профессор Кюости Юлку из университета города Оулу (Финляндия).

В июне 1993 года в Оулу собрались историки, археологи, этнографы, социологи, а также филологи, культурологи, фольклористы, искусствоведы, занимающиеся историческими аспектами в своих науках. И состоялся первый международный конгресс по истории финно-угорских народов. Этот представительный научный форум не имел каких-либо ограничений в тематике докладов. (Материалы конгресса изданы в двух томах в 1996 году: Historiae Fenno-Ugricae: Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae. Ed. Kyösti Julku).

Первый международный конгресс положил начало принципиально новому этапу в изучении истории финно-угорских народов. Разрозненные силы историков, археологов, этнографов из различных стран разных континентов, работающих в этом направлении, были объединены, организовано Сообщество историков-финно-угристов (Societas Historiae Fenno-Ugricae). Также тогда было принято решение о регулярном проведении подобных научных форумов каждые пять лет.

Второй международный конгресс по истории финно-угорских народов состоялся 15-18 октября 1998 года в Таллинне. На нем, в отличие от первого, тематика докладов несколько была ограничена: для обсуждения были намечены проблемы истории родственных народов до 1917 года.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады: Кюости Юлку (Оулу) "Различные гипотезы происхождения угро-финских народов», Валерия Патрушева (Йошкар-Ола) "Этногенез финно-угров России", Ксено-

фонта Санукова (Йошкар-Ола) "Финно-угорские народы России до 1917 года: проблемы изучения".

Основная работа конгресса проходила в пяти секциях:

1. Археология и ранняя история финно-угорских народов.

2. Финно-угорские народы и индоевропеизация: смена языка или переселение народов?

3. Финно-угорские народы и Древняя Русь.

4. Финно-угорские народы и царская Россия.

5. Религия, конфессии и финно-угорские народы.

Работа всех секций была насыщенной, результативной. Было высказано много новых, в том числе дискуссионных суждений, что закладывает новый импульс к дальнейшему научному поиску. В этом отношении особенно обратили на себя внимание доклады Ласло Клима (Будапешт) "Финно-угры и специфика истории России", Светланы Червонной и Михаила Иордана (Москва) "Мировоззренческие основы финно-угорского неоязычества", Аго Кюннапа (Тарту) "Уральские народы среди своих соседей", Золтана Костольника (Техас) "Византийское христианство и ранние мадьяры", А.Ф. Сметанина (Сыктывкар) "Истоки национальной государственности коми" и многие другие. Отрадным было участие в работе всех секций, наряду с известными учеными, молодых исследователей. Это свидетельствует о том, что изучение археологии, этнографии, ранней, средневековой и новой истории финно-угорских народов будет развиваться и в будущем.

Многие доклады и выступления показали, сколь важной проблемой является смена методологических ориентиров, отход от классово-партийного принципа объяснения истории. Конгресс свидетельствовал, что западные исследователи и ученые из бывших социалистических стран сближаются в цивилизационном подходе к объяснению исторических процессов. Мы начали писать правдивую историю своих народов, освобождаясь от марксистско-ленинских догм, от русоцентризма. Но новый этап историографии финно-угорских народов только начался. Конгресс показал, что новые подходы сплошь и рядом сочетаются с инерцией старого мышления. Предстоит долгий, нелегкий путь преодоления консерватизма, становления подлинного историзма и на этой основе переосмысления исторического пути финно-угорских народов.

Наше обращение к истории продиктовано нацеленностью в будущее. Только сбросив путы навязанного извне комплекса национально-исторической неполноценности, мы можем ощутить свое историческое место. Потребность в историческом осознании себя особенно насущна для финно-угров России. Помочь родным народам в этом – трудная, но благородная задача.

Участники конгресса могли ознакомиться с богатой выставкой литературы. Состоялись презентации новых изданий, в том числе журнала

"Финно-угроведение".

Третий международный конгресс по истории финно-угорских народов решено провести в 2003 году в городе Йошкар-Ола.

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

"Финно-угроведение", 1999, № 4.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА В 1999 ГОДУ

1999
Финляндия
Год «Калевалы», карело-финского эпоса. Составитель Элиас Лённрот. Переведен на 46 языков.

28 февраля
Февраль
г. Хельсинки
День Калевалы.
Открытие музея этнологии филиала Национального музея Финляндии. Руководитель музея И. Лехтинен, председатель общества М.А. Кастрена.

3–4 марта
г. Кудымкар
Заседание консультативного комитета финно-угорских народов. Принято решение о подготовке III Всемирного конгресса финно-угорских народов и VII Международного фольклорного фестиваля.

15–18 марта
г. Москва
Международный круглый стол «Опыт работы органов государственной власти Швейцарии, Норвегии, Финляндии с парламентами саами». Российские участники приняли резолюцию о необходимости создания парламента народов Севера, Сибири, Дальнего Востока, обеспокоенные социально-экономическим положением коренных малочисленных народов.

19–23 марта
г. Ижевск
Конференция по этнофутуризму.
Выставка работ молодых финно-угорских художников «Келмеез».

6–7 апреля
г. Москва
Дни Карелии. Организованы художественная и промышленная выставки «Карелия – 99».

14–15 апреля
г. Тарту
Совещание музейных работников финно-угорских регионов.

20 апреля *г. Сыктывкар*	Открытие международной детской выставки – конкурса «Эпос финно-угорских народов».
21–23 апреля *г. Йошкар-Ола*	Десятый финно-угорский турнир по дзю-до.
4–8 мая *г. Тарту*	III финно-угорский конгресс этнофутуристов. Участниками были молодые писатели, ученые, поэты, художники из Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Финляндии, Эстонии.
10–14 мая *г. Сыктывкар*	На XVI международной финно-угорской студенческой конференции с докладами выступили студенты вузов: Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Финляндии, Эстонии.
19 мая *г. Сыктывкар*	Открылась международная выставка рисунков финно-угорских детей «Послание в XXI век. Мир для всех» в детской художественной галерее.
26–27 мая *г. Петрозаводск*	Выездное заседание комитета по вопросам образования и культуры Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Заслушан доклад о современном состоянии и перспективном развитии языков и культур уральских народов России. Члены комитета поддержали программы, касающиеся языков и культур уральских народов. На заседании приняли участие депутаты Госдумы от финно-угорских регионов и Ямало-Ненецкого округа.
16–20 июня *г. Рованиеми*	На международном фестивале народной музыки «Ютаяйсет» участвовали фольклорные коллективы Коми, Марий Эл, Мурманской области (саамы).
2–7 июля *г. Нурмес*	Международный театральный фестиваль по теме: «Деревня и город. Детская и молодежная культура». Гостями праздника были коллективы из Венгрии, России, Швеции, Эстонии.
6–10 июля *г. Тарту*	Детский финно-угорский фольклорный фестиваль.

8–11 июля
г. Ряккюля

II международный финно-угорский конкурс народных ансамблей «Кихаус», в рамках которого состоялся семинар «Сила тишины». Участниками были представители народов коми, мари, удмуртов, кольских саамов, манси, ханты.

14–18 июля
г. Глазов

Археологический симпозиум, посвященный 100-летию А.П. Смирнова.

16 июля
г. Йошкар-Ола

Вышел в свет первый номер финно-угорской газеты «Kudo+Kodu» (Дом+Очаг). Учредитель – музей им. В. Колумба. Главный редактор – В. Козлов.

16–31 июля
г. Йошкар-Ола

Летний лагерь финно-угорских детей.

20–30 июля
г. Будапешт

Финно-угорская лагерная смена в международном детском лагере «Дом народов».

31 июля – 6 августа
г. Ижевск

V международный слет старшеклассников из Башкортостана, Коми, Мордовии, Эстонии. В рамках слета проходила научно-практическая конференция по вопросам национального языка, истории, культуры.

21 июля
г. Саранск

Летние курсы финского языка и культуры.

23–25 июля
г. Йошкар-Ола

Летние курсы финского языка и финно-угроведения для сотрудников НИИ «Возрождение обско-угорских народов».

6–9 августа
г. Ижевск

VII международный финно-угорский фольклорный фестиваль. Участниками фестиваля были коллективы из Ханты-Мансийска, Коми, Карелии, Венгрии, Финляндии.

16–27 августа
г. Сомбатхей

Летний университет «Хунгарология». Организатор – кафедра филологии педагогического института им. Д. Бержени. Слушателями курсов были представители из Марий Эл, Мордовии, Карелии, Удмуртии, Ханты-Мансийского округа, Эстонии.

18 сентября
г. Хельсинки

Семинар «Этнические традиции финно-угорских народов». Организован обществом М.А. Кастрена.

23–24 сентября *г. Хельсинки*	Научный семинар «Этнические процессы первой четверти XX столетия в Волго-Камском регионе и вопросы написания истории».
13–14 октября *г. Тарту*	Заседание консультативного комитета финно-угорских народов.
16 октября	День родственных финно-угорских народов.
27–28 октября *г. Будапешт*	Международный финно-угорский телефестиваль по детской и молодежной тематике.
31 октября *г. Хельсинки*	Юлейс-Радио Финляндии и Общество М.А. Кастрена начали вести передачи на марийском и удмуртском языках о культурной жизни Финляндии. Передачи планируются вести до 26 марта 2000 г.
3–5 ноября *г. Сыктывкар*	Научная конференция «финно-угорские народы: языковые и этнические сходства». Организатор – университет «Упсала» (Финляндия), НИИЯЛИ Коми Республики.
15–20 ноября *г. Хельсинки*	Семинар по телевизионной документалистике для тележурналистов и режиссеров, работающих в финно-угорских компаниях.
19 ноября *г. Хельсинки*	Состоялась церемония вручения премий Общества М.А. Кастрена в области радио и тележурналистики.
23–24 ноября *г. Будапешт*	Международный финно-угорский семинар по демографии и статистике.
24 ноября – 6 декабря *г. Хельсинки*	Дни Москвы.
2 декабря *г. Москва*	Заседание консультативного совета по проблемам финно-угорских народов России при Министерстве по делам федерации и национальностей. Обсуждались вопросы подготовки к III Всемирному конгрессу финно-угорских народов в Хельсинки, реализации концепции государственной национальной политики на 2000 год.

В 1999 году:

Вышла книга профессора университета г. Тарту (Эстония) Рейна Таагепера «Финно-угорские республики и Россия».

И. Лехтинен, руководитель музея этнологии, председатель Общества М.А. Кастрена (Финляндия) опубликовала исследования «Марийская одежда. Об эволюции одежды волжских финно-угров».

В г. Хельсинки издан музейным ведомством справочник «Финно-угорские коллекции в музеях России». Это первое издание подобного типа, в создании которого принимали участие музейные работники, этнографы финно-угорских регионов и областей России.

Информационный бюллетень «Финно-угорский вестник» начал издаваться кроме русского также на английском языке при финансовой поддержке Консультативного комитета финно-угорских народов.

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА "ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ" ЗА 1999 ГОД

Абдулаев В. Проблемы создания электронного архива археологических материалов 4

Абукаева Л. Функционирование присубстантивно-определительных предложений в марийском языке. 2-3

Автайкин И. Ивану Андреевичу Ефимову 70 лет 4

Айварова Н. Роль национально-регионального образовательного компонента в формировании национального самосознания. 1

Алибеков С. (в соавторстве). Новое в реставрации и консервации археологических предметов (по финно-угорским памятникам Среднего Поволжья). 2-3

Андрианова Е. Структура терминов кровного родства в волжских языках. 2-3

Андуганов Ю. (в соавторстве) Рец.: Jorma Luutonen. The Variation of Morpheme Order in Mari Declension. Suomalais – ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. 226. Suomalais–ugrilainen Seura, Helsinki, 1997. 201 p. 4

Антонов Н. Национально-государственные образования финно-угорских народов и диаспоры. 1

Апакаев П. Обучение и воспитание в марийских школах и этнопедагогика: исторический аспект. 1

Апсатарова С. Формирование фонем *ā* и э в мишкинском говоре как результат контакта с тюркскими языками. 2-3

Арзамасцева Н. Особенности преподавания курса "Мировая художественная культура" в национальных группах педагогического института. 1

Артюшкина З. Традиционный костюм и цветосимволика марийской вышивки. 2-3

Барцева Л. О семантике глаголов марийского "йошкаргаш" и мордовского "якстерьгадомс". 2-3

Бахтин А. Некоторые проблемы средневековой истории марийцев. 2-3

Белорукова Г. Этнические ориентации учащихся-удмуртов средней и высшей школы (динамика изменений за 1989-1997 годы). 1

Большов С. Датировка абашевских памятников и их место в кругу культур эпохи бронзы севера Среднего Поволжья. 2-3

Бояринова Г. Несловесные средства изобразительности в драме К. Коршунова "Корныеҥ" ("Путник"). 2-3

Букина О. Погребения с остатками трупосожжений в могильниках поволжских финнов в IV-XI вв. нашей эры. 2-3

Буранова Л. Институт "свое-чужое" в пространственно-временной системе традиционного мировоззрения удмуртов. 2-3

Бутылов Н. К проблеме мордовско-тюркских языковых контактов 4

Васикова Л. Актуальные проблемы функционирования марийских языков: вопросы орфографии 2-3

Васильева О. Власть и удмуртская интеллигенция (1920-1930-е годы). 2-3

Вахрамеева Е. Значение исторического опыта "системы Ильминского" в развитии национальной школы финно-угорских народов. 1

Воронцов В. Проблемы национального самоопределения подростков из этнически смешанных семей в Удмуртии 1

Гаврилова В. Об одном из способов выражения множественности предметов в марийском языке 4

Галкин И. Юбилеи марийских языковедов. 1

Галкин И. Об одном из принципов определения последовательности проникновения иноязычных слов и форм. 2-3

Галкин И. Рец.: Beke Ödön. Mari nyelvjarasi szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) t. 1-3. Savariae, 1997-1998 4

Гареев И. Численность марийского населения Оренбургской губернии. 2-3

Глухова Н. (в соавторстве) Рец.: Jorma Luutonen. The Variation of Morpheme Order in Mari Declension. Suomalais – ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. 226. Suomalais–ugrilainen Seura, Helsinki, 1997. 201 p. 4

Головина Н. Место национальных традиций в жизни студенческого социума. 1

Горбеев Ф. О позднесарматизмах в горном и северо-западном диалектах марийского языка. 2-3

Громова Л. История, современность и перспективы развития карельского языка в Тверском регионе. 2-3

Дахин А. Этнос в контексте социокультурной стратификации современного общества. 1

Девяткина Т. Традиционная модель мира в мифологии мордвы. 2-3

Ермакова Е. (в соавторстве). Новое в реставрации и консервации археологических предметов (по финно-угорским памятникам Среднего Поволжья. 2-3

Журавлева Г. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (по материалам могильников Удмуртского Прикамья). 2-3

Зеленеев Ю. Расселение финно-угров Волго-Камья в XIII-XV вв. 2-3

Земцов И. Вопросы изучения истории марийского книгоиздания. 2-3

Золотова Т. Методические и методологические аспекты проблемы. 2-3

Зорин В. Выступление на Международном симпозиуме "Финно-угорский мир и 21 век". 1

Зорина З. Русская речь мари как модель фонетического субстрата. 2-3

Зорина О. Кулинарная лексика финского языка. 2-3

Иванов Ал. Занятость и занятия населения Марийской автономной области (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года). 2-3

Иванов Ан. Всемарийские языческие моления в 20-х годах XIX века 2-3

Иванов И. К проблеме сохранения марийского языка. 2-3

Иванов И. К юбилею Пауля Кокла 4

Иванов И. Символы в марийских обрядовых народных песнях. 2-3

Иванова З. (в соавторстве). Мотивационные аспекты обучения дошкольников марийскому языку. 1

Иванова М. Международный симпозиум, посвящённый 100-летию А.П. Смирнова и 25-летию исследований древнеудмуртского городища Иднакар (Глазов 15-18 июня 1999 года) 4

Игнаева Р. Точная множественность, определяемая посредством единиц измерения, в марийском языке. 2-3

Игушев Е. Юбилей А. Н. Ракина 4

Иордан М. Марийское неоязычество: философско-этический аспект проблемы. 1

Исанбаев С. (в соавторстве). Состояние и перспективы развития социологических исследований в Республике Марий Эл. 2-3

Исламов Ф. Ким Васин - яркий певец дружбы народов. 1

Кадыкова Г. Марийская крестьянская семья в первой половине XIX века (по "ревизским сказкам" Казанской губернии). 2-3

Казаков Е. Этнокультурное взаимодействие волжских болгар с населением Марийского Поволжья в X-XI вв. 2-3

Казанцева О. Культурные контакты гончаров Прикамья с мастерами Поволжья в железном веке (по археологическим данным). 2-3

Кауппалла П. Энергетика и финно-угорские народы: перспективы для будущего. 1

Кельмаков В. Рец.: Т.Г. Владыкина Удмуртский фольклор: Синкретизм и функциональная специфика жанров: Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. М., 1999. 44 с 4

Кислицын В. В интересах мира и согласия. 1

Козин В. Национально-региональный компонент в курсе "политология". 1
Константинова В. Проблема усовершенствования преподавания марийского языка как неродного 2-3
Коньшин А. Формирование национальной государственности у коми-пермяков. 2-3
Кораблёва С. Валеологические воззрения в народной педагогике. 1
Краснов И. Роль университетской библиотеки в диалоге культур (на примере финно-угорских народов). 1
Кудрявцев В. Языческая символика в марийском народном искусстве: традиции и современность. 2-3
Кудрявцева Р. Марийский рассказ начала XX века (поэтика жанра). 2-3
Кудрявцева Р. Рец.: Софья Чеснокова. Марийская поэма. Тарту, 1998. 162 с. 4
Кузнецова Т. Коми повесть конца XX века в поисках художественных концепций. 2-3
Кузьминых С. Памяти Владислава Евгеньевича Стоянова 4
Куклин А. Современная топономастика: достижения, поиски, перспективы. 2-3
Кулалаева Н. Рец.: Марийское краеведение в школе 4
Куликов К. Столыпинская реформа и проблемы землепользования восточно-финских народов в современной России. 1
Кутасова В. Библиотечные фонды – часть историко-культурного наследия марийского народа. 2-3
Лаллукка С. К типологизации развития диаспорных идентичностей финно-угров России. 1
Лебедева Э. Грамматические особенности марийских пословиц и поговорок 4
Лещинская Н. Западное направление культурных связей населения Вятского бассейна Приуралья в I тыс. н.э. 2-3
Липатов А. Финно-угорская *kurja и русская "избушка на курьих ножках" (этимология и семантика пракорня *kūr-). 2-3
Логинов В. (в соавторстве). Социально-экономическое обоснование природного парка «Ляпинский». 4
Лоскутова Р. Марийский фольклор как средство приобщения детей к музыкальной культуре. 1
Мазуркин П. Этнокультурные процессы и технологическое взаимодействие в финно-угорском мире. 1
Майкова Л. Народная культура как средство обучения и воспитания дошкольников (Опыт создания и деятельности экспериментальной площадки). 1
Макаров Л. Формирование ареалов древнерусских поселений на территории Прикамья 2-3
Максимов В. Прономинальное послеложное управление в марийском языке. 2-3
Марков В. Выступление на Международном симпозиуме "Финно-угорский мир и 21 век". 1
Матросова Л. Осложненные формы именного составного сказуемого в марийском языке. 2-3
Мезин П. Финно-угорский мир на карте П.И. Кеппена и в его научных исследованиях: этапы, проблемы и методы аккультурации. 2-3
Минниахметова Т. Состояние древней религии удмуртской диаспоры. 2-3
Минниахметова Т. Рец.: Л.С.Христолюбова. Учёные-удмурты: Биобиблиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1997. 860 с. 4
Мокшин Н. О некоторых тенденциях развития этнических процессов у мордвы. 1
Молданов Т. Мифологическая картина мира, воспроизводимая на современных медвежьих игрищах 2-3
Молданова Т. О происхождении геометрического орнамента хантов (семантический аспект). 2-3

Molnár G. The hungarian mythic tree. 2-3
Молотова Т. Особенности взаимоотношений марийцев с другими народами. 1
Мухамадеев Р. (в соавторстве). Частотные словари марийских языков. 2-3
Насибуллин Р. Место русских заимствований дооктябрьского периода в лексической системе современного удмуртского языка. 2-3
Некрасова Г. Функционирование форм множественности существительных в современном коми языке. 2-3
Никитин В. Культурогенез в эпоху камня в лесной части Средней Волги. 2-3
Никитина Т. (в соавторстве). Финно-угорский мир на пороге нового тысячелетия. 1
Николаев С. Республика Мордовия и мордовская диаспора: проблемы и перспективы развития. 1
Никонова Л. Традиционная медицина финно-угорских и тюркских народов Поволжья и Приуралья (краткий историографический анализ). 2-3
Обрезкова А. Исследования жизни и деятельности представителей финно-угорской интеллигенции в Казани. 2-3
Ожиганова Е. (в соавторстве). Состояние и перспективы развития социологических исследований в Республике Марий Эл. 2-3
Онина С. Декоративно-прикладное искусство обско-угорских народов 4
Орлов Г. Марийские языческие молитвы в свете "теории ландшафтов". 2-3
Орлова О. (в соавторстве). Состояние и перспективы развития социологических исследований в Республике Марий Эл. 2-3
Остапова З. Включение краеведческого и этнографического материала в содержание работы коми национального детского сада. 2-3
Ошаев А. Истоки марийского национального движения. 2-3
Павлов Н. Рец.: Г.Н. Никитина. Удмуртская община в советский период. Ижевск, 1998. 222 с. 4
Патрушев А. Культура земледелия марийцев в конце XIX - начале XX века 4
Пермяков А. (в соавторстве). Социально-экономическое обоснование природного парка «Ляпинский». 4
Перова В. Синонимические пары антонимов в марийском языке. 2-3
Пестрякова С. Москва и финно-угорские народы. 1
Петрова Е. Основные принципы и особенности домостроительства населения Марийского Поволжья во II-I тыс. до н.э. 2-3
Петухова А. Роль детского фольклора в воспитании духовной близости детей разных национальностей. 1
Плосков И. О некоторых архаических элементах коми волшебной сказки 4
Разин А. Место "Гурт кенеша" (сельской общины) в гражданском обществе. 1
Разин Р. Миф - субъективная реальность этноса. 1
Ракин А. Анатомическая лексика и нормативные словари пермских языков (сравнительный анализ). 2-3
Ракин А. Юбилей Е. А. Игушева. 1
Ржавина З. Применение национального геометрического орнамента в работе со студентами дошкольного факультета. 1
Ромбандеева Е. Рец.: Земляной братец. Екатеринбург, 1997, 136 с. 4
Рыбакова Е. Общее в генезисе и эволюции язычества народов Среднего Поволжья (к постановке проблемы). 1
Рыбалка В. Культурный обмен между Марий Эл и Венгрией в 70-90-е годы XX века. 1
Рыбалка В. Роль сельской интеллигенции в повышении культуры марийской деревни (1946-1965 гг.). 2-3
Сабанцева Ж.. (в соавторстве). Частотные словари марийских языков. 2-3

Сабитов С. О подготовке и издании свода "Марийский фольклор". 2-3
Садиков Р. Строительная жертва "гулбеч така" у закамских удмуртов. 2-3
Садовин И. Хроника 4
Сануков К. (в соавторстве). Финно-угорский мир на пороге нового тысячелетия. 1
Сануков К. Финно-угорские народы: прошлое, настоящее, будущее. 1
Сануков К. Второй международный конгресс по истории финно-угорских народов. 4
Сапегина Ю. Региональные традиции и межэтнические связи в преданиях этносов Малмыжского региона. 2-3
Свечников С. Основные черты социального строя марийцев в XV – первой половине XVI вв. 2-3
Сейлентхаль Т. Финно-угристика и международное финно-угорское движение. 1
Сепеев Г. К юбилею Т. А. Крюковой 4
Сергеев О. К проблеме составления исторического словаря марийского языка. 2-3
Сий Э. Закон обучения и родной язык финно-угорских народов. 1
Соловьев Б. К вопросу о соотношении культур эпохи ранней бронзы юга лесной полосы Волго-Уралья. 2-3
Соловьёв В. О судьбах марийского язычества. 1
Соловьёв В. Стадиальные характеристики круговой поруки коми как основополагающего общинного атрибута 4
Сорокина Н. (в соавторстве). Частотные словари марийских языков. 2-3
Строгальщикова З. Вопросы языковой политики в Конституциях Республики Карелия 2-3
Струенкова Г. Компоненты материальной культуры в системе жизнеобеспечения мордовского этноса: традиции и современность. 2-3
Сусорева М. К вопросу историко-культурных и литературных взаимосвязей марийцев и мордвы. 2-3
Сутырина О. Дискуссии 20-х годов о социально-экономическом развитии марийского народа. 2-3
Сухин В. А.А. Зенкину - 60 лет. 1
Тираспольский Г. К вопросу о типологическом вкладе финно-угорских языков в русскую субстантивную деклинацию 4
Токарева Л. Марийская школа в 20-е годы. 2-3
Токарева Н. Лесные промыслы марийцев в годы нэпа. 2-3
Томазова О. Проблема адаптации с позиции современной социальной антропологии. 1
Тот С. Научно-популярный и литературный вестник "Finnugor vilag" в зеркале финно-угорских периодических изданий. 1
Трушкова И. Об этноконфессиональных контактах населения Вятского региона. 1
Тувасева З. Этнокультуроведческий аспект в содержании образования. 1
Тужаров Г. Имеют ли статус падежа в марийском языке аппроксиматив и элатив? 2-3
Урмацких М. Обряд жертвоприношения животного у марийцев Каракулинского района 2-3
Уткин А. Рец.: Т.Б. Никитина. История населения Марийского края в I тысячелетии н.э.: по материалам могильников // Труды МарАЭ. Т. 5. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.: ил. 4
Фёдорова С. Содержательный аспект подготовки педагогических кадров для национальных дошкольных учреждений. 1
Федосеева Н. Современная марийская проза о 30-х годах. 2-3
Фомин Э. Стилистический аспект функционирования чувашского и марийского языков в сфере науки. 2-3

Фомина С. Традиции бережного отношения к природе в марийской народной педагогике. 1
Цыпанов Е. Глагольные новообразования в коми языке. 2-3
Чагин Г. Коми-язьвинские пермяки:история и современная этнокультурная ситуация. 1
Червонная С. Языческая символика и мифология в марийском искусстве. 2-3
Черных Е. Культовый комплекс Аргыжского городища на реке Вятке. 2-3
Четкарёва Р. Взгляды мари на природу как система адаптации. 1
Чураков В. О значении этнонима *ар*. 4
Чуриков И. Целостное развитие личности в народном воспитании. 1
Шабдарова Л. Символика цветов в марийских народных песнях и частушках. 2-3
Шабыков В. (в соавторстве). Состояние и перспективы развития социологических исследований в Республике Марий Эл. 2-3
Шадрин А. (в соавторстве). Новое в реставрации и консервации археологических предметов (по финно-угорским памятникам Среднего Поволжья). 2-3
Шалаев В. Россия и её финно-угорский мир на путях поиска новой истории (синергетический аспект). 1
Шапиева Н. Восточные марийцы: этапы и особенности этнической истории. 2-3
Швецов Н. Проблемы национальной школы в поликультурном обществе. 1
Шкалина Г. Традиционная культура народа мари в 21 веке. 1
Школяр Л. Стереотип педагогического мышления - основа противоречий современного музыкального образования. 1
Шпиницкая Ю. «Lapponia» Эрика Бергмана в контексте культуры саамов 4
Шурыгина А. Опыт этнокультурологического образования в общеобразовательных учреждениях Кировской области. 1
Эльтемерова О. (в соавторстве). Мотивационные аспекты обучения дошкольников марийскому языку. 1
Ядарова И. Фольклорно-этнографическая основа первых марийских очерков. 2-3
Якимов А. Язычество - одна из форм гражданского согласия. 1
Яковлева В. К проблеме мещеры 4
Яковлева В. Мещера в источнике середины XIX века (к вопросу о расселении). 2-3
Яковлева Г. Современная марийская драма. 2-3
Яшмолкина О. Взаимодействие народной и профессиональной культур в преподавании музыки в общеобразовательной школе. 1

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулаев Вячеслав Ибрагимович – кандидат технических наук, доцент, начальник ИВЦ правительства Республики Марий Эл.

Автайкин Иван Егорович – кандидат исторических наук, доцент Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Андуганов Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой финно-угорских языков Марийского государственного университета.

Гаврилова Валентина Григорьевна - аспирант кафедры финно-угорских языков Марийского государственного университета.

Галкин Иван Степанович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом языка Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева.

Глухова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорских языков Марийского государственного университета.

Иванов Иван Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорских языков Марийского государственного университета.

Иванова Маргарита Григорьевна – доктор исторических наук, профессор, учёный секретарь Удмуртского научно-исследовательского института языка, литературы и истории УрО РАН.

Кузьминых Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Логинов Владимир Григорьевич – кандидат экономических наук, руководитель группы Института экономики Уральского отделения РАН.

Онина Софья Владимировна – старший преподаватель кафедры развития этнообразовательных систем обско-угорских народов Института повышения квалификации и развития регионального образования.

Пермяков Александр Иванович – глава администрации Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа.

Плосков Иван Александрович - научный сотрудник отдела этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Сануков Ксенофонт Никанорович - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета.

Сепеев Геннадий Андреевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева.

Соловьёв Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Чураков Владимир Сергеевич - аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН.

Шпиницкая Юлия Николаевна – преподаватель Петрозаводской государственной консерватории.

Яковлева Валентина Павловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета.

«Финно-угроведение», 1999, № 4

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Телефон: 55-37-34

Редактор *Т.А. Товашова*
Технический редактор *Т.А. Товашова*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*

Английский текст *Ж.М. Сабанцевой*
Компьютерный набор и верстка *Х.Н. Полушиной*

Сдано в набор 17.02.2000. Подписано в печать 30.03.2000.
Формат 60 x 84/16. Объем 10,5 п. л. Бумага офсетная.
Заказ № 549. Тираж 500

Отпечатано с готового оригинал-макета в Марийском
полиграфическо-издательском комбинате
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112